

М. ЗАРЕЦКИЙ

ФРАНЦИЯ
НА ПЕРЕЛОМЕ

ИНСТИТУТ
МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
МОСКВА — 1935

М. ЗАРЕЦКИЙ

ФРАНЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

ИНСТИТУТ
МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
МОСКВА—1935 г.

Редактор К. Панков

Технический редактор В. Морозов

Слано в производство 27 IX 1935 г.

Тираж 15000

Подписано к печати 20/XI 1935 г.

Уполн. Главлита Б—13824

Формат 62 × 94 1/16

Огиз № 1557

7³/₄ п. л. 48000. тип. зн.

Заказ № 2552

Типография изд-ва „Крестьянская газета“, Москва, Сушевская 21.

ВВЕДЕНИЕ

С неослабным вниманием следят рабочие всех стран за борьбой, развертывающейся между фашизмом и антифашистским народным движением во Франции. И с полным основанием: борьба эта не только решает судьбу этой великой страны на последующий период, но от исхода этой борьбы зависит и развитие Европы в ближайшие годы.

Победа фашизма во Франции означала бы не только воскрешение средневековой реакции в стране, народ которой первым высоко поднял знамя борьбы за достоинство человека, она означала бы не только закабаление кучкой преторианцев народных масс, завоевавших демократические свободы в кровавых схватках и воспитанных в традициях свободолюбия, она была бы также толчком к наступлению фашистских опричников во всех буржуазных странах Европы, она развязала бы силы контрреволюционной империалистической войны.

И наоборот, успех антифашистского народного движения во Франции, его победа над злейшими врагами трудящихся внушили бы веру в свои силы пролетарским массам в странах фашистской диктатуры, укрепили бы во всей Европе силы и позиции пролетариата в период величайших исторических событий.

На долю французского пролетариата снова выпала задача сыграть великую роль, и он ее с честью выполняет. Когда история вновь воскресила призраки прошлого, когда на новом историческом этапе новые силы пытаются создать новую бастилию — бастилию фашизма, когда магнаты финансовой олигархии вызвали из гроба дух Кавеньяка, Галифэ и Мак-Магона, вывели на политическую арену их последышей, тогда ожили все славные боевые традиции французского пролетариата. Его революционное прошлое, его исторический опыт умножают его силы. «Такой рабочий класс, как французский, связан со своей прошлой историей и зависит от этой прошлой истории», — писал Энгельс в начале 1878 г.¹ Рабочий класс Франции связан с этим прошлым, ибо сыны этого класса «при каждом крупном кризисе французской истории... выходили на улицы, вооружались чем только могли,

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, стр. 403.

воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение решали судьбу Франции на последующие годы»¹. И тем самым рабочий класс Франции в течение почти столетия (1789—1871 гг.) являлся авангардом европейской революции.

Когда фашистские опричники попытались и во Франции установить режим террора и насилия над трудящимися, французский пролетариат, на баррикадах завоевавший республиканский строй и демократические свободы, нашедший силы, чтобы их отстаивать после самых кровавых поражений, показал свою мощь и свой боевой дух. Французский рабочий класс не только сплотил в рядах единого фронта свои силы для борьбы с фашизмом, он также оказал свое политическое воздействие на значительные слои мелкой буржуазии и вовлек их в народный антифашистский фронт. Он отбил первые атаки фашизма.

Уже эти первые успехи французского рабочего класса имеют большое международное значение. Своей успешной борьбой против фашизма рабочий класс Франции обогатил опыт международного пролетариата. Опыт французского пролетариата лег в основу имеющей колоссальное значение новой тактической ориентировки Коммунистического интернационала, которую дал VII конгресс Коминтерна.

«Французской компартии и французскому пролетариату, — говорил т. Димитров в своей заключительной речи на VII конгрессе, — принадлежит заслуга, что они своей практикой борьбы единым пролетарским фронтом против фашизма помогли в подготовке решений нашего конгресса, имеющих такую огромную важность для рабочих всех стран»².

Первые успехи, которые одержал французский пролетариат, еще не решают исхода борьбы против фашистской реакции. Решающие схватки еще впереди. Ухудшение экономического положения усиливает брожение в мелкобуржуазных массах, они во Франции пока еще не порвали со своими старыми партиями, но их растущее с ходом кризиса разорение подготавливает большие политические сдвиги в этом очень разношерстном и многочисленном слое во Франции. Борьба за эти массы лишь вступает в решающий этап.

Народный фронт завоевал большие симпатии в массах. С другой стороны крайняя реакция готова идти на все усилия, чтобы добиться изменения соотношения сил в свою пользу. Фашизм имеет вооруженные и поставленные на военную ногу организации, он создал боевой кулак в столице. Эту силу реакционный лагерь пытается бросить на чашу весов в решающий момент. Но французский рабочий класс, создавая народный антифашистский фронт, выковывает то оружие, которое позволит ему использовать существующие во Франции благоприятные условия

---

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, стр. 402.

² «Правда», 22.VIII. 1935.

для победы над фашизмом в надвигающихся решающих боях.

Освещение причин, стимулирующих фашистскую опасность во Франции, обстановки, в которой разворачивается здесь борьба между пролетариатом и фашистским лагерем, выяснение тактики этого лагеря и трудностей, на которые он наталкивается в борьбе за мелко-буржуазную массовую базу, путей, на которых французский рабочий класс организует отпор фашизму, — вот задачи нашей небольшой работы.

Автор

Москва, 25. VIII. 1935.

НА ПОВОРОТЕ

Февральские дни 1934 г. знаменуют собой поворотный пункт в политическом развитии послевоенной Франции. Франция, которую еще недавно мелкобуржуазные политики провозглашали «последним бастионом свободы и демократии», стала с февраля 1934 г. ареной бурных уличных выступлений фашистских организаций, которые оказались достаточно сильными, чтобы прогнать правительство радикалов и вынудить левое большинство палаты к капитуляции и поддержке реакционного правительства «национального единства». Франция, которую мелкобуржуазные филистеры превозносили за последние годы как страну «социального мира, политической стабилизации и умеренности», стала с 1934 г. страной острых классовых столкновений и крайнего напряжения политической атмосферы. Борьба между поднявшим голову лагерем фашизма и реакцией и антифашистским фронтом, оказывающим серьезное сопротивление, стала и во Франции основным стержнем всех политических событий. Это означает, что Франция вошла в феврале 1934 г. в новую полосу политического развития, что и эта классическая страна буржуазной демократии, которой старые богатства и добыча, полученная в результате побед в войне 1914—1918 гг., дали возможность в течение ряда послевоенных лет предотвратить широкое революционное брожение в массах и резкое обострение борьбы между классами, сейчас становится на рельсы «общеевропейского развития».

И во Франции реакционные слои монополистического капитала ставят борьбу за создание фашистской или полуфашистской власти как непосредственную задачу дня. Поход фашистских лиг к палате, вдохновителями которого были тузы крупной промышленности и их политические представители — парламентские лидеры правого лагеря, — говорит о том, что решающие слои французской крупной буржуазии, которой все труднее становится «управлять по-старому» в рамках буржуазной демократии, становятся на путь «исправления недостатков парламентского механизма» при помощи боевых фашистских отрядов. Период, который начался после февральских событий, подтвердил, что влиятельные слои монополистического капитала в целях усиления своего господства со всей настойчивостью ведут борьбу за создание сильной власти фашистского или полуфашистского толка, хотя и

стремятся по возможности осуществить свои планы без коренной ломки всего государственного аппарата, без полной ликвидации парламентской системы, без превращения фашистских боевых отрядов в широкие массовые организации, оперирующие антикапиталистической демагогией. Несмотря на все вынужденные отступления, центральной осью всей политики этих слоев является борьба за «сильную власть», независимую от парламентских комбинаций, «освобожденную» от контроля и давления парламента и способную лишить трудящиеся массы политических свобод. Это подтверждают наиболее ясно два факта: поддержка руководящими кругами монополистического капитала Франции фашистских лиг и настойчивая борьба всего реакционного лагеря за «реформу» государственного строя, за ревизию конституции.

Фашистские организации, несмотря на усиленные попытки в послефевральский период значительно расширить поле своей деятельности и влияние в массах, не завоевали пока широких слоев мелкой буржуазии. Об этом свидетельствует тот факт, что на кантональных выборах в 1934 г. и на муниципальных выборах 1935 г. фашистские организации нигде политически самостоятельно не выступали. Фашистским лигам и союзам не удалось сплотить свои силы в одной организации и выработать боевую политическую программу и лозунги, способные привлечь широкие массы. Все фашистские союзы и лиги продолжают оставаться только организациями боевых кадров фашизма. Но как таковые они представляют собой серьезную силу, в первую очередь в Париже. Здесь самая крупная и влиятельная из военизированных организаций французских фашистов — «Боевые кресты» — насчитывает 30—40 тыс. активных членов. Эта организация вооруженных кадров фашизма в столице представляет боевой кулак реакционного лагеря. Финансирование влиятельными слоями монополистического капитала фашистских лиг, столь частые в устах политических представителей реакционной буржуазии угрозы выхода этих организаций на улицу, решительное сопротивление всей правой буржуазной прессы проектам роспуска фашистских организаций, попытки всей националистической прессы окружить эти союзы и лиги ореолом славы — все это убедительно говорит, что влиятельные слои французской крупной буржуазии видят в этих организациях важнейшее оружие в борьбе за создание «сильной власти». Эти организации являются той силой, которую реакционная крупная буржуазия собирается бросить на чашу весов в решающий момент при расправе с революционным движением.

«Нет и еще раз нет! Мы не уступим,» — писал видный реакционный журналист, руководитель центра пропаганды правых партий Анри де Кериллис о требовании роспуска «Боевых крестов». — В нашей огромной столице... нам необходима социальная защита, тем более мощная, что наша полиция слаба и количественно недостаточна»¹.

---

¹ «Echo de Paris», 14.XI.1934.

«Мы находимся в разгаре внутривнутриполитического кризиса, при режиме недолговечных и бездейственных правительств, в разгаре беспорядков, — повторял тот же Кериллис. — В этих условиях находящиеся под угрозой слои населения имеют все основания сами организовать свою защиту... Военизированные национальные лиги в действительности являются результатом политической анархии и неостоятельности государственной администрации и учреждений. Лучшим доказательством является факт, что 1 мая общественные власти были вынуждены обратиться к ним в ряде мест с призывом к сотрудничеству»¹.

А после полугодия дальнейшего развития борьбы между фашизмом и антифашистским лагерем Кериллис писал еще более определенно о необходимости для всего реакционного лагеря поддержать фашистские лиги: «Обнадежим, поможем, защитим организацию, без которых коррумпированный и увядающий парламентский режим не сможет впредь обойтись и которые являются самой верной гарантией против социальной революции»².

Но не только откровенный и пылкий Кериллис, но и более умеренная и консервативная газета «Temps» — самый влиятельный орган тяжелой промышленности — в передовой от 12 ноября 1934 г. назвала проекты роспуска фашистских лиг «опасными проектами», а еще значительно раньше в следующих словах объяснила, почему крупная буржуазия делает ставку на эти фашистские организации: «Профсоюзное движение чиновников является фактом... государство является его главным врагом, гражданская война — его целью. Уверено ли правительство, что в этих условиях все служащие его исполнительного аппарата являются проводниками его воли? Оно приказывает. Но уверено ли оно, что этому приказу все чиновники будут повиноваться?»³.

Реакционная крупная буржуазия борется за сохранение фашистских лиг и поддерживает их, ибо они являются важнейшим оружием в борьбе за выполнение той основной задачи, которую она себе намечает в настоящий момент, задачи создания «сильной власти» для подавления революционного движения.

Очень показательной для тех сдвигов, которые произошли в политических позициях французской крупной буржуазии в последний период, является энергичная борьба всего правого лагеря за ревизию конституции. Вопрос ревизии конституции был выдвинут на политическую авансцену лидером правого лагеря Тардьё в его статьях в 1933 г. в «Illustration» и «Liberté» и в его книге «L'heure de la décision», вышедшей в начале 1934 г. После февральских событий проект Тардьё о ревизии конституции стал знаменем всего правого лагеря, всей реакционной крупной буржуазии. Проект этот поддер-

¹ «Echo de Paris», 23.XI.1934.

² Там же, 25.VI.1935.

³ «Temps», 28.III.1934.

жала вся крупнобуржуазная пресса, наконец его глашатаем стал бывший премьер Думерг, который поставил судьбу всего кабинета в зависимость от принятия парламентом проекта ревизии конституции. Содержание проекта Тардьё, который с незначительными изменениями был после выдвинут Думергом, сводится к следующему: усиление исполнительной власти, урезывание прав парламента и начало ликвидации демократических свобод для трудящихся. Конкретно это должно было выразиться в предоставлении президенту по предложению премьер-министра права роспуска палаты (без согласия сената) и в лишении права стачки и коалиции государственных служащих.

Вопрос о ревизии конституции после падения кабинета Думерга не выдвигался больше правительственными кругами как актуальная задача дня, но при всяком более или менее крупном событии политические деятели и пресса крупной буржуазии вновь и вновь заявляют, что «реформа государства» и создание «сильной власти» являются основной и важнейшей задачей.

Выдвижение правыми буржуазными политиками «реформы государства» и ревизии конституции в центр политической борьбы показывает, что в этом лагере пока преобладает стремление продвигаться к созданию «сильной власти» постепенно, не нарушая рамок легальности, не хороня сразу всей системы буржуазной демократии. Но ревизия конституции — это только первый шаг в борьбе крупной буржуазии за перестройку системы своего политического господства, это только «программа-минимум», как характеризовал ее Тардьё. Острота борьбы, которая развернулась между лагерем реакции и фашизма и антифашистским лагерем уже при первых попытках осуществить эту «программу-минимум» реакции, усиливает стремление самых реакционных слоев монополистического капитала к дальнейшим и более решительным шагам по пути к фашистскому режиму.

Сдвиги в лагере крупной буржуазии, растущее стремление ее реакционных слоев к созданию режима фашистского или полуфашистского типа — это только одна сторона того политического поворота, который произошел во Франции в февральские дни и в послефевральский период. Другая сторона заключается в тех сдвигах, которые вызвала ставшая актуальной фашистская угроза в лагере пролетариата и близких к нему слоев трудящихся.

Февральские события 1934 г. стали исходным пунктом нового большого подъема революционного пролетарского движения во Франции. Две черты характерны для пролетарского движения во Франции после февральских дней: его сильно возросшая активность в борьбе с фашистской угрозой и огромная тяга рабочих масс к единству пролетарских рядов, которые привели к созданию единого антифашистского пролетарского фронта борьбы.

Выход фашистов на улицу 6 февраля 1934 г. показал рабочим массам Франции, насколько сильна угроза создания режима, лишаящего трудящихся всех политических свобод, которые были во Франции

завоеваны пролетариатом в кровавой и длительной революционной борьбе в течение всего XIX в. Тот факт, что политические свободы были завоеваны пролетариатом во Франции в длительной революционной борьбе, а также и то обстоятельство, что рабочие Франции, страны старой буржуазной демократии, считают демократические свободы твердо завоеванной позицией — все это усиливает решимость самых широких масс пролетариата к упорной борьбе с угрозой установления режима открытой террористической диктатуры самых реакционных слоев буржуазии. Когда рабочие Франции после 6 февраля увидели, что фашисты переносят борьбу на улицу и что парламентское большинство идет на капитуляцию перед фашистскими организациями, они поняли, что одной парламентской борьбой не удастся защитить политические свободы и предотвратить приход фашистов к власти. Это сознание вместе с осязательной угрозой фашизма толкнуло широкие рабочие массы к поискам эффективных средств борьбы с фашизмом. Возникла волна широкой внепарламентской борьбы французских рабочих, выросла огромная тяга к единому пролетарскому фронту борьбы, возросло доверие широких масс французского пролетариата к коммунистической партии и усилилось ее влияние.

Подъем антифашистской борьбы французского пролетариата, начавшийся в февральские дни, проявился в ряде мощных уличных демонстраций в Париже, во всеобщей политической забастовке 12 февраля, в отпоре, оказанном рабочими массами фашистам даже в самых захолустных пунктах страны, в больших успехах коммунистической партии на кантональных и муниципальных выборах и в создании народного антифашистского фронта, под знаменем которого 14 июля 1935 г. миллионные массы вышли на улицы французских городов.

Однодневная всеобщая стачка 12 февраля была самой крупной забастовкой в истории Франции (в ней участвовало около 4 млн. рабочих и служащих); она показала, какие широкие слои рабочих вовлекаются в борьбу с фашистской угрозой. Особенно сильно пугало буржуазию участие в стачке большинства государственных служащих, так как это показывало, что пролетариату удастся благодаря мощи своего выступления вовлечь в борьбу с фашистской угрозой и некоторые слои мелкой буржуазии. Большие политические демонстрации парижского пролетариата, особенно демонстрации 9, 12 и 18 февраля, 3 апреля и 11 ноября 1934 г., в каждой из которых участвовало около 100—150 тыс. рабочих, напоминая выступления 1919—1920 гг. — периода самого высокого подъема революционной волны во Франции, убедительно говорили об упорстве борьбы рабочих Франции с фашизмом, о напряженности этой борьбы. Об этом же свидетельствовала твердость, с которой рабочие отражали вылазки фашистов во всех уголках страны. Под впечатлением упорства этой борьбы рабочих с фашистами один из лидеров реакционного полуфашистского лагеря, депутат Ибернегаре, в своей речи на банкете «центра пропаганды» правых партий в мае 1934 г. заявил:

«Наша (агитаторов правого лагеря. — М. З.) задача становится с каждым днем все более трудной и даже опасной. Ибо сейчас всюду, куда мы идем, мы наталкиваемся на настоящую мобилизацию объеди-

ненных сил левых. Всюду, будь это в Тулоне или Байоне, в Нанте или Монте, в Бордо, Орнаке или Оране, красные знамена, пение «Интернационала», гимн советов... Всюду необузданный и полный ненависти лик революции... Вот уже скоро пятнадцать лет, как я участвую в политической борьбе. И я никогда этого не видел. Я никогда еще не видел одновременно такого возбуждения и такой дисциплины в выполнении указаний, которые даются сверху... Один из членов правительства, и не из второстепенных, один из тех, кто хорошо знает предместья Парижа, мне рассказал, что там проводится очень активная деятельность. Там слышен глухой гул бури, а в коммунистической партии заметно возрождение активности и пыла, которые за последние годы, казалось, ослабели»¹.

Крупнейшим политическим событием в пролетарском лагере Франции было последовавшее после февральских событий создание единого пролетарского фронта. Оно было подготовлено успехами компартии Франции по организации единого фронта снизу. Фактически единый фронт осуществился 9 и 12 февраля на улицах Парижа и других городов Франции, он был потом сформлен соглашением о совместной борьбе, заключенным между коммунистической и социалистической партиями. Заключая это соглашение, руководство социалистической партии Франции сделало важный шаг по пути разрыва со своей старой реформистской тактикой поддержки одной буржуазной политики против другой, — сделало первый шаг к борьбе с фашизмом и реакцией сплоченным пролетарским фронтом. Этот сдвиг в политике лидеров социалистической партии был результатом огромной тяги к сплоченному пролетарскому фронту рабочих, которые следовали за социалистической партией и входили в нее, а также результатом вовлечения пролетариатом некоторых слоев французской мелкой буржуазии сразу же после выступлений 6 февраля в антифашистскую борьбу. С одной стороны, урок, который извлекли социалистические рабочие из поражения германского пролетариата и великих успехов социалистического строительства в СССР, подорвал среди них влияние реформизма и усилил революционные тенденции, привел к сплочению и активизации левых групп социалистической партии, толкавших ее на путь единого фронта с коммунистами, с другой стороны, те слои мелкой буржуазии, на которые ориентировались социалистические лидеры, идя по пути оппортунизма, по пути парламентского и избирательного блока с радикалами, в значительной своей части повернули к совместной борьбе с пролетариатом против фашизма. Этот политический сдвиг в значительных слоях мелкой буржуазии оказал влияние на правых социалистических лидеров и ослабил их сопротивление против единого фронта. Если реформистское развитие социалистической партии, ее политика блока с радикалами означали, что некоторая часть французского пролетариата подпадает под мелкобуржуазное влияние, то создание единого пролетарского фронта после февральских выступлений фаши-

¹ «Echo de Paris», 17.V.1934.

стов говорит о том, что начался новый, обратный процесс: эта часть пролетариата все больше осознает роковые последствия реформистской политики, необходимость революционной борьбы и сплочения рабочих масс на пролетарских позициях. Если раньше известные слои пролетариата подпадали под мелкобуржуазное влияние, то сейчас, освободаясь от него (хотя правые лидеры социалистов не перестают его навязывать), пролетариат спланирует свои ряды, вовлекает в борьбу те отряды своего класса, которые прежде стояли в стороне от нее, повышает свою боеспособность и получает возможность оказывать свое влияние на известные слои мелкой буржуазии.

Благодаря этому сплочению сил пролетариата, росту его боеспособности, сказавшейся в мощных демонстрациях и всеобщей политической стачке 12 февраля 1934 г., рабочий класс Франции смог отразить первые атаки фашистов.

Они после 6 февраля не повторили своих попыток навязать свою волю стране и установить диктатуру реакционных кругов только потому, что контрдемонстрация пролетариата показала им, как велика та сила, с которой они должны будут встретиться при повторении похода 6 февраля. Во время конфликта Думерга с парламентом осенью 1934 г., когда Думерг добивался принятия новой конституции, фашистские лиги, подготовлявшие новые выступления типа 6 февраля, чтобы напугать палату и вынудить ее к капитуляции, отказались от осуществления этих планов только из-за опасения встретиться с более мощной силой пролетариата.

Из-за боязни встретиться с этой силой фашисты должны были изменить свою тактику, отложить сроки своих решающих выступлений и перейти к собиранию сил для этих выступлений в будущем.

Создание единого пролетарского фронта дало рабочему классу возможность отбить первые атаки фашистов, оно дало ему возможность, усилив свое влияние на широкие мелкобуржуазные массы, создать серьезные препятствия для дальнейшего наступления фашизма во Франции.

Буржуазные политики лелеяли надежды, что создание единого пролетарского фронта оттолкнет от пролетариата мелкую буржуазию. Они надеялись, что, угрожая призраком революции, который олицетворяется в едином фронте, они смогут подчинить влиянию реакционной крупной буржуазии значительные слои мелкой буржуазии. Они надеялись, что создание единого фронта поможет правым партиям завоевать мелкобуржуазные массы, идущие за радикалами, они также надеялись; что благодаря единому фронту социалистическая партия потеряет массы своих мелкобуржуазных попутчиков. Итоги всех выборов, происходивших осенью 1934 г. и весной 1935 г., показали ошибочность расчетов этих реакционных политиков. Влияние коммунистов значительно выросло в промышленных центрах и некоторых сельскохозяйственных округах. Социалисты, несмотря на единый фронт с коммунистами, не потеряли влияния среди своих мелкобуржуазных попутчиков. Потери радикалов в пользу правых незна-

чительны. Вопреки всем надеждам реакционной буржуазии единый пролетарский фронт привел к тому, что большая часть мелкобуржуазных масс, идущих за радикалами, повернула влево. Это толкнуло значительную группу лидеров радикалов к сотрудничеству с социалистами и коммунистами и дало возможность создать народный антифашистский фронт.

Создание этого народного антифашистского фронта имеет огромное значение для всей дальнейшей борьбы, которая разворачивается между реакционными слоями монополистического капитала, стремящимися к установлению фашистской террористической диктатуры, и пролетариатом, отстаивающим все демократические завоевания трудящихся и борющимся за социализм. Исход этой борьбы в значительной мере будет зависеть от того, кто привлечет на свою сторону широкие массы мелкой буржуазии.

В связи с развитием кризиса, ухудшением положения широких народных масс и потерей у них веры в близкое улучшение экономического положения среди этих масс нарастают недовольство капиталистическим строем, ненависть к магнатам финансового капитала и поиски чего-то нового.

В первую очередь эти настроения растут в среде важнейшего слоя французской мелкой буржуазии — в крестьянстве, которое еще до недавнего времени отличалось своим консерватизмом.

Фроссар, нынешний министр в кабинете Лавалля, осенью 1934 г., когда был еще лидером крайне правой группы в социалистической партии, подводя итоги своим впечатлениям от поездки по сельскохозяйственным районам Франции, писал: «Крестьяне страдают, опасаются, что придется еще больше страдать, ищут выхода и хотят, чтобы наступила хоть какая-нибудь перемена... То, что нарастает, — это не кризис кабинета, это революция»¹.

Недовольные мелкобуржуазные массы начинают отходить от старых буржуазных и мелкобуржуазных политических партий. Этот процесс не принял еще очень широких размеров, традиции еще оказывают большое влияние, но процесс этот начался и может при обострении положения пойти ускоренным темпом. Социалистический лидер Поль Фор, говоря о сдвигах во французском крестьянстве, пишет: «Недовольство в деревне очень глубоко, и если крестьянин не порывает резко со старыми консервативными партиями, то это результат нерешительности, боязни скачка в неизвестность. Но тем не менее легко констатировать, что он потерял доверие к людям и партиям, за которыми он до сих пор шел»².

Основная масса мелкой буржуазии хотя и теряет доверие к партиям, за которыми она шла в течение десятилетий, все еще выжидает, не решаясь на резкий разрыв с ними.

---

¹ «Marianne», 24.VIII.1934.

² «Populaire», 19.VIII.1934.

Но и в этой массе под ударами кризиса и бесперспективности завтрашнего дня значительно вырос интерес к политической борьбе. В «ECHO de Paris» старый реакционный академик Бордо горько жалуется, что массы во Франции, которые еще до недавнего времени были столь далеки от политики, сейчас все больше вовлекаются в политическую борьбу. И если до недавнего времени в избирательных кампаниях доминировали локальные интересы, то сейчас в центре внимания стоят основные вопросы политической ситуации, причем борьба вокруг них ведется с большой ожесточенностью.

Значение народного антифашистского фронта в этих условиях особенно велико. Выступая, с одной стороны, в защиту демократических свобод и прав трудящихся, пролетариат мобилизует на борьбу с фашизмом широкие слои народа, имеющие старые демократические традиции, а с другой стороны, выступая в качестве передового борца в защиту экономических интересов разоряющихся слоев мелкой буржуазии, разоблачая в этой борьбе фашистов как наймитов финансовых магнатов, показывая широким народным массам путь спасения от «грозящей катастрофы», пролетариат направляет недовольство этих масс и их антикапиталистические настроения в русло борьбы с их действительными угнетателями, ставит серьезные преграды для проникновения фашистов в широкие слои мелкой буржуазии и укрепляет фронт борьбы за социализм.

И действительно, благодаря активности французского пролетариата и правильной политике пролетарского авангарда фашизму не удалось во Франции завоевать широкие слои мелкой буржуазии; он расширил свое влияние лишь в кругах средней буржуазии, офицерства, а также среди отдельных прослоек банковских и коммерческих служащих, инженерно-технического персонала, лавочников и ремесленников аристократических районов Парижа и тому подобных групп, тесно связанных с крупной буржуазией. Значительные слои мелкой буржуазии еще идут за старыми буржуазными и мелкобуржуазными парламентскими партиями. Но все большую притягательную силу среди широких слоев мелкой буржуазии, в первую очередь тех, которые шли и идут еще за радикальной партией, приобретает антифашистский народный фронт. Уже с первых выступлений пролетариата против активизировавшегося фашизма в феврале 1934 г. к нему примкнула очень значительная прослойка государственных служащих, имеющая довольно большой удельный вес в политической жизни страны. Уже тогда начался рост антифашистских настроений в более широких слоях городской и сельской мелкой буржуазии. Демонстрации 14 июля и последние выборы весной и летом 1935 г. показали, что большие отряды французской мелкой буржуазии встали на путь сотрудничества с пролетариатом в борьбе против фашистской угрозы. Это является большим успехом французского пролетариата в борьбе с фашизмом.

Во всех классах французского общества за последние годы произошли глубокие сдвиги. Среди реакционных слоев монополистического капитала произошел рост стремлений к фашистскому или полуфашистскому режиму «сильной власти», для борьбы за осуществление своих стремлений наиболее реакционные круги крупной буржуазии создали и поддерживают вооруженные фашистские лиги. Среди пролетариата произошел рост боевой активности и сплоченности, создан единый пролетарский фронт, значительно выросло влияние компартии и наконец среди мелкой буржуазии обозначился рост недовольства существующим социальным строем и недоверия к старым буржуазным и мелкобуржуазным парламентским партиям. Наряду с ростом влияния фашистов в отдельных небольших прослойках мелкой буржуазии произошло вовлечение значительных ее слоев в народный антифашистский фронт.

Эти изменения в позициях всех классов глубоко подрывают всю партийно-парламентскую систему буржуазной демократии во Франции.

Система эта покоилась на том, что в центре политической жизни страны стояла борьба двух буржуазных политик — «радикальной» и реакционной. Это давало господствующему классу возможность затушевывать классовое расслоение общества и удерживать под своим влиянием значительные слои трудящихся. Но в настоящее время основной водораздел идет между фронтом реакции и фашизма, вокруг которого группируется весь правый лагерь, и народным антифашистским фронтом, во главе которого выступает пролетариат и к которому примыкают все более широкие слои радикальной мелкой буржуазии.

В выборах, которые происходили в течение последнего года, именно этот водораздел выступал очень ярко. Руководящая роль пролетариата в народном фронте и сдвиг в правом лагере центра тяжести к фашистским реакционным элементам отражают поляризацию классовых сил, которая подрывает старую партийно-парламентскую систему буржуазного господства.

Новая полоса внутривнутриполитического развития, в которую вступила Франция после февраля 1934 г., потому и имеет первостепенное значение для судеб этой великой страны, что сейчас решается вопрос, пойдет ли развитие в сторону фашизма или в сторону правительства антифашистского народного фронта, разгрома фашистской реакции и подготовки пролетарских масс к дальнейшей борьбе за социализм.

Борьба между фашизмом и антифашистским фронтом находится только на первых этапах своего развития. Первые неудачи фашизма не решают еще исхода дальнейшей борьбы. Для того чтобы заглянуть в ее ближайшее будущее, важно разобраться конкретно в источниках фашистских тенденций, в тактике реакционных слоев монополистического капитала и в соотношении борющихся сил.

ОСЛАБЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ФРАНЦУЗСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Серьезные изменения в отношениях между классами и поворот в политической жизни Франции вызваны в первую очередь теми глубокими сдвигами, которые за последнее время произошли во французской экономике. Народное хозяйство Франции, которое в течение ряда послевоенных лет находилось в значительно более благоприятных условиях, чем хозяйство других капиталистических стран Европы, в последние годы особенно сильно почувствовало удары мирового экономического кризиса. Это не могло не отразиться на отношениях между классами французского общества и на политическом строе страны.

Относительная устойчивость буржуазной демократии во Франции в послевоенный период была результатом укрепления экономической мощи французского империализма после победы в войне 1914—1918 гг. Французский империализм, пожиная плоды этой победы, пережил в послевоенный период такой экономический подъем, какого не знала в эти годы ни одна из буржуазных стран Европы. Разорение широких народных масс не приняло во Франции до последнего времени таких размеров, каких оно достигло в эти годы в Германии, Италии и других капиталистических странах европейского континента. Поэтому Франция до последнего периода не переживала таких сильных революционных встрясок, как Италия или Германия, и крупная буржуазия была в состоянии во Франции осуществлять свое господство в рамках буржуазной демократии и парламентаризма. Но в последние годы, когда мировой экономический кризис начал переходить в депрессию особого рода, наступили тяжелые времена для народного хозяйства Франции. Понять причину этого поворота можно лишь на основе анализа характера французского послевоенного «процветания».

Франция была в послевоенной Европе страной самого большого роста промышленной продукции. Индекс промышленного производства во Франции в 1930 г. равнялся 140 (уровень 1913 г. = 100), в то время как в Англии он не подымался выше 94, а в Германии в момент наиболее высокого подъема в докризисные годы едва превышал 120. Еще более ярким показателем высокого промышленного подъема во Франции является рост потребления железа. Франция в потреблении железа на душу населения сделала за послевоенный период самый большой шаг вперед по сравнению с другими капиталистическими странами Европы.

Потребление железа (в кг на душу населения)

Г о д ы	Германия	Франция	Англия
1913	222	132	179
1929	198	210	233

Но каков был характер этого послевоенного подъема французской промышленности? Во Франции послевоенный подъем еще в большей мере, чем в других странах, и в значительно большей степени, чем

конъюнктурные подъемы в довоенные годы, был связан с ростом производства средств производства. Это ярко видно из сравнения развития за послевоенный период текстильной промышленности, этой наиболее типичной отрасли, производящей средства потребления, и развития металлообрабатывающей промышленности — типичной отрасли производства средств производства. В то время когда индекс текстильной промышленности составлял во Франции в 1930 г. — в год наиболее высокого конъюнктурного подъема — только 85 (1913 г. = 100), индекс металлообрабатывающей промышленности составлял 157, а индекс выплавки стали — 138. Иначе говоря, в момент самого высокого конъюнктурного подъема производство важнейшей из отраслей, связанных с массовым потреблением, на 15% отставало от довоенного уровня, а продукция важнейшей отрасли производства средств производства почти на 60% превышала довоенный уровень. Такого разрыва не знала ни одна из капиталистических стран. Это показывает, в какой степени послевоенный экономический подъем во Франции не был связан с развитием массового потребления, насколько этот подъем был вызван особыми, специфическими причинами (при этом не только расширением металлургической базы вследствие присоединения Лотарингии). Важнейшими из этих причин являются восстановление разрушенных войной районов и связанная с этим послевоенная техническая реконструкция французской промышленности, финансируемая за счет репараций и инфляции, которая во Франции затянулась до 1926 г. Огромное строительство по восстановлению этих районов, которые занимали одну шестую часть всей территории Франции и в которых сосредоточивались две трети всего производственного аппарата французской тяжелой промышленности, создало широкий рынок для французской промышленности средств производства. Восстанавливаемые предприятия отстраивались на новой, значительно более высокой технической базе. Французская промышленность в довоенные годы характеризовалась отсталостью технического развития и большим удельным весом мелких и средних предприятий. Военные разрушения были использованы французскими капиталистами как раз для того, чтобы создать производственный аппарат на уровне новейшей техники.

Уже в годы войны во Франции, для того чтобы компенсировать потери, понесенные в связи с захватом германскими войсками важнейших промышленных районов страны, и для того чтобы усилить снабжение армии военными материалами, началось большое строительство металлургических и машиностроительных предприятий в районах, находившихся вдали от фронта. Недостаток рабочих рук в годы войны толкал на путь максимальной механизации работ, и поэтому новые предприятия создавались как передовые в техническом отношении.

В послевоенные годы при восстановлении военных разрушений техническая реконструкция французской промышленности пошла вперед еще большими шагами.

Приведем несколько примеров технического перевооружения французской промышленности. В угольной промышленности Па-де-Кале-

самого крупного во Франции района этой отрасли промышленности—механизированная добыча посредством пневматических молотков составляла в 1913 г. 4,7% общей добычи угля, а в 1931 г.—80,7%. Таким образом механизированная добыча выросла в этом районе за послевоенный период в 16 раз. В Северном департаменте механизированная добыча составила в 1931 г. 91,7%. Пневматических молотков в Па-де-Кале было в 1913 г. 1 392, а в 1931 г.—21 955. В Северном департаменте в 1913 г. было 195 пневматических молотков, а в 1931 г.—9 718¹.

О технической реконструкции в металлургии нет точных данных, но и здесь этот процесс происходил в очень больших размерах. Один из лучших знатоков французской промышленности, английский торговый атташе во Франции Роберт Кахил, пишет о реконструкции французской металлургии следующее:

«С 1914 г. огромное большинство металлургических предприятий в пределах довоенных границ Франции было либо полностью реконструировано и оборудовано самой современной техникой, либо существенно реорганизовано и улучшено, причем и в том и в другом случае было произведено расширение предприятий. Возвращение Лотарингии привело не только к тому, что Франция удвоила свои залежи железной руды, но и к тому, что она получила большое количество весьма крупных и уже современных металлургических предприятий. На территории, которая не была охвачена войной, это развитие выразилось главным образом в усовершенствовании предприятий в течение военного времени, причем количество мартеновских печей было увеличено на 100%, конвертеров—на 102, электропечей—на 90, тигельных печей—на 105%. Значительные дальнейшие улучшения и расширения были достигнуты в послевоенные годы и даже в 1931, 1932 и 1933 гг. на востоке и севере Франции, где были расположены две трети довоенной металлургической промышленности, которая в период войны почти целиком была уничтожена. Общая реконструкция, предпринятая главным образом в период 1919—1925 гг., неуклонно проводилась по меньшей мере до 1931 г.

Следовательно, имея в виду значительное расширение промышленности на территории, не входившей в районы военных действий как во время войны, так и после войны, имея в виду почти повсеместную реконструкцию и оборудование целых предприятий в северных и восточных военных районах и их постоянное улучшение, производившееся и после периода специфического послевоенного восстановления, а также имея в виду получение почти современной и подвергнувшейся дальнейшему улучшению и расширению промышленности Эльзас-Лотарингии,—можно утверждать, что преобладающая часть нынешней французской металлургической промышленности была реконструирована в период 1914—1932 гг.»².

Техническая реконструкция производилась и в ряде других отраслей. Очень большие изменения произошли во французской химической промышленности, где был создан ряд совершенно новых для Франции

¹ R. Cahil, *Economic Conditions in France*, London, Department of Overseas Trade, 1934, p. 112.

² Там же, стр. 213—216.

производств (производство красителей и т. д.). За последние годы была создана отсутствовавшая ранее во Франции нефтеперегонная промышленность. Техническое перевооружение промышленности дало толчок к росту потребления электроэнергии и строительству электростанций. Если в 1923 г. электростанции Франции производили 7 410 млн. квтч, то в 1930 г. их производство достигло 15 839 млн. квтч.¹

Эта техническая реконструкция французской промышленности наряду с восстановлением разрушенных областей и с очень большим строительством портов, дорог и укреплений на франко-германской границе создали большое расширение внутреннего рынка для отраслей производства средств производства и явились основой всего послевоенного экономического подъема во Франции.

Но именно это и говорит о том, что важнейшие причины бурного развития французской промышленности в послевоенные годы были такого порядка, что они оказывали свое действие только в течение ограниченного отрезка времени. Расширение внутреннего рынка для отраслей производства было главным образом вызвано обстоятельствами преходящего порядка, а не общим подъемом народного хозяйства. Некоторые из этих преходящих обстоятельств—толчок к технической реконструкции, данный восстановлением военных разрушений,—продолжали оказывать свое воздействие и в первые годы кризиса. В 1929—1930 гг. и даже в 1931 г. продолжались начатая раньше техническая реконструкция и расширение производственного аппарата в ряде отраслей промышленности, в первую очередь в металлургии. Продолжалось строительство нефтеперегонной промышленности и новых электростанций. Большое значение имело оживление сильно развитой во Франции военной промышленности. Наконец как раз в эти годы большой размах получило строительство стратегического характера (сооружение крепостей на германской границе и т. д.). Все это ослабило в первые годы кризиса его остроту во Франции. Поэтому французская промышленность не докатилась тогда до такой низкой точки, как промышленность Германии или США. Но как раз в 1932 г., когда мировой кризис начал переходить в депрессию, во Франции приходят к концу затянувшиеся строительные работы и исчезают те причины, которые способствовали ослаблению остроты кризиса в первые годы его развития; статистические данные показывают, что очень сильное сокращение строительства падает как раз на 1932, 1933 и 1934 гг. Если к началу 1933 г. индекс строительной промышленности составлял около 120, то к середине 1935 г. он падает до 80.

Рост производства средств производства в послевоенные годы во Франции был во вторую очередь вызван присоединением к ней Эльзаса и Лотарингии, значительно более развитых в промышленном отношении, чем остальные области Франции, и богатых промышленным сырьем.

Лотарингия в довоенные годы выплавляла чугуна всего на 25% меньше, чем вся Франция в ее тогдашних границах (Франция в 1913 г. выплавляла 5 200 тыс. *т* чугуна, а Лотарингия —3 800 тыс. *т*). Эльзас производил в довоенные годы около половины того количества

¹ Там же, стр. 178.

хлопчатобумажных тканей, которое производила в те годы вся Франция (эльзасская хлопчатобумажная промышленность имела в 1913 г. 50 тыс. станков, в то время как вся довоенная французская хлопчатобумажная промышленность насчитывала 108 тыс.).

Богатства вновь присоединенных областей промышленным сырьем в первую очередь выражаются в больших запасах железной руды Лотарингии. В 1913 г. в этой области добывалось столько же железной руды, сколько во всей Франции (свыше 21 млн. *т*). Наряду с рудой Франция приобрела богатые залежи боксита, являющегося сырьем для алюминиевой промышленности. В связи с присоединением новых областей добыча боксита, составлявшая во Франции в 1913 г. 310 тыс. *т*, выросла до 643 тыс. *т* в 1929 г. Это явилось толчком к развитию алюминиевой промышленности во Франции: в 1913 г. Франция производила 14,5 тыс. *т* алюминия, а в 1929 г.—29 тыс. *т*. В Эльзасе Франция приобрела также богатые залежи калия, что способствовало развитию химической промышленности.

Но присоединение к Франции промышленно развитых областей влекло за собой гораздо больший рост производственного аппарата промышленности, чем рост внутреннего рынка для промышленных товаров. Это увеличивало противоречие между производственными возможностями и ограниченным внутренним рынком, несло зародыши будущих экономических трудностей, которые со всей силой сказались как раз в последние годы, когда закончилась техническая реконструкция, вызванная восстановлением военных разрушений.

Послевоенный подъем во Франции был вызван в третью очередь большим притоком во Францию иностранных туристов и значительным ростом экспорта в 1924—1926 гг. в связи с затяжной инфляцией и стабилизацией франка на низком уровне. О роли иностранного туризма во французской экономике в годы подъема достаточно ярко говорит то, что доход от него составлял в 1929 г. около 12 млрд. фр., т. е. больше одной пятой стоимости всего французского экспорта за этот год. Что касается французского экспорта в годы инфляции, то о его особенно большом росте свидетельствуют следующие данные: в 1927 г. экспорт из Франции составлял больше 160% довоенного экспорта, в то время как германский экспорт к этому времени едва перешагнул довоенный уровень, а в Англии составлял около 130% довоенного уровня.

Но и эта причина послевоенного экономического подъема во Франции носила преходящий характер. Благоприятное воздействие стабилизации франка на низком уровне быстро прошло. Еще до мирового экономического кризиса, в 1928—1929 гг., произошло сокращение французского экспорта по сравнению с 1927 г. Мировой экономический кризис нанес сильный удар внешней торговле и туризму. Но особо тяжелые удары испытала Франция в последние годы кризиса, когда большинство капиталистических стран стало на путь инфляции и перешло к обесцененной валюте. Франция же, в первую очередь благодаря большой роли банковского капитала в экономической и политической жизни страны, на этот путь не встала и осталась верной золотому стандарту. Получилось положение как раз о б р а т н о е тому, которое существовало в 1925—1926 гг. Франция в силу ряда причин, которые

осветим ниже, стала по сравнению с другими капиталистическими странами страной с самым высоким уровнем цен. Это создало дополнительные трудности для французского экспорта, новые преграды для развития туризма и повлекло за собой серьезные последствия для французской промышленности.

Французское послевоенное «процветание», вызванное рядом преходящих обстоятельств, создало в народном хозяйстве Франции глубокие внутренние противоречия, которые с большой силой обнаружились в последние годы. Во Франции очень значительно возросло производство средств производства при сохранении уровня и даже падении производства средств потребления, возросла тяжелая промышленность и началась быстрая индустриализация страны при сохранении крайне отсталого уровня сельского хозяйства.

Отсталость французского сельского хозяйства является результатом преобладания мелких раздробленных крестьянских хозяйств. Французская статистика не дает более или менее точных данных о структуре сельского хозяйства, однако имеющиеся неточные старые данные показывают, что хозяйства с земельной площадью до 10 га составляли около 90% всех хозяйств, а из них около половины составляли хозяйства с земельной площадью меньше 1 га. Эта крайняя раздробленность сельского хозяйства ставит очень узкие пределы использованию новой техники и влечет за собой отсталость французского сельского хозяйства. Она отражается в слабом использовании химических удобрений. Хотя за послевоенный период употребление химических удобрений во Франции несколько повысилось, оно все же значительно отстает от соседних с Францией западноевропейских стран. В 1929 г. потребление азота на 1 га обрабатываемой земли составляло во Франции 6 кг, в то время как в Германии—14 кг, в Бельгии—38 кг и в Голландии—47 кг. Еще более отсталым является французское сельское хозяйство в отношении механизации. Известно, что за исключением крупных ферм на севере Франции использование сложных сельскохозяйственных машин и тракторов является во французском сельском хозяйстве редкостью. Отсталость французского сельского хозяйства приводит к низкой урожайности. Несмотря на высокое качество почвы, сбор зерновых культур с гектара во Франции ниже, чем во всех других странах Западной Европы: он составлял за период 1922—1930 гг. 13,6 квинтала, в то время как например в Бельгии он составлял 25,2, в Дании—31,3. Ниже Франции по урожайности находятся или отсталые страны юго-востока Европы (Венгрия, Румыния, Польша) или страны, имеющие большие необработанные земельные площади, небольшую плотность сельскохозяйственного населения и ведущие экстенсивное хозяйство (Аргентина, США, Канада и др.).

Учитывая значительный удельный вес сельского хозяйства во всей экономике Франции (по данным последней переписи, проведенной в 1931 г., свыше 35% всего населения Франции черпает свои доходы из сельского хозяйства), легко себе представить, какие узкие рамки для

расширения внутреннего рынка ставит преобладание во Франции малоземельного, технически отсталого сельского хозяйства. Это показывает, какие противоречия неизбежно накапливались в народном хозяйстве Франции в результате значительного роста производственного аппарата тяжелой промышленности, происходившего при крайне слабом развитии рынка для массовых потребительских товаров.

Сейчас это резкое несоответствие между сильно возросшим производственным аппаратом французской промышленности и ограниченными возможностями внутреннего рынка признают и руководители капиталистического хозяйства. Глава крупнейшего французского металлургического концерна де Вандель в своей речи на съезде правой Республиканской федерации в Ницце горько жаловался на то, что во Франции в годы подъема произошло «увеличение ее промышленного оборудования, снабженного средствами производства, не находящимися в соответствии с внутренним потреблением»¹.

А английский торговый атташе во Франции Роберт Кахил подчеркивает, что это явление, наблюдающееся и в других странах, выступает во Франции гораздо отчетливее. Он пишет:

«Во Франции, как и во многих других передовых промышленных странах, после войны создалось явное несоответствие между национальной производственной способностью и национальным потреблением. Это явление повидимому выступает во Франции гораздо отчетливее, чем в других странах, ввиду огромной реконструкции, охватывавшей иногда целые отрасли промышленности после разрушений, нанесенных войной. Это проявляется в ряде важных отраслей промышленности»².

Экономическое положение во Франции характеризуется не только тем, что специфические черты послевоенного подъема породили особенно глубокие противоречия в ее народном хозяйстве, которые усиливают препятствия для изживания современного экономического кризиса,—оно характеризуется еще и тем, что эти препятствия увеличиваются также благодаря ряду структурных особенностей французского капитализма.

Эти особенно большие трудности изживания кризиса находят свое выражение в движении цен во Франции. Франция выделяется среди других капиталистических стран наиболее слабым падением за годы кризиса «стоимости жизни», т. е. цен, которые определяют затраты рабочего и служащего. В то время как в Англии индекс стоимости жизни к концу 1934 г. составлял 86 (уровень 1928 г. = 100), в Канаде—80 и даже в Бельгии—около 85, во Франции индекс стоимости жизни стоял на уровне 100. После пяти лет кризиса индекс стоимости жизни стоял во Франции на уровне 1928 г. Это показывает, какие огромные трудности существуют во Франции для изживания кризиса. Где причины такой высокой «стоимости жизни» во Франции?

В течение ряда лет (до 1934 г.) важной причиной этого был относительно высокий во Франции уровень цен сельскохозяйственных про-

¹ «Supplément au Bulletin Quotidien» N 93, 25.IV.1935.

² R. Camil, Economic Conditions in France, p. 626.

дуктов. В результате аграрного сверхпротекционизма, который энергично проводился в течение первых лет кризиса, цены сельскохозяйственных продуктов во Франции в 1932/33 г. были в два-три раза выше, чем на мировом рынке. Как это видно по прилагаемой таблице, с осени 1931 г. во Франции образовались ножницы между ценами аграрных продуктов и ценами промышленных изделий в пользу сельского хозяйства. Ножницы сомкнулись здесь только к началу 1935 г.

Индекс цен на промтовары и аграрные продукты во Франции (1913 г.=100)

Месяцы и годы	Общий индекс	Индекс цен промтоваров	Индекс цен с.-х. товаров
Январь 1930	576	630	512
Сентябрь 1931	556	551	562
Декабрь 1933	407	385	432
Декабрь 1934	344	343	344
Май 1935	340	324	353

Происходило это в условиях, когда во всех других капиталистических странах образовалось большое расхождение ножниц в пользу промышленности.

Высокий уровень цен во Франции также вызван политикой монополистических объединений в промышленности, политикой демпинга на внешних рынках. Во Франции ряд отраслей промышленности, в первую очередь металлургия, значительную часть своей продукции (30—40%) вывозит на внешние рынки, продавая ее там по значительно пониженным ценам. Монополистические объединения обеспечивают возможность такого значительного бросового экспорта сохранением высоких цен на внутреннем рынке. Цены промышленных изделий на внутреннем рынке находятся во Франции на более высоком уровне, чем в ряде других капиталистических стран. Это в известной мере отражает следующая таблица:

Индекс оптовых цен (1913 г.=100)

Г о д ы	Общий индекс	Индекс национальных изделий	Индекс импортных товаров
1928 (среднегодовой)	634	619	660
1930	543	591	458
1933	386	434	306
1934 (декабрь)	344	373	291
1935 (июнь)	344	366	303

В 1933 г. разрыв между ценами национальных изделий и ценами импортных товаров очень велик. В 1934 и 1935 гг. начинается процесс некоторого выравнивания этих цен, но идет этот процесс очень медленно.

Самой важной причиной высокого уровня «стоимости жизни» во Франции является чрезвычайно большое расхождение между оптовыми ценами и «стоимостью жизни».

Генри Стракош, один из крупных финансовых дельцов Англии, в своей работе «The road to recovery» приводит чрезвычайно показательное сравнение между движением индексов оптовых цен и «стоимостью жизни» во Франции и в Англии.

Во Франции индекс оптовых цен в 1928 г. был равен 100, к концу 1934 г. он упал до 60, индекс же «стоимости жизни» к концу 1934 г. остался на уровне 1928 г. В Англии индекс оптовых цен, который в 1928 г. был равен 100, к концу 1934 г. составлял около 75, а индекс «стоимости жизни» — около 87.

Таким образом расхождение между индексом оптовых цен и индексом «стоимости жизни» к концу 1934 г. по сравнению с положением в 1928 г. выросло в Англии до 18%, а во Франции — до 70%. В Англии было меньшее падение оптовых цен, но потребитель это в какой-то мере почувствовал; во Франции падение оптовых цен было большее, но потребителя это совсем не коснулось.

Крупный французский буржуазный экономист Сироль в своей книге «Les problèmes français du blé», которая является самым серьезным трудом по изучению зернового хозяйства во Франции, приводит очень показательные данные о движении цен хлеба и цен зерна в годы кризиса, которые ярко показывают, что снижение цен у производителя не доходит до потребителя:

Движение цен на хлеб и на зерно

Г о д ы	Цены на хлеб	Цены на зерно
1928/29	203	153
1929/30	219	132
1930/31	240	165
1931/32	225	156
1932 (август)	214	118

По исчислениям Сиroleя, доля производителя в цене 1 кг хлеба составляла в 1928/29 г. 75%, а в августе 1932 г. — 55%. Сироль заканчивает свои исчисления на августе 1932 г. В 1933/34 г. разрыв между ценами, которые получает за свое зерно крестьянин, и ценой хлеба в розничной продаже значительно вырос.

Где причины столь сильного разрыва, образовавшегося во Франции в годы кризиса между основными ценами и «стоимостью жизни»? Здесь несомненно действуют те же причины, что и в других капиталистических странах, где в годы кризиса падение розничных цен не поспевало за падением оптовых цен. Но во Франции некоторые из этих причин благодаря специфическим особенностям французской экономики действуют с особой силой.

Высокие косвенные налоги усиливают разрыв между оптовыми ценами и «стоимостью жизни». Государственный и местный бюджеты поглощают во Франции свыше 30% народного дохода. Налоги для покрытия этих огромных бюджетов во Франции в основном косвенные.

Бывший министр финансов, а в настоящее время морской министр Пьетри подсчитывает, что прямые налоги составляют всего 27% всех фискальных доходов государства¹.

Но где причины высокого государственного бюджета во Франции? В первую очередь в больших расходах государства по оплате огромного внутреннего долга. Внутренний долг во Франции составляет на 31 марта 1935 г. огромную сумму в 324 млрд. фр., только за последние 5 лет он вырос на 60 млрд. фр. Расходы, связанные с оплатой процентов по государственному долгу, составляли в 1934 г. 40% всего государственного бюджета. Таким образом грандиозный государственный бюджет, в котором самую большую долю расходов составляет оплата процентов по внутреннему долгу, стал насосом, перекачивающим значительную часть прибавочной стоимости от промышленного капитала к ссудному. Реальная тяжесть высокого налогового обложения значительно выросла в годы кризиса при общем сокращении доходов и общем падении цен. Высокие налоги при преобладающей роли в податном обложении косвенных налогов являются одной из важнейших причин колоссального разрыва между оптовыми и розничными ценами во Франции.

Высокий уровень розничных цен бьет по французскому внутреннему рынку, сужая покупательную способность масс.

Высокий уровень этих цен создает добавочные преграды для притока иностранных туристов, а доходы от туризма играли большую роль в народном хозяйстве Франции. Количество иностранных туристов упало с 2 125 тыс. человек в 1927 г. до 700 тыс. в 1934 г.; доход от иностранного туризма сократился с 12 млрд. фр. в 1929 г. до 2,5 млрд. фр. в 1934 г. Приезд иностранных туристов во Францию сократился в значительно большей степени, чем приезд туристов в другие страны Европы.

Высокий уровень «стоимости жизни» бьет в конечном результате и по французскому экспорту. Высокая «стоимость жизни» затрудняет снижение зарплаты во французской промышленности и вместе с тем снижение ее издержек производства и понижает тем самым ее конкурентоспособность в отношении промышленности других стран. А проблема экспорта является для послевоенной французской промышленности важной проблемой. Кахил в своем последнем отчете пишет:

«Металлургическая, машиностроительная, шерстяная, шелковая, хлопчатобумажная, химическая и другие отрасли промышленности, чтобы существовать, должны экспортировать значительную часть своей продукции. Так например, чтобы сохранить нынешний уровень производства, необходимо экспортировать около 40% производства чугуна и стали, около половины продукции шерсти и шелка, между тем как до войны вывозилось менее 10% французской продукции чугуна и стали»².

¹ F. Pietri, Justice et injustice fiscale, p. 183.

² R. Cahil, Economic Conditions in France, p. 617.

В отношении экспорта французская промышленность пыталась компенсировать потерю внешних рынков развитием экспорта в свои колонии. За годы кризиса она в этом отношении добилась известных успехов. Франции удалось значительно поднять удельный вес экспорта в свои колонии в общем французском экспорте. Удельный вес колоний во французском экспорте составлял 11,4% в 1927 г. и 32% в 1933 г. (в экспорте промышленных изделий он доходил до 37%). Однако нужно отметить, что рост удельного веса французского экспорта в колонии происходил при сокращении этого экспорта в абсолютном выражении. Французский экспорт в колонии составлял 9 449 млн. фр. в 1929 г. и 5 973 млн. фр. в 1933 г. Если, несмотря на сокращение французского экспорта в колонии, удельный вес в общем французском экспорте вырос, то это произошло только благодаря тому, что общий экспорт Франции сократился еще значительно больше, упав с 50 млрд. фр. в 1929 г. до 15,4 млрд. в 1933 г. Таким образом развитие французского экспорта в 1934 г., несмотря на рост удельного веса экспорта в колонии, наглядно показало ограниченные возможности французских колониальных рынков как рынков сбыта для французской промышленности. В 1934 г. наступило дальнейшее снижение экспорта в колонии (с 5 973 млн. фр. до 5 502 млн. фр.), а так как общий экспорт Франции в 1934 г. не сократился так сильно, как в прежние годы, то 1934 год дал некоторое сокращение удельного веса колоний во французском экспорте (с 32,4% в 1933 г. до 31% в 1934 г.). Значительное расширение французского экспорта в колонии возможно лишь в условиях, если ему будет предшествовать большой рост экспорта капитала, который в настоящее время очень ограничен. К тому же выталкивание конкурентов из своих собственных колоний Франция может проводить только при увеличении своего импорта из колоний. А это связано с большими затруднениями, так как французские колонии являются для Франции не источником важнейших видов сырья, а главным образом поставщиками сельскохозяйственных продуктов. Французские колонии являются серьезными конкурентами для французского сельского хозяйства, и рост импорта из колоний грозит для него тяжелыми последствиями. Это очень ярко видно на примере виноделия. В Алжире, где виноделие находится в руках крупной собственности и где в значительной степени используется новейшая техника, себестоимость вина значительно ниже, чем у мелких виноделов юга Франции. Алжирские виноделы в состоянии продавать свое вино по ценам, значительно более низким, чем французские виноделы, не неся при этом потерь. Поэтому, несмотря на кризис, площадь под виноградниками в Алжире продолжает сильно расти: в 1913 г. она составляла 175 тыс. га, в 1929 г.—226 тыс. га, в 1932 г.—351 тыс. га, а в 1933 г.—373 тыс. га. Еще более значительно выросли сборы винограда в Алжире и экспорт алжирского вина. Последний составлял 4 758 тыс. гл в 1913 г., 9 млн. гл в 1929 г., 15 млн. гл в 1933 г. Облегчения, которые были сделаны в 1934 г. для импорта алжирского вина во Францию, очень тяжело отразились на французском виноделии, вызвав падение цен на 40% в течение нескольких месяцев. Это показывает, с какими глубокими противоречиями связан для Франции рост импорта из своих колоний. Поэтому не приходится также рас-

считывать на то, что французские колонии могли бы для Франции в более или менее значительной степени компенсировать сокращение ее экспорта на внешние рынки.

Ряд крупных капиталистических стран за последние годы пытался преодолеть экономический кризис на путях инфляции и организации государством больших общественных работ. Инфляция означает косвенное наступление на пролетариат, она означает экспроприацию значительных слоев мелкой буржуазии, а также удар по рантье-ским слоям капитала. Путем инфляции промышленность в ряде стран получала возможность снизить себестоимость и уменьшить тяготы своей задолженности, что облегчало ей конкуренцию на внешних рынках. Организация государством больших общественных работ являлась добавочным средством ограбления миллионных масс налогоплательщиков в пользу наиболее сильных капиталистических групп, но она в то же время означала попытку искусственно расширить внутренний рынок. Капиталисты в ряде стран пытались сдвинуть хозяйство с мертвой точки путем инфляции и госкапиталистических мероприятий. Рузвельт в США добился на этом пути известных успехов; переход к обесцененной валюте способствовал росту промышленной продукции в Англии; путем организации больших государственных работ, в первую очередь для военных целей, Гитлер добился некоторого роста промышленной продукции в Германии.

Хотя переход к депрессии, как это указал товарищ Сталин, не был результатом только военно-инфляционистских мероприятий, а явился в первую очередь результатом действия внутренних сил капитализма, военно-инфляционистские мероприятия сыграли значительную роль во многих странах в качестве толчка к оживлению экономической жизни.

Французская буржуазия не пошла по пути инфляции и организации государственных общественных работ, на который вступили другие капиталистические страны.

В первую очередь сопротивление курсу на инфляцию оказали крупные депозитные банки, представляющие интересы крупных рантье. Этот отряд финансовой олигархии во Франции хорошо организован и имеет большое влияние. Сила этого слоя отражает специфические черты французского империализма. Хотя за послевоенный период произошли изменения в структуре французского империализма, выросла его промышленная база, усилилось переплетение банковского капитала с промышленным, французский империализм еще сохранил ряд черт ростовщического империализма. Нажим крупных рантье, которые много теряют при инфляции, способствует сохранению во Франции золотого стандарта.

Кроме того значительные группы промышленников во Франции надеются поправить свои дела при инфляции. Глава самого крупного концерна во французской металлургии Франсуа де Вандель, выступая на съезде Республиканской федерации с большой программной речью, высказался против инфляции или девальвации, доказывая, что они не дадут таких благоприятных результатов, как в Англии. «Фунт стерлингов—международная монета, в то время как франк—националь-

ная монета»,—указывал де Вандель и делал отсюда следующий вывод: французские импортеры производят все свои расчеты в иностранной валюте, и поэтому девальвация сразу повлечет за собой повышение цен сырья в обесцененных франках. «Цены повысятся, и не только цены товаров, но также и особенно повысится зарплата»¹,—заклучал де Вандель, полемизируя со сторонниками девальвации.

Сопротивление инфляции вызывается также и тем, что руководящие слои французского империализма опасаются, что инфляция приведет к утечке капиталов за границу и Франция потеряет тот огромный золотой запас, который она имеет сейчас и который является в ее руках важным орудием в борьбе с другими державами.

Кроме того несомненно во Франции скорее можно опасаться, что инфляция будет сопровождаться большими политическими потрясениями. Массы мелких рантье были сильно ограблены первой инфляцией, при которой они потеряли четыре пятых своих сбережений. Новое сильное ограбление этого широкого мелкобуржуазного слоя, являющегося важнейшей социальной опорой буржуазного строя во Франции, могло бы привести к большим социальным сдвигам. Оно могло бы толкнуть этот многочисленный слой французской мелкой буржуазии на путь бунта против капитализма. Это одно из важных обстоятельств, которое заставляет руководящие слои крупной буржуазии во Франции с опаской относиться к инфляции.

Экономические интересы влиятельного слоя монополистической буржуазии во Франции и боязнь политических потрясений при ограблении масс мелких рантье привели во Франции к сильному сопротивлению со стороны решающих капиталистических слоев инфляции и к сохранению золотого стандарта.

Боязнь инфляции является также важнейшей причиной сопротивления крупного монополистического капитала во Франции делу организации больших общественных работ. К тому же французская буржуазия очень боится госкапиталистических мероприятий, так как во Франции сильны слои средней буржуазии, которые видят в госкапиталистических начинаниях урезывание своих прибылей в пользу разбухшего государственного аппарата и самых крупных капиталистических объединений, тесно с ним связанных.

Вначале мировой экономический кризис сказывался во Франции слабее, чем в других капиталистических странах. Однако резкое несоответствие сильно возросшего в послевоенные годы производственного аппарата промышленности с ограниченными возможностями внутреннего рынка, на котором сильно сказывается отсталость французского сельского хозяйства, высокое налоговое обложение, вызванное большой задолженностью государства и оплатой высоких процентов по внутреннему долгу и способствующее сохранению очень высокого уровня розничных цен, сохранение золотого стандарта—все это при-

¹ «Supplément au Bulletin Quotidien», 25.IV.1935, p. 8.

вело в последние годы к тому, что в период, когда во всем капиталистическом мире кризис начал переходить в депрессию особого рода, во Франции экономическое положение продолжает ухудшаться.

Промышленная продукция после некоторого роста в конце 1932 и в начале 1933 г. снова начала сильно падать и к середине 1935 г., как это видно из следующей таблицы, дошла до низшей точки в развитии кризиса (июль 1932 г.):

Индекс развития промышленной продукции (1913 г. = 100)			
Высшая точка до кризиса (декабрь 1929 г.)	Низшая точка во время кризиса (июль 1932 г.)	Июль 1933 г.	Май—июнь 1935 г.
144	92	112	92

Это ухудшение экономического положения во Франции в годы, когда в других капиталистических странах произошел заметный рост производства, сильно встревожило руководящие капиталистические слои Франции. Так например отчет Генерального союза электротехнической промышленности за 1934 г. с тревогой констатирует:

«Французская экономика не переставала быстрым темпом идти к более низкому уровню... В США, Великобритании, Германии, Италии индексы промышленной продукции поднялись... Таким образом обозначился тягостный контраст между нашей внутренней экономикой и экономикой других государств»¹.

В руководящих капиталистических слоях все больше растет убеждение, что возврат к докризисному подъему невозможен и что времена «легкой жизни» прошли.

Видный буржуазный экономист, бывший министр финансов Ромье пишет в реакционном «Figaro»:

«Некоторые думают еще, что Франция сможет через несколько лет вернуться к тому же ритму хозяйственной активности, к тем же условиям торговли и труда, к тому же объему дел и общественных или частных доходов, которые существовали от 1925 до 1930 г. Это иллюзия»².

Все чаще буржуазные дельцы, экономисты и политики заявляют, что нужна активная борьба с кризисом. А суть этой борьбы всеми представителями крупной буржуазии сводится к пресловутой борьбе за снижение издержек производства, т. е. за генеральное наступление на широкие массы трудящихся. Это по существу сейчас центральный лозунг крупной буржуазии. Его начал осуществлять Думерг своими законами о снижении зарплаты государственных служащих, его продолжал осуществлять Фланден и, проводя политику значительного снижения цен на зерно, его осуществляет Лаваль своей финансовой реформой, его осуществляют промышленники, которые развертывают наступление на зарплату.

Наиболее реакционные слои крупной буржуазии не верят, что эту политику удастся осуществить при парламентском режиме. Отсюда у этих слоев рождается стремление к замене парламентского режима

¹ «Le rapport à l'assemblée générale du syndicat de la construction électrique». «Supplément au Bulletin Quotidien», 29.VII.1935.

² «Figaro», 24.VI.1935.

другим, способным навязать трудящимся волю крупного капитала. «Journal des Débats», орган Comité de Forges, самого мощного объединения металлургической промышленности, доказывая необходимость этой замены, писал:

«В течение долгого времени предполагали, что дела упрямчатся сами собой. Существовали иллюзии насчет возможности выйти из затруднений средствами, которые не вызовут сопротивления эгоистического и бездарного парламента. Имелись еще иллюзии, что хозяйственное улучшение близко и оно все уладит. Сколько заблуждений!»¹.

Буржуазные экономисты и политики не верят в близкое улучшение экономического положения, они опасаются, что кризис затянется, а это усилит революционное брожение с которым нельзя будет справиться старыми средствами.

Видный буржуазный публицист д'Ормесон на страницах «Temps» с тревогой говорит о политических перспективах дальнейшего углубления экономического кризиса:

«До сих пор Франция была страной, наименее задетой экономическим упадком. И благодаря своему крестьянству, своей мелкой буржуазии она оставалась страной наиболее устойчивой. Но, внимание! Возможно, что мы на краю бездны. Вопрос, который сейчас стоит перед нами, сводится к тому, рассосется ли мировой кризис или продлится еще годы и наши материальные трудности, наша моральная смута усилятся. В первом случае мы выйдем из мировой драмы с возможно лучшим итогом. Во втором случае, н а и б о л е е в е р о я т н о м, трудности, на которые мы сегодня жалуемся, будут ничем по сравнению с теми, которым мы подвергнемся»².

Ухудшение экономического положения во Франции в годы, когда другие империалистические страны добились заметного роста промышленного производства, перспектива длительного периода серьезных экономических трудностей вызывают у монополистического капитала стремление к генеральному наступлению на трудящиеся массы. Желание обеспечить осуществление этой задачи, разбить сопротивление трудящихся и предупредить политические последствия углубляющегося экономического кризиса — вот важнейшая причина, толкающая наиболее реакционные слои французской крупной буржуазии к борьбе за установление фашистского режима.

РАЗВАЛ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ И УХУДШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Вторым важнейшим источником роста фашистских тенденций в реакционных слоях монополистического капитала Франции является ослабление международных позиций французского империализма.

Поражение Германии в империалистической войне 1914 — 1918 гг. привело к созданию французской гегемонии в Европе, обеспечив французскому империализму ключевое положение на континенте.

Но поражение Германии было результатом создания против нее боль-

¹ «Journal des Debats», 8.VII.1935.

² «Temps», 18. XI. 1934.

шой коалиции империалистических держав—Франции, Англии, США. Франции удалось добиться военного разгрома Германии—ее главного соперника на европейском континенте, ибо в войне 1914 — 1918 гг. перепелось несколько войн: война Англии с Германией—борьба главных соперников на мировом рынке, война царской России с Австро-Венгрией и ее союзником Германией, война Франции с Германией и война США с Германией.

Зафиксированное в Версале соотношение сил было результатом военного разгрома Германии силами ко а л и ц и и империалистических держав. Это соотношение сил можно было сохранить до тех пор, пока продолжалось сотрудничество держав-победительниц в борьбе с Германией. Но уже на Парижской мирной конференции коалиция держав-победительниц начала трещать по всем швам, ибо отдельные участники победившей коалиции боролись в войне 1914—1918 гг. во имя разных целей: Англия стремилась лишить Германию возможности претендовать на мировую гегемонию, а Франция стремилась настолько ослабить Германию, чтобы она стала беспомощным государством, не имеющим сил оспаривать французскую гегемонию в Европе.

Представители французского империализма сразу после победы, одержанной над Германией, поняли, что победа эта и созданное ею превосходство Франции на континенте непрочны. Они понимали, что германский империализм, обладающий значительно более мощной производственной базой, чем французский, имеющий большие людские ресурсы, восстановив свои силы, попытается взять реванш и поведет снова борьбу за свою гегемонию в Европе. Поэтому наиболее рьяные представители французского империализма добивались на Парижской мирной конференции установления франко-германской границы на Рейне и расчленения Германии, стремясь лишить ее возможности восстановить свою мощь в будущем.

Но союзники Франции и в первую очередь Англия, отнюдь не заинтересованная в огромном превосходстве Франции на европейском континенте и опасаящаяся при осуществлении максимальных планов французского империализма толкнуть Германию на путь пролетарской революции, воспрепятствовали осуществлению этих планов. Противоречия между странами-победительницами, проявившиеся в зародышевом состоянии на Парижской мирной конференции, стали впоследствии важным фактором подрыва версальской системы.

В годы временной стабилизации капитализма США в борьбе за новые сферы влияния стали на путь большого экспорта капиталов в Европу, причем основная масса этих капиталов шла в Германию. Американские капиталы помогли восстановить и расширить производственный аппарат германской промышленности и тем самым подрывали устои Версаля.

Большое укрепление в годы стабилизации промышленной, финансовой и военной мощи французского империализма привело к тому, что британский империализм с его традиционной политикой так называемого «равновесия сил», политикой, стремящейся не допустить безусловного превосходства сил на европейском континенте какой-нибудь од-

ной державы, начал выступать в роли арбитра между Францией и Германией, косвенно помогая тем самым Германии в борьбе против Версальского договора.

Но решающий удар нанесли версальской системе мировой экономической кризис и вызванный им развал временной капиталистической стабилизации. Банкротство Германии и страх великих империалистических держав перед революционными последствиями дальнейшего экономического нажима на Германию привели к ликвидации системы репараций.

Приход фашизма к власти в Германии дал реакционным кругам германского монополистического капитала возможность ликвидировать все установленные Версальским договором ограничения для германских вооружений и поставить все экономические силы страны и всю систему политической власти на службу подготовки войны-реванша, войны для передела территорий в Европе и установления в ней гегемонии германского империализма.

Установленная Версальским договором гегемония Франции в Европе за 15 лет послевоенного развития оказалась всерьез подорванной. Основными предпосылками этой гегемонии были: 1) военное превосходство Франции над другими империалистическими державами в Европе и разгром военных сил Германии; 2) система военных союзов Франции, создавшая кольцо вокруг Германии; 3) сильное орудие экономического давления на Германию (система репараций); 4) финансовая мощь Франции. Кроме того эта гегемония Франции в послевоенной Европе подкреплялась ростом промышленной мощи Франции после получения Эльзаса и Лотарингии и технической реконструкции французской промышленности, а также усилением колониальной империи Франции. В настоящее время некоторые из важнейших предпосылок французской гегемонии на европейском континенте частично, а некоторые даже полностью уничтожены.

Германия в настоящее время в значительной степени уже восстановила свою военную мощь. Вместо армии в 100 тыс. человек, которую разрешал Германии Версальский договор, она сейчас, по подсчетам т. Тухачевского, имеет армию в 940 тыс. человек. Она имеет сейчас и обученные резервы в несколько миллионов человек. Она создала военный воздушный флот, усиленно работает над созданием тяжелой артиллерии и морского флота, а главное, весь производственный аппарат ее тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроительной, гораздо более мощный, чем во Франции, поставлен на службу подготовки войны. Французские военные круги прекрасно отдают себе отчет в том, что в годы войны германская промышленность сможет в значительно больших размерах снабжать фронт военным снаряжением, чем французская промышленность. Восстановление военной мощи Германии, ликвидируя военное превосходство Франции в капиталистической Европе, очень быстро разрушает последние устои версальской системы.

Также и следующая важнейшая предпосылка гегемонии Франции в Европе — французская система союзов — за последние годы получила

серьезный удар. Эта система союзов включала Польшу, Чехословакию, Румынию, Югославию. Сейчас важнейший из французских союзников — Польша — настолько сблизились с Германией, что по важнейшим внешнеполитическим вопросам занимает такую же позицию, как и Германия. Франция вовсе не уверена в своем польском «союзнике» в случае войны. Узы, связывающие с Францией других ее союзников, также значительно ослаблены. И в Румынии и в Югославии имеются буржуазные группировки, выступающие за смену внешнеполитической ориентации; хотя эти группы сейчас не имеют решающего влияния на правительственный курс, неустойчивость политического положения создает угрозу изменений этого внешнеполитического курса в будущем, тем более что франко-итальянское сближение вызывает недовольство в правящих кругах Югославии.

Одним из устоев Версаля, который совершенно уничтожен ходом послевоенного развития, являлась система репараций. Она давала французскому империализму возможность выколачивать из Германии большую дань и в то же время являлась орудием давления на Германию. Система репараций сейчас полностью разрушена.

Финансовая мощь Франции явилась в годы стабилизации важным источником ее политического влияния. Займы Франции укрепляли систему ее союзов. Но в годы кризиса мировой экспорт капитала сильно упал. Еще в большей степени сократился экспорт капитала из Франции. Особенно опасаются французские капиталисты направлять свои капиталы в страны центральной и юго-восточной Европы, отличающиеся крайней неустойчивостью своего экономического и политического положения. Огромные бюджетные дефициты французского государства создают серьезные препятствия для предоставления Францией государственных займов своим союзникам. В результате Франция уже не может в такой степени, как в прошлые годы, использовать свои огромные капиталы для укрепления своего политического влияния.

Руководящая роль Франции на европейском континенте находится под угрозой. Перед лицом войны, которую усиленно подготавливает германский фашизм, французский империализм стоит с ослабленными международными позициями.

Как укрепить свои силы перед лицом врага, который стремится путем войны-реванша свести Францию к роли второразрядного государства Европы?

Попытки добиться этого на путях сближения с английским и итальянским империализмом не обещают более или менее прочного успеха. Англия, несмотря на то, что она опасается возросшей силы германского империализма и делает некоторые шаги по пути усиления своего сотрудничества с Францией (некоторое сотрудничество в вопросах воздушной обороны, заявление Болдуина об английской границе на Рейне, частичная дипломатическая поддержка французских планов «восточного Локarno»), все же не отказывается от своей политики «равновесия сил», идет на сепаратные соглашения с германским империализмом (морское соглашение и др.), которые облегчают германскому империализму его подготовку к новой империалистической войне. Отнюдь не является для Франции прочной и надежной поддержка Ита-

лии, которая в последние годы в борьбе против гитлеровских устремлений по отношению к Австрии значительно сблизилась с Францией. Во-первых, Италия выступает в защиту статус кво только на австро-германской границе, а не во всей Европе, и например вовсе не собирается выступать против гитлеровских захватнических планов в отношении прибалтийских стран. Во-вторых, Италия, ввязываясь в войну за Абиссинию и сосредоточивая там свои основные военные силы, не может оказать Франции серьезной поддержки и в борьбе против аншлуса.

Многие буржуазные политики современной Франции понимают, каким могучим средством в борьбе с агрессией германского империализма является сотрудничество с СССР, борющимся за мир. Сближение с СССР—тот путь, на который вступила в настоящее время буржуазная Франция,—является самым сильным препятствием для военной агрессии германского империализма. Но классовая ненависть против страны социализма толкает некоторые реакционные круги французского империализма на борьбу против политики франко-советского сближения.

Наиболее реакционные круги французского монополистического капитала ищут выхода из международных трудностей, с которыми встретился французский империализм, в создании правительства «сильной руки», в установлении фашистского или полуфашистского режима, который в расправе с революционным движением подготовил бы «тыл» к надвигающейся войне. «Разбить внутреннюю революцию, это значит лишить внешнего врага его лучшего шанса»,—писала реакционная «Echo de Paris» (6. IV. 1935). Некоторые реакционные слои крупной буржуазии (Тардые и др.) надеются путем создания «сильной власти» и фашистского режима обеспечить возможность более гибкой внешней политики, которая, освободившись от всякого контроля парламента, облегчила бы сделку с гитлеровской Германией за счет мелких государств или путем сотрудничества с гитлеровцами в борьбе против СССР.

Так ослабление международных позиций французского империализма усиливает у наиболее реакционных слоев французского финансового капитала фашистские тенденции.

УПАДОК БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Франция являлась классической страной буржуазной демократии. Разгром феодализма во времена французской буржуазно-демократической революции и проистекающая отсюда слабость экономических позиций и политического влияния крупного землевладения, духовенства и остатков феодальной знати лишали французскую крупную буржуазию возможности подкрепить свое господство союзом с крупными остатками помещичье-феодальной реакции.

Революционные традиции французского пролетариата, особенно рабочих Парижа, а также ненависть к феодальной знати, духовенству и «старому режиму» со стороны широких масс французского крестьянства и значительных слоев городской мелкой буржуазии привели к провалу всех попыток монархистской реставрации и к развитию во Фран-

ции во времена Третьей республики системы буржуазной демократии, системы чистого господства буржуазии.

Прочность буржуазной власти при системе буржуазной демократии достигалась путем допущения к власти крайней левой буржуазной партии (партия радикалов), которая служила в руках крупной буржуазии приводным ремнем к массам мелкой буржуазии, путем отвлечения пролетарских масс фразами о «народовластии» от революционной борьбы с классовым господством буржуазии, путем осуществления в парламенте в результате борьбы и сделок разных групп единства буржуазного класса.

Экономическая мощь обеспечивала финансовой олигархии при этой системе буржуазной демократии господствующее положение и подчиняла ее интересам весь аппарат государства, превращая его в орудие буржуазной диктатуры. В результате финансовая олигархия осуществляла свою власть «косвенно, но зато тем вернее» (Энгельс).

Важнейшие факторы, обеспечивавшие устойчивость этой системы буржуазного господства, сводились к следующему.

Парламентская система способствовала сплочению господствующих классов. Борьба различных буржуазных партий в парламенте вокруг бюджета, вопросов экономической политики и т. д., отражающая борьбу разных слоев и групп буржуазии за долю в общей сумме прибавочной стоимости, не служила препятствием для осуществления единства господствующих классов. В торгах, сделках и компромиссах между разными буржуазными партиями в парламенте создавался механизм для осуществления этого единства. В парламенте выравнивались интересы разных буржуазных групп, обеспечивая в первую очередь интересы финансовой олигархии, и вырабатывалась общеклассовая линия буржуазии. Маркс писал еще в «Восемнадцатом брюмера», опираясь на опыт 1848—1851 гг., что «парламентская республика... представляла необходимое условие их (обеих фракций французской буржуазии. — М. З.) совместного господства, единственную государственную форму, при которой их общие классовые интересы господствовали как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами»¹.

Борьба же различных буржуазных партий за власть и передел чиновничьих местечек и связанная с этим во времена Третьей республики частая смена кабинетов не нарушали твердого и последовательного правительственного курса в основных вопросах экономической и внешней политики (например политика союза с царской Россией и Англией оставалась неизменной при всех кабинетах).

Парламентская система обеспечивала крупной буржуазии подчинение масс мелкой буржуазии. Уже в 80-х годах прошлого века, а особенно после дела Дрейфуса и связанной с ним компрометации военной клики, старые милитаристско-бюрократические круги в очень сильной

---

¹ Маркс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 302. (Разрядка моя. — М. З.)

мере потеряли политическое влияние в массах. Последним связующим звеном между крупной буржуазией и ее государственным аппаратом и массами провинциальной городской и в еще большей степени сельской мелкой буржуазии была партия радикалов. Радикалы, даже становясь правительственной партией, все же могли сохранять свое влияние в массах мелкой буржуазии благодаря тому, что хоть в некоторой степени осуществляли политические реформы, идущие по линии их основных лозунгов (светская школа, подоходный налог и т. п.), и этим создавали ширму для власти финансовой олигархии. Крупная буржуазия была в состоянии без ущерба для своих интересов допускать борьбу двух буржуазных политик — откровенно реакционной и радикально-реформистской. Эта борьба создавала систему «маятника», или парламентско-партийных «качелей», суть которых состояла в том, что при проведении наиболее реакционных мероприятий, например при введении трехлетней военной службы в 1913 г., руководящие милитаристские посты переходили в руки правых буржуазных партий, а радикалы уходили в оппозицию, чтобы снова вернуться в правительство, когда наиболее непопулярные в массах мероприятия были уже осуществлены. Это позволяло радикалам направлять поднимающиеся против реакции настроения масс в русло чисто парламентской оппозиции и сохранять в этих массах свои влияния.

Буржуазно-демократическая республика способствовала широкому распространению и в рядах рабочего класса веры в «народовластие» или парламентский строй. Это помогало реформистским вождям удерживать растущее рабочее движение от непримиримой враждебности ко всему буржуазному обществу.

В доимпериалистический период устойчивость парламентской системы буржуазного господства Франции опиралась на продолжавшееся поступательное движение капитализма, которое сохраняло в широких массах трудящихся веру в незыблемость капиталистического строя.

В период империализма рост мощи финансового капитала Франции, огромные барыши финансовой олигархии давали возможность подкупать значительные слои мелкой буржуазии, создавая широкий слой мелких рантье, подкупать верхушечные слои пролетариата, выделяя слои рабочей аристократии. Все это укрепляло парламентскую систему буржуазного господства. Наконец экономическая структура довоенной Франции, страны ростовщического империализма с относительно слабой промышленностью, носившей в ряде отраслей даже полуремесленный характер, с слабо концентрированным пролетариатом, окруженным плотным слоем мелких хозяйчиков, несколько притупляла здесь в довоенный период остроту классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией.

Империалистическая война 1914—1918 гг. и вызванные ею величайшие потрясения в экономике капиталистического строя и в политическом укладе, в жизни широчайших народных масс и в их сознании, а также послевоенный революционный кризис нанесли во Франции, как и во всем капиталистическом мире, серьезный удар всей системе бур-

жуазной демократии. Развал капиталистической экономики, глубочайший кризис буржуазного общества подрывали почву под режимом буржуазной демократии. Новые требования, которые ставились перед механизмом буржуазного государственного управления крайним обострением внешних и внутренних противоречий, развитие революционного движения в рабочих массах—все это разрушало старую систему господства монополистического капитала в форме буржуазной демократии и парламентаризма. Однако обстановка, созданная во Франции победой в войне 1914—1918 гг., дала крупной буржуазии некоторую отсрочку и возможность временно укрепить пошатнувшееся господство и продолжать осуществление своей диктатуры в формах парламентаризма.

Разжигая дух победного шовинизма, выступая под лозунгами борьбы за «закрепление победы», за то, чтобы «немец все заплатил», под лозунгами борьбы с угрозой большевизма, покушающегося на частную собственность («человек с ножом в зубах», как изображали большевиков плакаты иступленной буржуазии), французский крупный капитал смог в первый послевоенный период вовлечь массы французской мелкой буржуазии в ряды реакции и национализма. Это нашло свое отражение в победе национального блока на выборах в 1919 г. Подчинив себе мелкобуржуазные массы, крупная буржуазия Франции смогла, используя верную службу реформистских лидеров, отразить наступление французского пролетариата, быстро революционизировавшегося в те годы.

В Германии буржуазия спасла в те годы свое господство, дополняя белый террор банд Носке развертыванием системы буржуазной демократии, которую социал-демократы превозносили как «народовластие и путь к социализму», во Франции же угар победы, одержанной в войне 1914—1918 гг., дал возможность крупной буржуазии укрепить свое господство путем вовлечения масс мелкой буржуазии во фронт национализма и реакции. Это имело для французской крупной буржуазии то положительное значение, что торжество реакции освобождало ее от проведения социальных реформ—уступок рабочему классу (социальное законодательство и т. д.), которые в эти годы вынуждена была провести буржуазия в ряде других стран. Это давало также в будущем козыри «левым» буржуазным партиям, в том числе и социалистической, получившим возможность после исчезновения в мелкобуржуазных массах угара шовинизма выступить в качестве рыцарей борьбы с национализмом и реакцией. Это создало основу для укрепления расшатанного механизма буржуазной демократии с ее парламентской «борьбой правой и левой политики». Поэтому разочарование масс после банкротства политики Пуанкаре в Руре и рост массового недовольства не приняли характера бунта против основ капиталистического строя, а привели лишь к победе «левого картеля» (выборы 1924 г.), т. е. «левого» крыла буржуазного лагеря, которое в момент ухудшения экономического положения капитулировало перед реакционными элементами (поддержка радикалами Пуанкаре в 1926 г.). Возможность сохранения механизма парламентской игры и в первую очередь политические и экономические

результаты победоносной войны (а они особенно сильно сказались в 1927—1929 гг., когда Франция переживала эпоху бурного экономического подъема и была в состоянии подкармливать значительные мелкобуржуазные слои и рабочую верхушку) создали условия для сохранения во Франции системы буржуазной демократии в годы, когда эта система быстро разрушалась в ряде других буржуазных стран европейского континента (Италия, Германия, Польша и др.). Система парламентаризма выдержала во Франции испытание первого послевоенного периода и даже первых лет мирового экономического кризиса. Но уже тогда парламентская машина во Франции работала «со скрипом», а в период углубления экономического кризиса и ослабления экономических и внешнеполитических позиций французского империализма в ней стали сказываться с точки зрения крупного капитала серьезные недостатки. Они сводятся в настоящий период к следующим основным моментам:

1. Чрезвычайное обострение противоречий между разными слоями и группами буржуазии, наступившее на почве кризиса, делает все более трудным осуществление единства буржуазии в рамках парламентаризма. В период кризиса, когда значительно сократилась общая сумма прибавочной стоимости, борьба между различными слоями буржуазии становится гораздо более ожесточенной, чем в прежний, «нормальный» период. Во Франции в настоящее время, когда перед крупным капиталом ребром стоит вопрос о выборе линии экономической политики, особенно сильна борьба между представителями банков и ссудного капитала, с одной стороны, защитниками интересов аграрного капитала, с другой стороны, и ставленниками промышленников—с третьей, а среди промышленников—борьба между теми, кто работает преимущественно на внутренний рынок, и теми, кто в первую очередь заинтересован в экспорте. Продолжать ли борьбу за сохранение франка на теперешнем уровне, идти ли на девальвацию, продолжать ли политику аграрного сверхпротекционизма, контингентировать ли импорт тех или иных товаров, уступить ли в этих контингентах тем или иным странам—по всем этим вопросам, затрагивающим интересы влиятельных групп буржуазии, идет ожесточенная борьба. Никогда еще эта борьба не была такой острой, как в последние годы. Она вырывается сейчас из кабинетов и кулуаров на широкую политическую арену. Достаточно указать на широкую кампанию, которую ведет в прессе один из лидеров правого лагеря во Франции, Поль Рейно, в пользу девальвации.

Ожесточившаяся в настоящий момент борьба различных слоев буржуазии значительно обостряет борьбу парламентских групп и борьбу внутри этих групп. А так как во французском парламенте количество этих групп очень велико, то обострение их борьбы создает постоянную парламентскую лихорадку. Утверждение бюджета или различных законопроектов тянется месяцами. Разные группы капиталистов подкупают депутатов оптом и поодиночке для защиты своих интересов, эти депутаты вносят все новые и новые поправки, и все это вместе расширяет государственный аппарат. Реакционные слои французской крупной буржуазии приходят к выводу, что парламент в теперешних условиях—слишком широкая арена для борьбы между интересами раз-

ных групп капиталистов, что при парламентской системе требуется сейчас слишком много разных сделок и комбинаций, торгов и переторжек для примирения всех этих интересов, для осуществления единства буржуазного класса. К тому же, что еще важнее, наиболее мощные группы крупного капитала в период глубокого кризиса все менее склонны на уступки другим группам, все более стремятся безоговорочно диктовать всем другим группам буржуазии свою волю во всех вопросах экономической политики и подчинить их себе не только путем экономического давления, но и прямым путем — через государственный аппарат. Законы, принятые правительством Фландена, о принудительных объединениях в промышленности являются показателем того, как во Франции крупные монополии пытаются при помощи государственного аппарата подчинить себе более мелких капиталистов.

Ожесточенная борьба разных слоев буржуазии на широкой парламентской арене порождает еще и иные недостатки парламентской системы с точки зрения французской буржуазии. Эта борьба делает все более тяжеловесным механизм французского парламента, приводит например к запаздыванию с принятием бюджета на полгода, к утверждению бюджета по месяцам и т. п. Эта борьба приводит к созданию все новых парламентских комбинаций, вызывающих чрезвычайно частую смену кабинетов. Начиная с 1914 г. во Франции сменилось 40 министерских кабинетов, в среднем кабинет существует около 6 месяцев. С 1 мая 1932 г. до середины 1935 г. (т. е. при теперешней палате) сменилось 9 кабинетов, т. е. в среднем каждый кабинет держится уже только 4 месяца.

Механизм французской парламентской власти становится все более дезорганизованным, а обстановка борьбы между империалистическими державами и развитие общего кризиса, разрушающего все элементы стабильности в буржуазной экономике, требуют все более быстрых и решительных действий. Взять хотя бы вопросы таможенной политики. В 1934 г. крупная буржуазия после предоставления парламентом правительству Думерга чрезвычайных полномочий в вопросах бюджетной «экономии» требовала предоставления ему «чрезвычайных полномочий в вопросах таможенной политики». Жиню, редактор «*Journée Industrielle*» — органа крупной промышленности, на страницах этой газеты очень резко формулирует острую необходимость этих таможенных полномочий:

«Никогда мировая экономика не была более хаотической, чем сейчас, и не требовала более быстрых действий. Никогда не было более трудным, чем сейчас, заставить парламент в необходимые сроки и с необходимой рассудительностью заняться таможенной деятельностью, которая сейчас крайне трудна в связи с продолжающейся неустойчивостью цен и денег... Когда необходимо ответить на какую-либо таможенную агрессию, нормальная парламентская процедура дает нам эту возможность обычно с опозданием и часто тогда, когда положение уже изменилось»¹.

¹ «*Journée Industrielle*», 15. IV. 1934.

2. Значительно более серьезным недостатком буржуазной демократии с точки зрения французской крупной буржуазии являются помехи, создаваемые всей системой парламентаризма во Франции, осуществлению политики ограбления широких масс трудящихся лобовой атакой, в которой монополистический капитал видит в настоящее время единственный путь выхода из кризиса.

Уже до войны стержнем французского парламента была мелкобуржуазная партия радикалов, которая выступала перед массами с лозунгом защиты мелкого люда. После войны реакции еще удалось под лозунгами «немец заплатит все» и борьбы с большевизмом получить большинство на выборах в 1919 г., а под лозунгом стабилизации франка после тяжелой инфляции собрать большинство на выборах в 1928 г. Но выборы 1924 и 1932 гг. показали, что при отсутствии такой угрозы, которая могла бы встряхнуть всю массу мелких рантье, «левые» буржуазные партии получают большинство на выборах в парламент. Партиям парламентского центра (группы Тардые, Фландена)—откровенным защитникам финансовой олигархии—не удается во Франции завоевать влияния в массах мелкобуржуазных избирателей.

«У нас чистый консерватизм не имеет массы выборщиков (не может завоевать симпатий в массах та партия, которая, как говорил Тибодо, написала на своем знамени: прибыли)»,—пишет видный буржуазный исследователь французской политической жизни Зигфрид¹.

Что же касается правых партий, то их связь с церковью и с крупными землевладельцами восстанавливает против них огромную массу мелкой буржуазии, в которой сохранилась ненависть к духовенству, помещикам и «старому режиму». Вот что пишет Зигфрид о причинах, мешающих правым партиям завоевать широкие массы крестьянских избирателей на юге и в центре Франции:

«Боязнь старого режима... продолжает в сильной степени влиять на психологию французского крестьянина; отсюда вытекает его позиция инстинктивного сопротивления господству попа и помещика»².

В результате только «левые» буржуазные партии, объявляющие себя хранителями традиций французской революции, имеют доступ к широким массам французского крестьянства (отсюда известный афоризм, что «Францией можно править только влево»).

Радикалы, завоевавшие в мелкобуржуазных массах поддержку благодаря своим лозунгам борьбы с реакцией и защиты мелкого люда, могли возглавлять правительство, осуществляющее власть финансового капитала, не вызывая немедленного отхода своих избирателей, лишь в условиях, когда крупная буржуазия довольствовалась ограблением мелкобуржуазных масс «нормальным» путем, в силу законов капиталистической экономики, или тогда, когда это ограбление могло совершаться косвенно, до некоторой сте-

¹ A. Siegfried, *Tableau des partis en France*, p. 124.

² Там же, стр. 66.

пени за спиной правительства (инфляция 1924—1926 гг.). Возглавление же такого правительства, при котором решительная экспроприация мелкобуржуазных масс должна быть осуществлена путем лобовой атаки и силами государственного аппарата (решительное снижение жалованья чиновникам, резкое сокращение пенсий, отказ от аграрного протекционизма, удары по мелким рантье и т. д.), — а именно этого добивается сейчас крупная буржуазия от правительства, — грозит радикалам быстрой потерей влияния. К тому же радикал-социалисты для сохранения своих позиций в парламенте при существующей во Франции избирательной системе блокируются на выборах с социалистами. Только организуя на выборах «левый картель», радикалы добивались больших успехов. Но выступление на выборах в блоке с социалистами еще больше мешает радикалам проводить политику резкого снижения жизненного уровня трудящихся. Социалистические лидеры уже никак не могут без прямой угрозы быстро толкнуть своих избирателей к коммунистам поддерживать такую политику. Путь, на который некоторые лидеры радикалов пытались стать — на выборах выступать в блоке с социалистами, а в парламенте вместе с правыми партиями, — ставит радикальную партию в чрезвычайно ложное положение, наносит удары ее влиянию и толкает мелкобуржуазные массы дальше влево. Поэтому радикалы до 6 февраля не решались возглавить правительство «республиканской концентрации» (союз с группой Фландена и Тардьё).

Осуществление тех требований, которые выдвигает сейчас монополистический капитал Франции при сохранении парламентской системы, привело бы к очень быстрому разрушению связующих звеньев между господствующим классом и массой мелкой буржуазии. Отсюда то чрезвычайно тяжелое положение, в котором очутилась вся парламентская система во Франции, вся система чередования правой и «левой» политики.

Зигфрид указывал на слабость французской парламентской системы, заключающуюся в том, что благодаря традициям политического радикализма большинство в парламенте получают «левые», но, участвуя в правительстве, они должны управлять, «как все другие» буржуазные партии. Он писал: «В нормальное время это может продолжаться с большим или меньшим успехом, но в период кризиса это приводит к тупику или катастрофе».

В нормальное время это «повторение цикла», или «колебание маятника», полезно для буржуазии, оно позволяет «борьбой правой и левой политики» удерживать массы от непримиримой борьбы со всем буржуазным обществом, в период же кризиса, когда крупная буржуазия добивается лобовой атаки для снижения жизненного уровня масс, эта игра расстраивается. В этот период никак не удастся, чтобы «и волки были сыты и овцы целы» — и задачи крупного капитала были осуществлены, и буржуазные парламентские партии, включая и «крайне левые», сохранили свое влияние в массах. Вот одна из основных причин стремлений крупного капитала во Франции, в стране классической буржуазной демократии, «исправить» парламентскую машину, фашизировать государственный аппарат.

3. Рост фашистских тенденций в рядах французской крупной буржуазии непосредственно связан также со стремлением уничтожить «последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей»¹, со стремлением создать такую власть, которая задушила бы нарастающее революционное движение пролетариата.

Хотя во Франции до 6 февраля не было такого бурного подъема революционной волны и роста влияния компартии, как в Германии в 1932-33 г., когда крупный капитал пошел на установление фашистской диктатуры, или как это было в Италии к моменту фашистского переворота, однако и во Франции уже до февральских дней 1934 г. происходил несомненный рост антипарламентской революционной борьбы пролетариата. И здесь пролетариат использовал «остатки буржуазной демократии» для развертывания своего движения, и здесь все больше сокращалась возможность удерживать рабочие массы фразами о «народовласти» и «демократическом пути к социализму» от действительно революционной борьбы с капиталистическим гнетом.

Бурные пролетарские выступления 9 и 12 февраля не возникли внезапно, как «Минерва из головы Юпитера». Уже до этих событий усиливался подъем борьбы французского пролетариата. Ряд боевых экономических стачек, брожение среди государственных служащих — все это были сигналы нарастающей революционной борьбы. В среде французской крупной буржуазии росло стремление к расправе с поднимающимся рабочим движением. Особенно беспокоили крупную буржуазию революционные настроения среди государственных служащих. Реакционная пресса вопила о том, что государственный аппарат находится в руках «врагов государства». Тардье в качестве одной из основных конституционных реформ выдвинул лишение чиновников права коалиции и стачки. Рост революционных настроений в среде мелкой буржуазии сделал массу мелкого чиновничества весьма ненадежным для крупного капитала аппаратом. У монополистической буржуазии усиливалось стремление изменить состав этого аппарата, ограждать чиновников от влияния пролетарского движения, создать касту реакционного чиновничества. Для этого крупный капитал стремится урезать демократические свободы. Мало того, ненадежность чиновничьего аппарата порождает у реакционных кругов французской крупной буржуазии стремление создать из фашистских боевых отрядов дополнительный аппарат для борьбы с революционным пролетарским движением. Эту мысль высказывает архиосторожный «Temps», возражая против вынесенной парламентской комиссией резолюции о разоружении всех организаций:

«Профсоюзное движение чиновников является фактом... Государство является его главным врагом, гражданская война — его целью. Уверено ли правительство, что в этих условиях оно держит всех

---

¹ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б), Вопросы ленинизма стр. 545, изд. 10-е.

служащих своего исполнительного аппарата в своих руках? Оно приказывает, но уверено ли оно, что все чиновники будут повиноваться этому приказу?»¹.

Но если до 12 февраля 1934 г. во Франции были налицо лишь отдельные проявления растущего революционного движения, то выступления французского пролетариата в послефевральский период показали крупной буржуазии, что революционное пролетарское движение во Франции быстро нарастает.

После этих выступлений в среде крупной буржуазии Франции усилилось убеждение, что без расправы с пролетарским движением не удастся осуществить планов снижения жизненного уровня трудящихся, и это усилило фашистские тенденции в реакционных кругах монополистического капитала.

4. Буржуазная демократия становится в глазах крупной буржуазии все менее надежной формой ее господства еще и в связи с тем, что парламентские иллюзии начали изживаться и в некоторых мелкобуржуазных слоях, создавая угрозу политического сближения этих масс с пролетариатом. Гнилость буржуазной демократии, коррупция, которой опутаны буржуазные политические деятели, — все это разбивает парламентские иллюзии в массах разоряемой мелкой буржуазии.

Афера Ставиского несомненно бросила луч света на торжествующую систему коррупции и сильно подорвала в массах авторитет парламента и веру в народовластие при буржуазной демократии. Афера Ставиского вышла за рамки попыток правых очернить радикалов, она показала массам, что ряд видных парламентских деятелей, принадлежащих к разным буржуазным группировкам, является платными слугами тех или иных капиталистических объединений. Для аферы Ставиского характерно, что в ней замешаны буржуазные политики в с е х направлений, начиная от фашистского героя Кьяппа и лидера реакционно-фашистского лагеря Тардые и кончая радикальными депутатами — Бонором и Гессом.

При парламентской демократии власть финансовой олигархии осуществляется подкупом чиновников и связью парламента с биржей. Во Франции — классической стране парламентской демократии — финансовые скандалы стали обычным явлением, так как подкупом занимаются не только солидные буржуазные организации, но очень часто и аферисты, проходимцы, которые потом вылетают в трубу, и дело иногда получает огласку.

Эти аферы раскрывают перед массами механизм «господства богатства» при буржуазной демократии, вызывая среди них рост антипарламентских настроений.

Ослабление веры масс в буржуазную демократию разрушает положительные качества парламентской системы в глазах крупной буржуазии и усиливает в ее реакционных слоях фашистские тенденции.

---

¹ «Temps», 28.III.1934.

РЕАКЦИОННЫЕ СЛОИ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ В БОРЬБЕ ЗА «СИЛЬНУЮ ВЛАСТЬ»

Наряду с ухудшением экономических и внешнеполитических позиций французского империализма и углубившимся кризисом буржуазной демократии большим толчком к росту фашистских тенденций в рядах монополистической буржуазии Франции явились приход Гитлера к власти и установление фашистского режима в Германии. Фашизм в глазах буржуазии перестал быть каким-то специфическим, локальным явлением, режимом, пригодным только для отдельных стран. Морис Ординер, бывший вице-председатель французского сената и председатель сенатской группы правого Республиканского союза, в своей книге «Ревизия конституции», изданной в 1934 г., подводя итоги развития буржуазной демократии, выразил эту мысль следующими словами: «В итоге не остается больше стран, где парламентский режим продолжает существовать, за исключением Великобритании, Франции, Бельгии, скандинавских стран и Чехословакии. Диктатура в разных формах становится политическим строем мира»¹.

И французская крупная буржуазия начала все в большей степени осознавать, что якорем спасения буржуазного строя является «сильная власть» в тех или иных формах, независимая от парламентских комбинаций, лишаящая трудящихся политических свобод и всех легальных возможностей организации, беспощадным террором разрушающая массовые организации пролетариата.

Критика парламентаризма, указания на недостатки этого режима и на непригодность его для настоящего времени стали модным явлением среди французских буржуазных политиков.

Стефан Лозан, редактор бульварной газеты «*Matin*», хорошо знакомый с мечтами и думами французского крупного буржуа, выразил недовольство парламентским строем в следующих словах: «Наша парламентская машина имеет все недостатки, свойственные старым вещам, но особенно она страдает двумя из них: она ужасно медлительна и очень дорого обходится»².

Видный французский буржуазный журналист Люсьен Ромье на страницах «*Temps*» еще в более резких словах критиковал парламентский строй Франции: «Наш парламент управляет только в том смысле, что он мешает управлять»³.

Но не только видные реакционные журналисты, но и руководящие политические деятели правого лагеря один за другим выражают свое недовольство парламентским режимом и конституцией Третьей республики.

Сенатор Анри де Жувенель, один из правых деятелей радикальной партии, пишет в «*Revue des vivants*»: «Кажется, что парламентские режимы, после того как они прекрасно выдержали испытание войны, оказались неспособными отразить последствия экономического кризиса»⁴.

¹ M. Ordinaire, La revision de la constitution, 1934, p. 57.

² «*Matin*», 14.X.1933.

³ «*Temps*», 6.II.1934.

⁴ «*Revue des vivants*», avril 1934.

Полон недовольства парламентским строем и Поль Рейно, один из ближайших соратников Тардьё и руководящих политиков правого лагеря. «Парламентаризм пережил себя, — говорит он. — Французы вдруг заметили, что парламентский режим в таком виде, как они его практиковали за последние 60 лет, является режимом разорительным и достойным насмешки»¹.

К этим голосам критики парламентского режима, зафиксированного в конституции 1875 г., присоединился уже в конце 1932 г. бывший премьер Думерг. В предисловии к книге Мориса Ординера, написанном 30 октября 1932 г., Думерг пишет:

«Конституция 1875 г. не отвечает потребностям и нуждам сегодняшнего времени, а еще меньше тем, которыми нам грозит в ближайшем будущем еще не закончившаяся серия тяжелых и всевозможных кризисов... Конституция 1875 г. нам оказала большие услуги... Но дела как в Европе, так и во всем мире сегодня не таковы, какими они были перед войной»².

Один за другим видные реакционные политики, отдавая дань заслугам буржуазной демократии в прошлом, признают ее непригодность для сегодняшнего дня. Увенчал эту критику парламентских порядков во Франции лидер правого лагеря Андре Тардьё. В своей книге «Час решения» он пишет: «Методы, которыми характеризуется правящий нами деформированный парламентаризм, не находят больше защитников. Эти методы осуждены их результатами на национальной и международной арене. Их изменение стоит в порядке дня»³.

Тардьё не только подытожил критику парламентских порядков во Франции, он также «углубил» эту критику. Через всю его книгу, через все его выступления по этим вопросам красной нитью проходит мысль, что упадок государственной власти при «деформированном» парламентаризме является первопричиной всех бед, которые надвинулись и надвигаются на Францию. «О чем бы ни шла речь, — пишет Тардьё, — о расхищении общественного имущества, о чрезмерности налогов, о несоответствии между производством и потреблением, — все эти явления имеют одну причину, и причиной этой, как и во все подобные периоды нашей истории, является упадок центральной государственной власти»⁴.

Тардьё пытался также установить, в чем выражается этот упадок власти, сопровождающий парламентский режим. «Этот кризис выражается в первую очередь в невыносимой гипертрофии законодательной власти по отношению к исполнительной... Он еще в большей степени выражается в полном поработании законодательной власти избирательной олигархией, в удушении общих интересов сетью групповых интересов. Исполнительная власть представляет собой перед лицом палат и государственных служащих непрочную силу».

Если расшифровать это заявление Тардьё, то получается, что кри-

---

¹ Там же.

² M. Ordinaire, La revision de la constitution, p. 7.

³ A. Tardieu, L'heure de la décision, p. 167.

⁴ Там же, стр. 115—116.

зис государственной власти кроется в «неудобствах», которые создает для исполнительной власти контроль парламента, и в «слабости» центральной государственной власти по отношению к чиновничьему аппарату и пролетарскому движению. Именно потому, что фашистский режим лишен этих недостатков, что он «независим от капризов избирателей» и представляет огромную концентрацию власти в руках диктатора и полное подчинение ему всего чиновничьего аппарата, наряду с критикой парламентаризма в среде французских реакционных крупнобуржуазных политиков началось восхваление «положительных» качеств фашизма. Орган французской тяжелой промышленности и его руководящего объединения Comité de Forges — консервативный «Temps» — уже в августе 1933 г. писал: «Аспект фашизма, который больше всего поразил международное общественное мнение, особенно французское общественное мнение, — это его авторитаризм. Это режим порядка и политической стабильности...»¹.

Воспевая «положительные качества» фашизма, «Temps» указывает, что даже те, кто осуждает некоторые стороны фашизма, «вынуждены преклоняться перед одной очевидностью: национальная дисциплина, даже навязанная насильно, позволяет осуществить большие дела как в области политики, так и в области морали и техники».

Растущие симпатии к фашизму в среде реакционных крупнобуржуазных политиков Франции наиболее ярко отразил в своих статьях редактор «Journée Industrielle» Жиню. Заканчивая серию статей «Инвентарь 1933 г.», Жиню писал: «Мы ясно видим, что наш экономический и социальный строй не может быть спасен путем фальшивой изощренности в избирательной игре или путем «комбинаций» в коридорах Дворца Бурбонов»².

Какими же путями, по мнению Жиню, возможно спасение капиталистического строя?

«Перед венской толпой, — пишет Жиню, — канцлер Дольфус заявил: парламентаризм мертв, экономический либерализм также, марксизм — это мрачное безумие. В путь за авторитетное правительство и корпоративизм! Все элементы нашего «инвентаря» здесь налицо... С экономическим кризисом, который сделал всеобщими поиски «нового», родилось это важнейшее явление в истории нашего времени — национальная и народная революция для восстановления порядка. Революция — это уже больше не анархический бунт, государственный переворот — это уже больше не генерал с белыми перьями верхом на коне. Это 50, 100 или 200 тысяч человек, сгруппированных в колонны по 4, по 12, идущие за кем-либо, кто им обещает даже без объяснений конец беспорядка и их мытарств»³. Насколько широко распространились в реакционном лагере крупного капитала тенденции к фашизму, видно наиболее ярко из резолюций крупнобуржуазной партии «Альянс демократик», которая слывет довольно умеренной организацией, стремящейся сохранить сотрудничество с радикалами,

¹ «Temps», 15.III.1933.

² «Journée Industrielle», 13.IX.1933. Дворец Бурбонов — дворец, где заседает палата депутатов.

³ Там же.

и лидером которой является бывший премьер Фланден. В резолюции этой, принятой на съезде партии в мае 1934 г., без обвиняков говорится, что целью «реформы общественной власти» является создание корпоративного государства, где «профсоюзы должны находиться под государственным контролем»¹.

Реакционные политики далеко шли в своей критике парламентского строя и начали открыто выявлять свои симпатии фашизму, но как боевую программу дня, как программу борьбы для настоящего периода они выдвинули не «корпоративное государство» и ликвидацию буржуазной демократии, а «программу-минимум» в виде реформы парламентаризма и ревизии конституций 1875 г.

Разработал эту программу лидер парламентской правой во Франции Андрэ Тардьё. В 1933 г., год спустя после крупной выборной победы «левого картеля» (в мае 1932 г.), он первый поднял знамя борьбы против правительства радикалов, подчеркивая при этом во всех своих выступлениях, что борьба не может закончиться только свержением правительства радикалов, но должна привести также к ревизии конституции. В серии статей в журнале «Illustration» и в газете «Liberté» Тардьё развернул программу этой ревизии, обобщив ее потом (в начале 1934 г.) в своей книге «Час решения».

Суть программы Тардьё сводится к следующим пяти пунктам: 1) предоставление президенту республики по предложению премьер-министра права роспуска палаты, не спрашивая на это согласия сената; 2) лишение депутатов права увеличивать расходы в бюджете и сокращать доходы, предоставив эти права только исполнительной власти; 3) предоставление избирательных прав женщинам; 4) предоставление президенту по предложению премьера права организации референдума; 5) лишение государственных служащих права стачек и права коалиции (права принадлежности к профсоюзу).

Смысл предлагаемых Тардьё реформ — создать легальные формы для установления полуфашистской «сильной власти» путем: 1) обеспечения ей независимости от парламента, сильно ограничив парламентский контроль над бюджетом, предоставив исполнительной власти право роспуска парламента в любой момент, давая ей этим сильное орудие давления на депутатов; 2) очистки государственного аппарата от ненадежных для буржуазии государственных служащих, лишения этого крупного отряда трудящихся важнейших политических прав (первый шаг к тому, чтобы лишить этих прав весь пролетариат); 3) усиления в парламенте влияния реакционных групп, предоставляя избирательные права женщинам, которые во французской деревне в большей мере, чем мужчины, находятся под влиянием духовенства.

Книга Тардьё и предлагаемые им реформы стали евангелием реакционной французской буржуазии. Влиятельная крупнобуржуазная пресса (как и ряд видных крупнобуржуазных политиков) восхваляла проект Тардьё как панацею от всех зол, как единственный путь «к спасению». В первую очередь присоединился к Тардьё бывший премь-

¹ «Temps», 10. V. 1934.

ер Думерг, который еще до февральских событий в своем предисловии к книге М. Ординера одобрил проект ревизии конституции, разработанный последним и аналогичный проекту Тардье. Наиболее горячо поддержали Тардье газеты «Temps» и «Echo de Paris», в последней руководитель «центра пропаганды» правых партий Анри де Кериллис вел большую кампанию под лозунгами: «ропуск палаты», «ревизия конституции». Характер газет, поддерживающих программу Тардье, ясно показывает, какие социальные слои стояли за его проектами: это в первую очередь короли тяжелой промышленности, тузы из Comité de Forges, а также влиятельные военные круги, взгляды которых наиболее непосредственно отражает «Echo de Paris».

Почему Тардье и поддерживающие его реакционные круги, выступая за смену государственных форм буржуазного господства, ограничились в первый период выдвижением «программы-минимум», почему в это время их основными лозунгами в борьбе за «сильную власть» стали «реформа парламентаризма» и «ревизия конституции»?

Это вызвано двумя причинами.

Во-первых, влиятельные круги французской крупной буржуазии пугают массовый характер и антикапиталистическая демагогия организаций, которые создавал классический фашизм итальянского или германского образца во время борьбы за власть, их пугают политические последствия ликвидации всякой законности при фашистском перевороте, их пугает также чрезмерный рост хозяйственных функций государственного аппарата, сопутствующий фашизму в Италии или Германии. Поэтому этот слой французской крупной буржуазии предпочитает создание такого режима, который обладал бы важнейшими «качествами» фашизма: беспощадно подавлял бы пролетарское движение, создал бы независимость исполнительной власти от парламента и в то же время был бы свободен от таких черт фашизма, как массовый характер его организаций, антикапиталистическая демагогия и др. Эти группы стремятся создать фашистский режим, не ликвидируя полностью парламента, не производя коренной ломки государственного аппарата, не допуская больших политических потрясений во время борьбы за создание этого режима, максимально используя все легальные и конституционные возможности.

Во-вторых, — и это является главной причиной выдвижения «программы-минимум» — реакционные слои французской крупной буржуазии учитывают также трудности введения во Франции фашистского режима итальянского или гитлеровского типа. Реакционные слои учитывают сильную ненависть к фашизму французского пролетариата, который добился политических свобод в длительной и напряженной революционной борьбе и готов, особенно после уроков гитлеровской диктатуры в Германии, драться за них ожесточенно и упорно; они учитывают демократические традиции и ненависть к «старому режиму» в рядах французской мелкой буржуазии, малочисленность во Франции полностью разоренного и деклассированного слоя мелкой буржуазии, из среды которой фашистские организации в первую очередь вербуют своих сторонников, при одновременном наличии в стране плотного слоя зажиточной и очень консервативной мелкой буржуазии,

который как раз и должен быть ограблен фашизмом в интересах монополистического капитала. Наконец реакционные слои французской крупной буржуазии учитывают слабость массового влияния существующих во Франции фашистских организаций, отсутствие у них популярного вождя. Эти соображения реакционные политики не раз высказывали и в печати. Их излагал Анри де Кериллис ¹ в споре с реакционным депутатом Филиппом Анрио. Он писал:

«Верит ли он (Анрио) в возможность «хорошей» (удачной) революции в условиях, когда руководящая верхушка (реакционного лагеря. — М. З.) так глубоко расколота, не имеет программы и доктрины, состоит из враждующих кланов, когда ей противостоят сильные профсоюзы и красные отряды в столице, где рабочее население остается непокорным, поддается коммунистическому влиянию и занимает действительно замечательные стратегические позиции для окружения этой столицы?» ².

В ответе фашистским студентам, которые в коллективном письме писали, что «удачная национальная революция» во Франции так же возможна, как и в Италии, Кериллис, указывая на разницу в положении между Италией и Францией, еще раз напоминает о препятствиях, с которыми пришлось бы столкнуться, идя на фашистский переворот во Франции:

«Да, в Италии имела место удачная революция, но она была произведена завтра после войны, с поколением фронтовиков на 10 лет моложе, чем наше на сегодняшний день. Она была произведена с 300 тыс. чернорубашечников, вооруженных до зубов, руководимых гениальным вождем, сыгравшим огромную роль при вступлении его страны в войну и покрытым славой в окопах. Она была сделана при соучастии короля и регулярной армии. Она была сделана против политической столицы, которая не окружена кольцом рабочих предместий, столицы, где тысячи фабричных труб, имеющиеся в Париже, заменяют церковные храмы...» ³.

В другом месте Кериллис, доказывая, что для создания «сильной власти» во Франции надо избрать иной путь, чем в Италии, напоминает также о существовании во Франции широкого пласта зажиточной мелкой буржуазии, который трудно повести за фашистскими лозунгами:

«Наш очень значительный средний слой, который не имеет эквивалента в Германии, где он был разорен, ни в Италии, где он никогда не существовал, представляет среду, движимую индивидуалистическим, либеральным и собственническим духом, очень сильно сопротивляющимся стандартизации и коллективной дисциплине. Это можно сказать и о крестьянине, дорожащем своей землей, своим имуществом и своим «шерстяным чулком» (сбережениями. — М. З.)» ⁴.

¹ Мы часто цитируем Кериллиса отнюдь не потому, что он принадлежит к самым влиятельным людям в реакционном лагере, а потому, что он очень ярко формулирует мысли влиятельных реакционных кругов.

² «ECHO de Paris», 5.IV.1934.

³ «Там же», 6.IV.1934.

⁴ Там же, 2.VII.1934.

Эту же мысль Кериллис развивает в другой статье: «Основа отличия политической эволюции во Франции от развития в соседних странах в значительной мере связана с тем, что средний класс у нас очень аморфен, очень тяжел на подъем и представляет большое статическое сопротивление всякому революционному движению»¹.

Указав на все эти обстоятельства, Кериллис говорит: «Вот почему я продолжаю думать вместе с Тардьё, Думергом, Ординером, Полем Рейно... что путь ревизии конституций более легок, более приспособлен к темпераменту и характеру нашей страны и значительно более желателен, чем режим насилия, дубины и национального неосоциализма»².

Учет всех особенностей политической обстановки во Франции, всех опасностей, с которыми связан здесь фашистский переворот, диктует французской реакционной крупной буржуазии попытки создать сначала полуфашистский режим, порождает у нее стремления идти этапами к осуществлению своей мечты — к «сильной власти», независимой от парламента. Отсюда стремление крупнобуржуазных политиков, борющихся за «сильную власть», независимую от парламента, максимально использовать легальные возможности для ее создания и во всяком случае не выступать перед массами в качестве врагов легальности. Исходя из этих же соображений, они стремятся выступать не в качестве сторонников режима диктатуры, а в качестве его врагов и борцов за сохранение режима демократии. Поэтому основным лозунгом они выдвигают не ликвидацию существующего политического строя, а его реформу.

Этим путем надеялись Тардьё и его соратники добиться поддержки как раз среди тех слоев мелкой буржуазии, которые стремятся сохранить демократические свободы и режим буржуазной демократии. Поэтому Тардьё в своей книге «Час решения» отгораживался от фашизма и гитлеризма. «Ни Италия, ни Германия, — писал он, — не искали у нас образца для своей перестройки. Мы не найдем у них того, что нужно нам»³. Поэтому реакционеры не перестают заверять, что как раз предлагаемый ими путь реформ — это единственный путь спасения демократического строя, единственная возможность воспрепятствовать приходу режима диктатуры. Пугая консервативного мелкого буржуа призраком этой диктатуры, реакционные слои надеялись вынудить его к поддержке своих реформ. «Республика сможет существовать дальше только при условии, если она обновится», — патетически восклицает Тардьё. «Или реформировать или сломать наш режим — вот две гипотезы, а для выбора между ними у Франции уже не осталось слишком больших сроков».

Тардьё пугает мелкого буржуа и революцией и диктатурой гитлеровского типа, рассчитывая таким путем получить его поддержку для продвижения этапами к установлению «сильной власти».

«Теперешняя ситуация слишком серьезна как внутри страны, так и на международной арене, чтобы Франция, не желающая революции,

¹ «Echo de Paris», 18.VII.1934.

² Там же, 2.VII.1934.

³ A. Tardieu, *L'heure de la décision*, p. 114.

не решалась произвести реформу. Или реформа или революция»¹. «Если мы останемся при теперешних порядках, мы через некоторое время очутимся в тех же условиях, что и Берлин: палочный режим концентрационных лагерей, антисемитизм, закон о стерилизации»².

Эту манеру агитации за реформу конституции вслед за Тардьё присвоили себе и другие правые политики во Франции. Жак Барту на страницах «Temps» писал: «Или парламент в своем измененном статуте, ограниченный в своих правах и обновленный в своем личном составе, восстановит свой престиж, и свобода будет продолжать существовать в порядке и равновесии, или же дискредитированный парламент умрет и начнется диктатура: цезаристская диктатура или красная диктатура»³.

Ему вторит реакционный академик Мадлен на страницах «ECHO de Paris»: «Ревизией нескольких слов в конституции может быть удастся избежать диктатуры одного человека или диктатуры группы, ибо без этого решения Франции придется выбирать между двумя диктатурами»⁴.

Реакционные политики, добивающиеся «сильной власти», хотят предстать перед массами не только как люди, предохраняющие страну от режима диктатуры, но и как носители порядка и легальности. Кериллис в одной из своих статей писал: «Чтобы успешно заградить путь революции, надо представлять порядок, надо представлять легальность»⁵.

Но Тардьё и его сторонникам для проведения своих реформ надо было не только предстать в глазах консервативного мелкого буржуа в качестве «защитников демократии и легальности»; для того чтобы мобилизовать этот социальный слой на активную борьбу под своими знаменами, они пытаются указать ему на виновников всех бедствий, против которых надо вести беспощадную борьбу. Виновниками всех бед Тардьё объявляет парламентского депутата и чиновника. Чтобы возбудить против них народный гнев, Тардьё говорит об «избирательной олигархии», о «пожирателях бюджета», о «социальных рантье» и заявляет, что «в течение уже двух третей века два спаянные блока — людей, наживающихся на избирательных комбинациях, и людей, имеющих доходные местечки в администрации, — приучились к господству над народом»⁶. Этот характер агитации Тардьё и его соратников совершенно ясно указывает, на какой слой они стремятся опереться в массах. Этим слоем является консервативная зажиточная мелкая буржуазия: лавочники, ремесленники, мелкие рантье. Их стремится мобилизовать под свои знамена реакционная крупная буржуазия, поднимая знамя защиты собственности и порядка, пугая призраком революции и гитлеровским режимом, выставя виновниками все ухудшающегося положения «наживающихся депутатов»

¹ Там же, стр. 235.

² Там же, стр. 280.

³ «Temps», 16. II. 1934.

⁴ «ECHO de Paris», 28. II. 1934.

⁵ Там же, 5. II. 1934.

⁶ A. Tardieu, L'heure de la dictature.

и «государственных служащих, живущих за счет налогоплательщиков», апеллируя к национализму и патриотизму, пугая упадком Франции и т. д.

Выступая в качестве носителей порядка и легальности, реакционные сторонники «сильной власти» все же ясно отдают себе отчет, что в парламенте они имеют меньшинство и что осуществить даже свою «программу-минимум» они на чисто парламентских путях не смогут. Для того чтобы быстро добиться успехов в деле осуществления своей программы, они должны были прибегнуть к внепарламентской борьбе, к воздействию на палату силой, к давлению «улицы». Это толкнуло реакционных крупнобуржуазных политиков, выступающих в качестве «противников фашизма» и сторонников «реформы парламентаризма», к созданию и поддержке боевых фашистских организаций. Отсюда исходил в конце 1933 г. толчок к оживлению фашистских и полуфашистских лиг во Франции. Под прямым руководством крупнобуржуазных реакционных политиков началась подготовка событий 6 февраля.

Раскрытие аферы Ставиского, в которой был замешан ряд видных деятелей радикальной партии, дало в руки фашиствующим реакционных политиков ценное оружие. Удобнее всего было использовать эту аферу для организации «народного гнева» против палаты. Раскрытие афер, которые стали очень частым явлением во времена Третьей республики, уже давно является важным оружием в борьбе разных групп буржуазных политиков друг против друга. Этим средством уже давно пользуются для свержения министерских кабинетов. В 1933—1934 гг., когда волна недовольства довольно широко прокатилась по стране, когда реакционные крупнобуржуазные политики поставили своей задачей не только свержение кабинета радикалов, но и большие реформы для фашизации государственного аппарата, они стремились использовать раскрытую аферу Ставиского не только для парламентских махинаций, но и для мобилизации вокруг себя мелкобуржуазных масс на широкой внепарламентской арене. Разоблаченные аферы уже из-за своей сенсационности возбуждают интерес в довольно широких слоях мелкой буржуазии, которые далеки от активной политической жизни; мелкий буржуа благодаря ограниченности своего кругозора часто готов больше негодовать по поводу грязных проделок в верхах буржуазного общества, чем по поводу социальных и политических порядков капиталистического строя. Реакционные политики, борцы за «сильную власть» попытались возмущение мелкого буржуа проделками финансовых тузов и продажностью министров и депутатов направить в русло борьбы с парламентом. Лозунг «долой воров» — лозунг, который имеет во Франции старые традиции, под которым парижский мелкий люд в 1848 г. шел на борьбу с монархией Луи-Филиппа, — стал основным боевым кличем фашиствующей реакции в январе и феврале 1934 г.

Роль реакционных кругов монополистического капитала в подготовке и организации выступлений 6 февраля совершенно очевидна. Непримируемая позиция Тардьё по отношению к кабинету Даладье, образованному в январе 1934 г., открытая поддержка в конце января

1934 г. парижским префектом полиции Кьяппом фашистских демонстрантов, его провокационный тон при переговорах Даладьё в начале февраля и наконец шум, поднятый всей реакционной крупной буржуазией при отставке Кьяппа, — все это были отдельные звенья в подготовке событий 6 февраля. Правые готовились к большой схватке и поэтому вели себя так провокационно. Достаточно прочесть прессу, находящуюся в руках Comité de Forges, — «Temps», «Journal de Débats», «Echo de Paris» и орган Тардьё «Liberté» — за конец января и начало февраля 1934 г., чтобы убедиться, что именно отсюда, со страниц реакционной крупнобуржуазной печати, был дан сигнал к походу фашистских организаций на палату, были разработаны лозунги для этого выступления.

Как раз в эти дни Тардьё выпустил свою книгу «Час решения», в которой он бил в набат и заявлял, что у Франции уже осталось мало времени для выбора, что она уже «на краю пропасти» и надо решать: «или воля и возрождение или упадок»¹. Кериллис в «Echo de Paris» писал в те дни: «Небо наполнилось знаменами, предвещающими революцию. Отечество в опасности!»².

Накануне фашистских выступлений, происходивших 6. II вечером, председатель парижской торговой палаты Гарнье на собрании представителей торговых палат Франции закончил свою речь словами: «Ближайшее будущее чревато грозными явлениями. Внутри страны, как и вовне ее, предостоят крупные события: у нас нет ни длинных сроков, ни возможности выбрать средства. Необходимо выйти из того состояния бессилия, в котором мы находимся, из деморализующей ситуации, которая создалась в течение последних лет. Наступил крайний срок, чтобы Франция пробудилась»³.

В тот же день Жиню писал: «Сегодня речь идет о том, чтобы узнать, в состоянии ли французский народ произвести реформу лишившегося уважения режима или он обречен на гибель»⁴.

Но не только клич к выступлению 6 февраля был дан реакционными политиками, — из этой же среды вышли и организаторы этого выступления. Ими были в первую очередь тесно связанный с правым лагерем префект парижской полиции и некоторые высшие военные круги.

Какую роль должны были сыграть и сыграли события 6 февраля в большом стратегическом плане реакционных политиков в их борьбе за «сильную власть»?

Выступления 6 февраля вынудили левое парламентское большинство и руководство его основной партии радикалов к капитуляции, заставили их согласиться на поддержку правительства «национального единения» (где правые реакционные круги получили преобладающее влияние) и на ограничение прав парламента в пользу исполнительной власти. Это была крупная победа реакционных поборников «сильной власти», первый крупный шаг к осуществлению их большого стратегического плана. Эта победа передала в руки реакционных кру-

¹ A. Tardieu, L'heure de la décision.

² «Echo de Paris», 2. II. 1934.

³ «Journée Industrielle», 7. II. 1934.

⁴ Там же.

гов государственный аппарат, создала возможность фашизации этого аппарата, дала конституционное и легальное прикрытие для дальнейшего наступления и продвижения по пути к «сильной власти», дала исходные позиции для развертывания лобовой атаки на экономические и политические позиции широких масс трудящихся. 6 февраля решающим образом подорвало роль парламента, реакционные круги обуздали палату, привели парламентское большинство в замешательство и показали, что держат над парламентом бич, который они могут пустить в ход всегда, когда парламент попытается создать какое-либо препятствие для осуществления политики реакционных кругов. Дезире Ферри в передовой статье в органе Тардые «*Liberté*», размахивая бичом над головой парламента, в классической форме напоминал растерявшимся депутатам, что после 6 февраля настали новые времена, при которых «парламент может дальше жить, только проявляя большую мудрость»¹. Победа реакционных кругов была реализована не только в создании кабинета «национального единства», но и в предоставлении палатой исключительных полномочий правительству Думерга, а также в принятии парламентской комиссией в апреле 1934 г. (комиссия Маршандо) важнейших предложений реакционных кругов о ревизии конституции.

Но, добившись этих крупных успехов, реакционные слои отнюдь не были единодушны в тактике дальнейшей борьбы. Одни из них, и в первую очередь Думерг, надеялись без большого обострения положения закрепить достигнутые успехи и постепенно, этапами, двигаться дальше к «сильной власти». Наиболее реакционные слои, и в первую очередь Тардые, хотели «ковать железо, пока горячо», использовать возбуждение, вызванное аферой Ставиского, и замешательство в рядах радикалов для нанесения им решающих ударов и для того, чтобы добиться от парламента ревизии конституции.

Думерг однако медлил с постановкой перед палатой и сенатом вопроса о ревизии конституции, он медлил также с перевыборами палаты, которые правые намечали как один из важнейших шагов для закрепления февральской победы и ревизии конституции. После контрвыступлений пролетариата 12 февраля Думерг опасался форсированной борьбы за ревизию конституции вызвать большое политическое обострение в стране; он опасался, что постановка перед палатой со всей остротой вопроса ревизии конституции сразу же, в первые месяцы его кабинета, вызовет новые выступления пролетариата; он опасался также, что это обострение может привести к расколу у радикалов.

Он надеялся сотрудничеством с верхушкой радикалов настолько привязать ее к правым кругам, чтобы она согласилась впоследствии и на ревизию конституции.

Самые реакционные слои крупной буржуазии требовали более быстрых темпов осуществления программы борьбы за «сильную власть». Поль Рейно выступал на митингах с требованием немедленного принятия палатой изменений в избирательном законе, роспуска

¹ «*Liberté*», 17.V.1934,

палаты и созыва новой под лозунгом изменения конституции. «Страна нуждается не в выжидании, а в действии и быстром действии», — провозгласил он в докладе 15 апреля 1934 г., как бы полемизируя с Думергом¹.

За спиной всех этих крайних реакционных политиков крупной буржуазии стоял Тардые, который летом 1934 г. своей речью в следственной комиссии парламента по делу Ставиского, своими резкими выпадами против радикалов выразил стремление к более решительному курсу в борьбе за «сильную власть». Эти крайние реакционные элементы домогались, чтобы вопрос ревизии конституции и роспуска палаты был как можно скорее поставлен в порядок дня, «так как нет никаких данных, что через три или шесть месяцев психологические условия будут лучше»².

Но Думерг при поддержке влиятельных кругов монополистического капитала противился «спешке», опасаясь потерять завоеванное. Думерг отложил постановку вопроса «ревизии конституции» перед парламентом до осени 1934 г.

Осенью 1934 г. Думерг решился пойти в бой со знаменем «ревизии конституции» и начал проявлять большую активность, выступая даже несколько раз по радио. Но к этому времени обстановка для осуществления этого требования реакционных поборников «сильное власти» стала значительно менее благоприятной. Сопротивления рабочего класса продолжало нарастать. В мелкой буржуазии росло недовольство правительством Думерга. Верхушка радикал-социалистов, считаясь с этим растущим недовольством, не могла принять предложения о предоставлении президенту права роспуска палаты, хотя в апреле ее представители в комиссии Маршандо голосовали за это предложение.

Думерг пытался укрепить влияние реакционных слоев, пугая мелкого буржуа «красной опасностью» и «инфляцией», упадком франка, которые несет с собой «единный пролетарский фронт», но и это не помогло.

На кантональных выборах осенью 1934 г. правым партиям не удалось значительно увеличить свое влияние за счет радикалов, хотя против последних было направлено столько стрел в связи с аферой Ставиского. В то же время голоса, поданные за коммунистов, значительно выросли. Правая пресса начала угрожать новым 6 февраля, но угрозу эту реакционные слои побоялись осуществить, опасаясь еще значительно более сильного сопротивления пролетариата, чем 12 февраля. Кабинет Думерга пал, и это явилось серьезным поражением реакционных слоев.

Неудача реакционного лагеря в борьбе за ревизию конституции вызвала большие перегруппировки в его рядах. Она вызвала дальнейшее размежевание между теми кругами крупной буржуазии, которые стремятся максимально использовать парламентские возможности для осуществления своей экономической программы и укрепле-

¹ «Temps», 16. IV. 1934.

² «Echo de Paris», 13. III. 1934.

ния государственного аппарата для борьбы с революционным движением и в то же время поощряют развитие фашистских лиг в качестве подсобной силы для этой борьбы, и теми наиболее реакционными крупнобуржуазными кругами, которые стремятся к коренной ломке всего режима буржуазной демократии, делают основную ставку на фашистские лиги. Но анализ этих перегруппировок возможен лишь при учете сил фашистских организаций во Франции, трудностей, которые они встречают в борьбе за завоевание широких слоев мелкой буржуазии, и отпора, который они получают от антифашистского движения пролетариата и создавшегося под его влиянием широкого антифашистского народного фронта.

ФАШИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

После 6 февраля фашистские лиги заняли в политической жизни Франции видное место. При всех крупных политических событиях реакционные политики угрожали выходом этих лиг «на улицу». Поэтому хотя фашистские лиги в избирательных кампаниях во время различных частичных парламентских и муниципальных выборов уже после 6 февраля все еще оставались на задворках, во всей политической борьбе после февральских событий 1934 г. они заняли видное место на авансцене и превратились в крупный политический фактор.

Каковы пути развития, сила и состояние фашистских лиг во Франции?

Они не имеют за собой такого богатого прошлого, какое имели гитлеровские организации к моменту подъема фашистской волны в начале современного экономического кризиса. В первые послевоенные годы, когда бурно росли фашистские организации в Италии и когда в боях с революционным пролетарским движением складывались кадры и группы национал-социалистов в Германии, во Франции не было, с одной стороны, столь сильного революционного подъема, как в Италии или Германии, не было, с другой стороны, и столь сильного разорения мелкой буржуазии, не было столь значительного слоя деклассированной мелкой буржуазии. Поэтому во Франции в первый послевоенный период не было условий для роста фашистского движения. Если в Италии и Германии демобилизованные офицеры составили основные кадры создавшихся фашистских организаций, то во Франции эти прослойки дали основную массу депутатов первого послевоенного парламента, который был прозван «палатой защитного цвета».

Первые организации фашистского характера были созданы во Франции в 1924 г. после победы на выборах в парламент «левого картеля» и прихода его к власти. Реакционные круги буржуазных политиков, видя, что обычными парламентскими методами они не в состоянии обеспечить себе большинство в палате и сохранить в своих руках правительственный аппарат, начали создавать боевые организации для терроризирования трудящихся и в первую очередь пролетариата.

Толчком к созданию боевых организаций реакционного правого лагеря послужила также начавшаяся в 1924 г. активизация рабочего движения, в частности сильно напугавшая крупную буржуазию грандиозная пролетарская демонстрация в Париже при перенесении праха Жореса в Пантеон.

Раймонд Миле, описавший в «Temps» историю «Патриотической молодежи», говорит о причинах ее возникновения в 1924 г.:

«Общественное мнение было обеспокоено ростом крайней левой. Коммунистические силы можно было оценить в день, когда прах Жореса был перенесен в Пантеон. Вырисовывалась угроза коллективистской волны»¹.

Через несколько дней после этой демонстрации была создана боевая организация «Патриотическая молодежь», считавшая своей важнейшей задачей борьбу с «коммунистической опасностью». «Патриотическая молодежь» в 1924 г. отпочковалась от «Патриотической лиги» — старой реакционной организации, сыгравшей довольно крупную роль в буланжистском движении в 90-х годах XIX в. и при деле Дрейфуса, но потерявшей впоследствии свое значение.

В первое время после своего создания «Патриотическая молодежь», во главе которой стал правый депутат Тетенжэ, играла роль боевой дружины на службе правых партий, наводившей «порядок» на митингах и т. п. В 1925 и 1926 гг., когда инфляция сильно разоряла во Франции мелкобуржуазные слои, в первую очередь мелких рантье, «Патриотическая молодежь» пыталась начать борьбу за массы. Наряду с буржуазной молодежью ей удалось завербовать в свои ряды небольшие группы мелкой буржуазии, в первую очередь из среды банковских служащих, агентов страховых компаний и т. п. «Патриотическая молодежь» была тесно связана с клерикалами и пыталась использовать их влияние для проникновения в массы. В этих же целях «Патриотическая молодежь» использует имена популярных реакционных политиков (почетным председателем «Патриотической молодежи» был Клемансо). Результаты борьбы «Патриотической молодежи» за массы все же были довольно скромные. В момент своего расцвета, в 1925—1926 гг., «Патриотическая молодежь» во всей Франции насчитывала около 40 тыс. человек. После прихода к власти Пуанкаре и стабилизации франка фашистские организации во Франции заглохли.

Новый толчок к созданию фашистских организаций во Франции был дан в 1933 г. Возникали организации, рабски копирующие итальянских и немецких фашистов. Такого рода организациями являются «Солидаритэ франсез» и франсисты. Они выступают против всей системы буржуазной демократии: франсисты открыто объявляют себя приверженцами «тотальной революции», сторонниками «разрушения всех политических партий» и замены парламентского строя «корпоративным государством». «Солидаритэ франсез» открыто объявляет себя сторонницей диктатуры и борьбы за ее установление при помощи нелегальных средств². Обе эти организации довольно энергично

¹ «Temps», 2.II.1935.

² См. беседу вожака «Солидаритэ франсез» с представителем газеты «Temps» приведенную в номере от 29.I.1935.

используют социальную и национальную демагогию: франсисты говорят о необходимости создания «царства труда», «Солидаритэ франсез» говорит о «национальной революции» как о своей цели, но все же в массы мелкой буржуазии, не говоря уже о рабочих, им проникнуть не удалось.

То, что эти организации рабски копируют немецких и итальянских фашистов, переняв даже их знак приветствия, их форму (только заменив черные и коричневые рубашки голубыми), что они при выдвижении своих лозунгов совершенно не считаются с политическими традициями французской мелкой буржуазии, высказываясь за полную ликвидацию всего режима буржуазной демократии, и т. п. — все это не могло им обеспечить доступа к массам мелкой буржуазии. И франсисты и «Солидаритэ франсез» остались слабыми организациями. Они привлекли к себе группки мелких авантюристов, организовав их в боевые отряды. Эти боевые отряды — в основном наемное войско, куда за довольно высокую плату привлекаются разные люмпен-пролетарские элементы. Численность боевых отрядов этих организаций стоит поэтому в прямой связи с их финансовыми средствами.

Штурмовые отряды франсистов насчитывают меньше тысячи человек; более богатая «Солидаритэ франсез», созданная и финансируемая известным «парфюмерным королем» Коти, насчитывает в своих боевых отрядах около 3—4 тыс. человек. Показательным для наемного характера отрядов «Солидаритэ франсез» является наличие среди них крупного «североафриканского отряда», укомплектованного из проживающих в Париже алжирцев, прежде занимавшихся торговлей, а теперь сильно разоренных в результате кризиса и согласившихся за плату служить в штурмовых отрядах «Солидаритэ франсез». Отряды франсистов и «Солидаритэ франсез» имеют некоторое значение как боевая сила реакции в Париже, но политических связей с массами эти организации лишены.

Но наряду с группами, полностью копирующими итальянских и немецких фашистов, в конце 1933 г. начали активизироваться и выходить на политическую арену организации, являющиеся по существу фашистскими и пытающиеся завоевать симпатии мелкобуржуазных масс Франции.

В конце 1933 г., после ряда лет бездействия, активизировалась организация «Патриотической молодежи». Из среды фашистских лиг «Патриотическая молодежь» пожалуй наиболее тесно связана со старыми правыми партиями и реакционными парламентскими политическими.

В первый период своего существования (1925—1926 гг.) «Патриотическая молодежь» была боевой дружиной правых партий, охраняла их лидеров во время митингов; это наложило свой отпечаток на характер этой организации в настоящее время. О тесных связях «Патриотической молодежи» с правыми и реакционными партиями в парламенте говорит принадлежность ее лидера депутата Тетенжэ к правой Республиканской федерации в палате и тот факт, что, по заявлению Тетенжэ в интервью представителю газеты «Temps», «Патриотическая

молодежь» насчитывает уже 76 своих людей в палате, «а ее друзья составляют большинство в муниципальном совете Парижа»¹.

Вся агитация в широких массах проводится «Патриотической молодежью» силами крайне реакционных депутатов, как Анрио, Ибернегарэ и др. По существу «Патриотическая молодежь» является прямым продолжением правых буржуазных партий в парламенте, боевой организацией наиболее агрессивных элементов этих партий. И поэтому, хотя «Патриотическая молодежь» еще в 1926 г. выработала демагогическую «социальную хартию труда», хотя «Патриотическая молодежь» в своей официальной программе говорит о том, что «буржуазия не смогла понять эволюции, которая произошла в мире в результате промышленного прогресса и которая создала для пролетариата жалкие условия существования», хотя лидер «Патриотической молодежи» Тетенжэ говорит о необходимости «полной перемены политических и особенно экономических методов»², все же социальные лозунги «Патриотической молодежи» не возбуждают доверия в массах. Социальные лозунги носят у «Патриотической молодежи» характер отписки и во всей ее повседневной агитации занимают очень незначительное место. Слишком прямая и непосредственная связь с крупной буржуазией (сам Тетенжэ является крупным фабрикантом) и ее традиционными политическими партиями ставит очень серьезные помехи социальной демагогии «Патриотической молодежи».

В начале 1934 г. «Патриотическая молодежь», как и весь правый лагерь, в центр своей агитации ставила лозунг «борьбы с ворами», стремясь использовать аферу Ставиского и компрометацию ряда видных радикалов. Но уже с середины 1934 г., после того как выяснилось участие ряда видных политических деятелей правого лагеря в аферах Ставиского, лозунг «борьбы с ворами» отходит в агитации «Патриотической молодежи», как и в агитации всех правых организаций, на задний план.

Наряду с лозунгами «авторитетной власти» все большее значение в агитации «Патриотической молодежи» приобретает лозунг борьбы с «красной опасностью». Агитация «Патриотической молодежи» отличалась от агитации всей парламентской правой своей агрессивностью (Анрио на митингах громил радикалов как «воров» и «убийц» даже в медовый месяц «перемирия между партиями») и выпячиванием лозунгов борьбы с «красной опасностью», которые имели здесь большие традиции, так как уже с первых дней своего создания «Патриотическая молодежь» объявила себя «авангардом в борьбе с коммунизмом». На митинге в зале Ваграм в ноябре 1927 г. Тетенжэ это сформулировал достаточно резко:

«Что мы собою представляем? Антикоммунистическую лигу, группировку, в основе которой лежат националистические принципы с девизом «Франция превыше всего»³.

18 марта 1928 г. в органе «Патриотической молодежи» «National»

¹ «Temps», 10. II. 1935.

² «Republique», 14. XI. 1934.

³ Цитирую по брошюре Жана Дюкло, Фашизм во Франции, изд. «Московский рабочий», 1929 г., стр. 107.

Тетенжэ повторил: «Коммунистическая партия — это основной враг «Патриотической молодежи».

И в программе своей «Патриотическая молодежь» записала, что ее задачей является «препятствовать прогрессу партий путем распространения чисто национального учения и путем создания организованной силы, готовой положить конец любой коммунистической деятельности. Эта сила в случае необходимости может быть предоставлена в распоряжение правительства, если последнее настроено национально, если оно энергично и полно решимости поддержать порядок в случае революционных всплесков».

«Патриотическая молодежь», — гласит программа этой организации, — является группой французских граждан, решивших оборонять национальную землю против опасностей внутренней революции, повышать общественное благосостояние и улучшать наши общественные учреждения».

И позднее, после февральских событий, давая показания перед парламентской следственной комиссией, Тетенжэ суммировал свою программу в нескольких словах: «Патриотическая молодежь» является антикоммунистической организацией. Это — не просто политическая лига и не общество друзей, это — ассоциация социальной обороны».

Эти традиции борьбы с коммунистическими рабочими, в которых «Патриотическая молодежь» со дня своего создания воспитывала своих членов, традиции многочисленных, порой кровавых стычек с рабочими очень повысили в глазах буржуазии значение «Патриотической молодежи» в период большого обострения классовой борьбы, наступившего после 6 и 12 февраля во Франции. В это время начался приток в ее организации буржуазной молодежи. Крайняя националистическая агитация, особенно когда она велась наиболее агрессивными и талантливыми агитаторами реакционного лагеря (Анрио и др.), дала «Патриотической молодежи» возможность проникнуть и в некоторые слои мелкой буржуазии. В крупных городах — Париже, Лионе, Лилле — она проникла в среду банковских и конторских служащих, страховых агентов, инженеров, студентов, в провинции — в те районы, где раньше были сильны влияния правых партий и католических организаций. Лидер «Патриотической молодежи» депутат Тетенжэ заявляет, что эта организация насчитывает 325 тыс. приверженцев¹ (к приверженцам относится не только молодежь, но и «друзья», которыми могут быть и старики); по данным полиции, количество приверженцев «Патриотической молодежи» значительно меньше и ограничивается 90 тыс. Последняя цифра ближе к истине, чем дутая цифра, сообщенная Тетенжэ. К тому же в 1935 г. «Патриотическая молодежь» начала терять своих сторонников в пользу другой фашистской организации — «Боевых крестов». Для такой организации, как «Патриотическая молодежь», решающую роль играет не количество «приверженцев», а численность боевого актива, который она в состоянии вывести на демонстрацию. Актив этот составляют, во-первых, руководимые офицерами резерва «подвижные отряды»

¹ «Temps», 10. II. 1935.

по 50 человек в каждом, которые снабжены дубинками, кастетами и револьверами. Они нападают на рабочие собрания, проводят пробные мобилизации, перебрасываются на специальных грузовиках из одного района в другой и составляют боевой костяк «Патриотической молодежи». Кроме этого существуют еще «легионеры патриотической молодежи», тоже вооруженные и организованные в отряды по 50 человек, составляющие как бы резерв «подвижных отрядов». Существуют еще специальные отряды «Патриотической молодежи». Подвижные отряды насчитывали в Париже перед 6 февраля около 2 тыс. человек, после их численность оценивалась в 3—4 тыс. человек. Весь актив, который «Патриотическая молодежь» выводила в Париже на демонстрации, доходит до 15 тыс. человек.

В итоге можно прийти к выводу, что «Патриотическая молодежь», являясь по существу организацией, руководимой наиболее агрессивными элементами старой парламентской реакции, не в состоянии стать центром притяжения для широких масс разоряющейся мелкой буржуазии. Она добилась влияния в среде буржуазной молодежи и в небольших группах мелкой буржуазии, создала боевую силу, которая может иметь значение как вспомогательная сила более мощной фашистской организации.

Гораздо большее значение, чем «Патриотическая молодежь», имеет организация «Боевых крестов», которая является центральным органом и организацией французского фашизма. Организация «Боевых крестов» была создана в конце 1927 г. как замкнутая организация фронтовиков, получивших на войне знак отличия — боевой крест. До февральских дней 1934 г. она была почти совсем не известна на политической арене. Замкнутый характер организации «Боевых крестов», отличавший ее от других организаций фронтовиков преобладанием в этой организации офицеров и унтер-офицеров резерва, ее тесные связи с офицерами действующей армии, а особенно с учащимися сен-сирской высшей военной школы, превратили ее уже в первые годы существования в очаг реакционных влияний. Характерно, что до 1930 г. центр этой организации находился в помещении, предоставленном ему «парфюмерным королем» авантюристом-реакционером Коти в доме принадлежавшей ему крайне реакционной газеты «Figaro». Полковник граф де ля Рокк, избранный в 1929 г. руководителем «Боевых крестов», был подходящим человеком для возглавления организации, где крайние капиталистические и реакционные слои группировали свои боевые кадры. Граф де ля Рокк происходит из католической и монархистской¹ аристократической семьи; ученик «колонизального героя» маршала Лиотея, он прошел школу подавления угнетенных племен северной Африки; как бывший адъютант маршала Фоша во времена империалистической войны и как бывший офицер генштаба он имеет большие связи в верхушке офицерского корпуса. По своей работе в 1928—1930 гг. в качестве члена дирекции Всеобщей электрической компании де ля Рокк имеет также

¹ Два брата де ля Рокка являются членами монархической «Аксюв франсез», причем один из них является даже адъютантом герцога Гиза — претендента на французский престол.

связи среди кругов крупной монополистической буржуазии. Таким образом он имел все данные, чтобы стать доверенным самых реакционных слоев монополистического капитала и вожакom их боевой организации. Участие в войне 1914—1918 гг., сотрудничество с маршалом Лиотеом и маршалом Фошем дают ему возможность завоевать популярность среди националистических слоев мелкой буржуазии. Де ля Рокк не оратор, не умеет зажигать массы, но он умеет окружить себя мистической тайной, говорит тоном приказа, отрывисто и сухо, и этого было достаточно, чтобы выдвинуться в вожаки боевой фашистской организации. Организация «Боевых крестов», сплывавшая в период до февраля 1934 г. боевые кадры наиболее реакционных и милитаристских кругов, стала в период перехода крупной реакционной буржуазии к борьбе за «сильную власть» основным боевым отрядом французского фашизма.

До 6 февраля 1934 г. организация «Боевых крестов» участвовала в трех крупных выступлениях, которые свидетельствовали реакционным буржуазным слоям о ее политическом направлении. Этими выступлениями были: совместная с монархической «Аксион франсез» обструкция лорду Сесилью и другим ораторам по вопросу о разоружении на митинге в зале Трокадеро 27 ноября 1931 г., демонстрация в декабре 1932 г. против уплаты военных долгов США и демонстрация 5 января 1934 г. против радикального министра Далимье, замешанного в афере Ставиского.

В событиях 6 февраля организация «Боевых крестов» играла самую важную роль: она находилась на площади Согласия, полем ее действия был задний фасад палаты. После этих выступлений вся реакционная пресса начала воспевать героизм «Боевых крестов», их «преданность» родине. Реакционная пресса начала создавать легенду «Боевых крестов»: они, мол, спасли родину на фронте, они спасли ее вторично 6 февраля от воров и масонов. При этом широко рекламировалась дисциплинированность «Боевых крестов»: они, мол, не чета другим лигам, которые поджигали автобусы и переворачивали электрические фонари, они, мол, избегали беспорядков и оказали влияние на других своей отвагой и авторитетом. Этим хотели повысить авторитет «Боевых крестов» в глазах средней буржуазии и консервативного мелкого буржуа, высоко ценящего «порядок».

После 6 февраля организация «Боевых крестов» стала быстро расти. С ней объединилась организация «брискаров», т. е. фронтовиков, не имеющих знаков отличия, но имеющих нашивку за длительную службу на фронте. В организации брискаров приютились многие бывшие жандармы и бывшие унтер-офицеры. Слияние с этой организацией укрепило реакционные кадры «Боевых крестов». Вскоре организация перестала носить замкнутый характер бывших фронтовиков, в ее ряды стали принимать родственников членов «Боевых крестов», затем «национальных волонтеров», т. е. всех, разделяющих взгляды «Боевых крестов», и наконец даже сочувствующих. «Боевые кресты» фактически перестают быть организацией фронтовиков, но всячески держатся за эту вывеску, представляя себя как «лучших людей национальной Франции, обеспечивших ей победу на фронте». В

действительности они превращаются в боевую фашистскую организацию.

Ряд преимуществ, которые имела организация «Боевых крестов» по сравнению с другими фашистскими лигами во Франции, способствовал ее росту в послефевральский период в среде буржуазии, золотой буржуазной молодежи и некоторых прослоек французской городской и в первую очередь парижской мелкой буржуазии и превращению «Боевых крестов» в центральную организацию французского фашизма.

В чем состоят эти преимущества «Боевых крестов» перед другими фашистскими лигами во Франции?

Во-первых, «Боевые кресты» могли лучше, чем другие фашистские лиги, сохранить видимость независимости от старых реакционных парламентских партий и деятелей, имели больше возможностей представлять себя как совершенно новую организацию, свободную от ответственности за деятельность политиков.

Во-вторых, «Боевые кресты» могли использовать престиж бывших фронтовиков и этим оказывать влияние на националистические слои мелкой буржуазии.

В-третьих, «Боевые кресты» легче проникают в среду средней буржуазии и консервативной зажиточной мелкой буржуазии благодаря тому, что они выступают как носители «умеренности и порядка». Они умеренны, так как не требуют ликвидации республики и не объявляют себя сторонниками «гражданской войны», за ними не числятся подожженные автобусы и вывороченные фонари, и поэтому многие зажиточные мелкие буржуа, враждебно относящиеся к «эксцессам», не видят в них «бунтовщиков».

Это стремление мобилизовать под свои знамена консервативного зажиточного мелкого буржуа наложило отпечаток на всю программу и тактику «Боевых крестов», оно уредило их агрессивность в борьбе со старыми буржуазными партиями, уредило их социальную демагогию и тем самым создало серьезные препятствия для завоевания «Боевыми крестами» бунтующих и недовольных разоренных слоев мелкой буржуазии.

До недавнего времени организация «Боевых крестов» не имела никакой программы, особенно по социальным вопросам. Полковник де ля Рокк освещал эти вопросы в двух-трех пустых фразах в органе «Боевых крестов» ежемесячнике «Le Flambeau». Де ля Рокк даже доказывал в некоторых своих выступлениях, что программа «Боевым крестам» вообще не нужна, и, как он сам об этом сообщает, лишь под большим давлением своих сторонников, требовавших, чтобы он «что-нибудь сказал», де ля Рокк уступил и в конце 1934 г. изложил свои взгляды в книге.

В трактовке социальных вопросов полковник де ля Рокк подходит нерешительно и с опаской, он предвидит недоверие читателей к социальной программе «полковника-графа» и заранее начинает клясться в своей искренности:

«Я прошу моих читателей не счесть эту краткость (с которой грактуются в книге полковника социальные проблемы. — М. З.) су-

хостью: ничто так не волнует сердце «Боевых крестов», как социальный прогресс»¹.

«Теоретической базой» социальной программы де ля Рокка является, как это полагается кандидату в фашистские диктаторы, отрицание классов и классовой борьбы, которая «искусственно возбуждается марксизмом».

«Нет больше классов. Имеются имущие—утвердившиеся или временные. Имеются категории, не сходные по характеру осуществляемой работы. Имеется ужасная нужда, имеется неустойчивость»².

Своим общественным идеалом полковник объявляет достижение «гармонии» общества. Он пишет:

«Вся задача состоит в том, чтобы направлять изменения в определенное русло, добиваясь их гармонии, открыть возможность подъема и перегруппировок, устрания большие и бесполезные части общества... Организовать согласно намеченным и гибким рамкам, не разрушая равновесия, непрерывный подъем к материальному благополучию, к умственным знаниям и моральному совершенствованию; облегчить восхождение одних, ослаблять и тормозить падение других, обеспечить наиболее бедным удовлетворительные условия жизни согласно законам человеческого достоинства, личной и семейной жизни, приобщиться к этому непрерывному приспособлению таким путем, как покровительствуют биологической эволюции, избегая внезапностей и болезней. Вот цель!»³.

Цель не очень заманчивая для народных масс, разоряемых кризисом, которым вместо выхода из тупика полковник обещает «ослабить и тормозить» их падение и в порядке «эволюции», «не разрушая равновесия», не изменяя основ капиталистического общества, обеспечить «непрерывный подъем к материальному благополучию, умственным знаниям и моральному совершенствованию». Это звучит как обычная и очень старая сладенькая благотворительно-поповская болтовня. Де ля Рокк очевидно понимает это и в других местах своей книги выступает несколько более радикально. Он выдвигает демагогический лозунг «корпоративного строя», но даже этот лозунг, общий фашистам во всех странах, кажется ему слишком радикальным, и он предпочитает назвать строй, к созданию которого следует стремиться, строем «организованных профессий». Как же полковник де ля Рокк расшифровывает понятие «организованной профессии»?

«Организовать профессию значит в плане местном, областном, национальном объединить между собой разнообразные категории трудящихся от чернорабочего до хозяина в каждой отрасли производства. Это значит связать между собой однородные и дополняющие друг друга категории производства. Это значит комбинировать по согласованной инициативе самих заинтересованных разнообразные элементы этого производства: человеческие, технические и промышленные. Это значит дать стране, государству и их правительствам эконо-

¹ La R o c q u e, Service public, p. 227.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 128—130.

мический совещательный орган, соображения которого будут одновременно обязательны и свободно высказываемы»¹.

Как мы видим, «организованные профессии» полковника де ля Рокка не сулят какой-нибудь ломки или даже перестройки существующего экономического и социального строя. Функции «организованных профессий» очень ограничены. Ограничена должна быть, по мысли де ля Рокка, и роль государства в экономической жизни.

«Надо создавать и поощрять союзы производителей, они должны координировать различные категории интересов, регулировать в своей отрасли и в своей сфере условия труда. Они должны обладать возможностью не насиловать общественные власти, а излагать свои желания, нужды, свои возможности. А государство своим вмешательством должно заставить их не выходить за пределы своей компетенции как в отношении самого государства, так и в отношении других элементов народного хозяйства. Правильно применяя таможенное законодательство, оно должно согласовать совокупность коллективных интересов национальной промышленности с общественными повинностями, нуждами своего казначейства и с правильно понятыми задачами завтрашнего дня. Неважно, каким именем захотят назвать подобную систему: она не отвергает ничего из прошлого, она основывается на настоящем и стремится примениться к будущему. Экономика, сама себя организующая и контролирующая, контролируемая и охраняемая государством, широко автономная и заключенная в твердые рамки, — вот та цель, к которой нужно стремиться»².

Де ля Рокк боится даже на словах задеть интересы крупного капитала, поэтому строй, который он объявляет своей целью, «не отвергает ничего из прошлого и базируется на настоящем». Французская крупная буржуазия одним из своих центральных лозунгов делает лозунг борьбы с «вмешательством государства в экономическую жизнь», с «этатизмом». Де ля Рокк в отличие от фашистов в других странах спешит в своей программе также «уполниться против «этатизма». Государство должно только согласовывать совокупность коллективных интересов, но отнюдь не руководить экономической жизнью; к тому же еще де ля Рокк объявляет, что никакая серьезная перестройка существующей экономики вообще невозможна. Он пишет:

«Невозможно повелевать экономикой, так же как невозможно человеку регулировать движение произвольных рефлексов. Экономическая жизнь страны аналогична человеческому организму. Можно за ней следовать, предвидеть ее реакции, изучать их, исправлять их. Ее нельзя подчинить без угрозы ее расстроить и разрушить. За нею можно надзирать, ее можно уравновесить средствами инспектирования и санкций, а не постоянным и прямым вмешательством»³.

Вся эта премудрость де ля Рокка характерна своей бессодержательностью, старомодностью, перепевами старого экономического либерализма. Итальянские и германские фашисты говорили: «наше госу-

¹ Там же, стр. 144—145.

² Там же, стр. 141—142.

³ Там же, стр. 139.

дарство вмешается в экономическую жизнь», «наведет порядок», «ликвидирует паразитизм и несправедливости», они обещали большие и скорые перемены для разоряемых мелких буржуа, для безработных, они открывали для своих сторонников перспективу «хлебных мест» в разбухающем государственном аппарате. Де ля Рокк ориентируется на зажиточного мелкого буржуа, враждебно относящегося к государственному аппарату, который в его глазах олицетворяет сборщик податей, поэтому вместо восхваления великой роли всемогущего надклассового государства мы встречаем у него лозунг «защиты сбережений». Это мешает де ля Рокку создать боевую программу, которая могла бы демагогически обещать широким массам мелкой буржуазии, разоряемым кризисом и мечущимся в поисках выхода из него, быстрое улучшение положения. Что обещает этим массам де ля Рокк?

«Будет уважаться право на труд и охраняться право на заработную плату. В каждой области, в каждой отрасли промышленности должен быть сохранен для добросовестного трудящегося минимум заработной платы, исчисляемый согласно местным индексам.

Было бы нелепо и бесчеловечно, чтобы трудящийся, преданный своему предприятию, не был бы материально заинтересован в его процветании, тогда как при упадке предприятия ему угрожает безработица.

Никакой заинтересованности нельзя требовать от рабочего без его действительного участия в управлении, прибылях и убытках; было бы поэтому справедливо и мудро сделать элементом наших нравов эту ответственность и эту заинтересованность рабочего, основанную на его верности.

Заранее ограничить сферу деятельности рабочего физического труда его цехом, его станком — это значило бы не признавать оказанных им услуг, не видеть эволюции умов. Рабочий устойчивый, совершенствующий свои профессиональные и гражданские добродетели, привязанный к своему предприятию, является лицом, которое заслуживает доверия...

Восстановление дисциплины позволит включить «доверенных лиц», избираемых равными им, в управление предприятиями. Их советы, даваемые по их собственной инициативе или же в ответ на обращения к ним, не возлагая на них ответственности и не будучи обязательными для ответственных руководителей, будут являться в зависимости от условий, которые нужно урегулировать, самым ценным сотрудничеством.

Доверенные лица должны быть факторами устранения классовой борьбы и братского взаимопроникновения социальных слоев¹.

Вся эта социальная программа полковника де ля Рокка крайне бледна. Он не имеет в области социальных вопросов боевых лозунгов. В применении социальной демагогии он значительно умеренней, чем Муссолини и Гитлер в период их борьбы за власть, и это объясняется, как мы уже указали выше, ориентацией его на консервативного зажиточного мелкого буржуа.

---

¹ La Rocque, *Service public*, p. 150—151.

Политические лозунги занимают в борьбе «Боевых крестов» за массы гораздо большее место, чем социальные.

Для завоевания влияния в массах мелкой буржуазии де ля Рокк пытается использовать антипарламентские настроения, усилившуюся в массах ненависть к коррумпированным политическим дельцам, он пытается нажить политический капитал на сильном в среде мелкой буржуазии моральном авторитете фронтовиков. Отсюда у «Боевых крестов» лозунги борьбы с «политиками», которые, мол, виноваты в «упадке Франции» и расхищении «общественного добра». Отсюда попытки фронтовиков окружить себя ореолом «победителей», которые спасли Францию в годы войны и теперь должны в ней «навести порядок».

Де ля Рокк пытается доказать, что «Боевые кресты» не связаны ни с какой из парламентских групп, что они «независимы» от них:

«Мы бы сделали самую большую ошибку, связываясь навсегда с той или иной организацией политического характера, руководимой политиками и имеющей особые политические цели»¹.

Но и в этой агитации де ля Рокка имеется ряд легко уязвимых пунктов.

Во-первых, «Боевые кресты» имеют довольно тесные связи с парламентскими политиками правого лагеря. Де ля Рокк поддерживал правительство Думерга, при котором экономическое положение страны ухудшилось, никакого «обновления» не произошло и руководство государственными делами осталось в руках старых парламентских дельцов. Во-вторых, положительная программа де ля Рокка в вопросах государственного управления повторяет проекты реакционных политиков, делая только несколько шагов дальше в ликвидации буржуазной демократии. С одной стороны, де ля Рокк объявляет себя сторонником «семейного голосования» (т. е. предоставления главе семейства добавочного голоса), которого давно добиваются монархисты. С другой стороны, де ля Рокк предлагает такое укрепление исполнительной власти, которое лишает парламент всякого значения:

«Вождь нации получает мандат на период времени не меньший, чем период двух созывов парламента; он получает право роспуска парламента, ответственен за выбор министров и не покидает своего поста до срока, иначе как после решения Национального собрания, принятого большинством двух третей»².

Здесь явно обнаруживается стремление де ля Рокка сыграть на остатках бонапартистских традиций, еще не исчезнувших в некоторых слоях французской мелкой буржуазии.

Учитывая непопулярность фашизма в народных массах Франции, особенно после того как фашизм, придя к власти в Германии, перед глазами широких масс обнаружил свою террористическую сущность, де ля Рокк всячески клянется, что он не имеет с фашизмом ничего общего. В книге своей он многократно заявляет, что является противником «тотального» государства, а на следственной комиссии палаты

¹ «Revue de Paris», 1.III.1935.

² La Rocque, Service public, p. 213.

он даже заявил: «Абсурдно говорить, будто бы мы фашисты. Француз — индивидуалист и не пойдет на фашизм. Вам достаточно сравнить наши умеренные высказывания с тем, что пишут Гитлер или Муссолини».

Наряду с лозунгом борьбы с «политиками» большую роль в агитации «Боевых крестов» играет лозунг борьбы с франкмасонами. Эта таинственная организация является, мол, хозяином положения во Франции и довела ее до упадка. Лозунг борьбы с франкмасонами рассчитан на то, чтобы мобилизовать клерикальные элементы и обеспечить себе поддержку духовенства. В последнее время все большее место в агитации де ля Рокка приобретает лозунг борьбы с «марксистским рабством». Этот лозунг, общий фашистам всех стран, не оказывает большого влияния во Франции, так как социалистическая партия не успела здесь побывать у власти, и фашистам особенно трудно объявить «марксизм» виновником всех бед.

Расчет на привлечение в первую очередь консервативной мелкобуржуазной верхушки определяет также тактику де ля Рокка, порождает его стремление предстать перед массами носителем порядка и легальности. Чтобы завоевать авторитет среди буржуа, высоко ценящих «порядок», он удерживает «Боевые кресты» от мелких стычек с полицией. Де ля Рокк декларирует:

«Движение «Боевых крестов» пошло бы на убыль, если бы оно не держалось выше заурадных треволений общественного мнения. Я утверждаю, что уличная агитация, роль которой в создании и поддержании атмосферы я вполне оцениваю, не соответствует природе нашего движения. Этот способ действия повредил бы той серьезности, с которой должны относиться к нашим выступлениям, и внешне свел бы их к шумихе, с которой связаны кричащие успехи, не имеющие серьезного значения поражения, традиционные аресты, автокары префектуры и даже избиения в участках. На всю эту шумиху может, наоборот, без значительного неудобства для себя пойти учащаяся молодежь... Капитал «Боевых крестов» нельзя было расточать во второстепенных выступлениях. Их несравненная доблесть обязывала меня держать их в резерве и предназначить их под моей ответственностью для единственной роли, отвечающей их достоинству, — для максимума длительных результатов при минимуме потерь»¹.

Это стремление де ля Рокка избежать мелких стычек с полицией связано также со всем его тактическим планом. План этот состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большую вооруженную силу, вышколить ее и подготовить ее к большим боям, одновременно шантажом и угрозами толкать все больше направо буржуазные партии и усиливать влияние реакционных элементов в государственном аппарате. Затем предполагается использовать обостряющееся экономическое и политическое положение, чтобы спровоцировать в том или другом месте серьезные столкновения с революционными рабочими. В такой момент де ля Рокк предполагает пустить в ход свою хорошо подготовленную вооруженную силу и при содействии сил правительственного аппарата (полиции, руководства армии и т. д.) осу-

---

¹ L a R o c q u e, Service public, p. 11—12.

ществить террористическую расправу с революционным движением и использовать свое положение авангарда в борьбе с пролетариатом для захвата власти.

Вот как представил свой тактический план де ля Рокк в интервью, данном им Суарецу:

«Создать неоспоримую силу, точно ее организовать, держать ее готовой вступить в бой, показать ее и этим путем продолжить необходимую пропаганду, избегая боев между французами, — такова наша тактика. Исключает ли она наступление? Нет, если учесть, что даже в военном деле оборонительная стратегия не исключает наступательной тактики. Нет, если учесть, что в случае, когда анархистский интернационализм внезапно взял бы власть во Франции, мы бы не остановились до момента, пока, наступая, мы не изгнали бы его из нашей страны, где он является противоестественным»¹.

Смысл этого тактического плана, во-первых, в том, чтобы создать в рядах консервативных мелких буржуа впечатление о «Боевых крестах» не как о «мятежниках», а как о «защитниках порядка и собственности» от атак революции, и этим добиться поддержки этих слоев, и, во-вторых, в том, чтобы до решающей борьбы за власть усилить свои позиции в государственном аппарате, создать общий с ним фронт для борьбы с революционным движением, сделать его неспособным к борьбе с «Боевыми крестами» и ослабить его сопротивление захвату власти де ля Рокком и его соратниками. Этот план предполагает совершенно разную тактику по отношению к палате и буржуазным парламентским партиям и по отношению к революционному пролетарскому движению. Палату и буржуазные парламентские партии де ля Рокк в первую очередь стремится запугать и толкать направо.

Тактику де ля Рокка в отношении парламента интересно излагает английский журналист Верт в своей книге «France in ferment». Он пишет следующее:

«Один урок почерпнул де ля Рокк у Лиотея, под командой которого он служил в Марокко: «Покажите вашу силу, и вам не нужно будет сражаться». Таким путем Лиотей покорил мятежные племена в Марокко. И разве это не точно тот же метод, который де ля Рокк применил 6 февраля по отношению к палате депутатов, когда сотни бывших фронтовиков с пением «Марсельезы» маршировали по темным улицам Площади инвалидов? И разве не то же самое делает он с тех пор, все время стремясь произвести впечатление на правительство силой «Боевых крестов»?.. Коротко говоря, палата депутатов для де ля Рокка — то же самое, что для Лиотея мятежные племена в Марокко. «Покажите вашу силу, и вам не нужно будет сражаться. Сражайтесь только в случае абсолютной необходимости»².

Но если против палаты де ля Рокк хочет применить силу только «в случае абсолютной необходимости», а пока показывать ей эту силу, чтобы толкать ее направо, то в отношении рабочего движения де ля Рокк заранее объявляет о своих намерениях силой оружия «сокрушить революционные попытки».

¹ «Revue de Paris», 1.III.1935, p. 56.

² A. W e r t h, France in ferment, London 1934, p. 279.

Свои вооруженные отряды он воспитывает в духе непримиримой вражды к рабочему движению и неизбежности вооруженной схватки с силами революционного пролетариата.

В своей программной книге де ля Рокк, заявляя о том, что вообще путь «насиленной борьбы» ему чужд, одновременно пишет:

«Отвергать насилие не означает его бояться. Отвергать его применение не означает отречься от возможности ему противостоять и победоносно ему ответить. Перед лицом уголовных происков «единого фронта», его инспираторов и его наемных убийц мы будем беспощадны и используем не только эффективную оборону, но и оружие, способное сокрушить революционные попытки»¹.

Тактический план де ля Рокка исходит из учета настроений французского консервативного мелкого буржуа и уступчивости парламентской верхушки радикалов в момент, когда силам реакции удастся ее запугать. Но этот план имеет свою ахиллесову пяту. Показ «Боевыми крестами» своей силы, для того чтобы произвести нажим на палату, не проходит без реакции пролетариата. Показывая актуальность угрозы фашизма, демонстрации «Боевых крестов» усиливают отпор пролетариата, возбуждают опасения в радикально настроенной мелкой буржуазии и рост в ее среде антифашистских настроений.

Тактика «запугивания палаты» и «показа» своих сил не происходит в условиях пассивности пролетариата, и поэтому она не всегда дает те результаты, которые были бы желательны полковнику де ля Рокку и его соратникам. 6 февраля тактика де ля Рокка увенчалась успехом: радикальные министры капитулировали, а радикальные депутаты отступили. Но при конфликте Думерга с лидерами радикалов в ноябре 1934 г., когда Думерг добивался ревизии конституции, «Боевые кресты» не могли повторить 6 февраля. Рост антифашистского движения пролетариата после 6 февраля создал в ноябре 1934 г. угрозу мощного контрвыступления пролетариата при новом походе «Боевых крестов» к палате. И не только при конфликте Думерга с лидерами радикалов осенью 1934 г., но и позже, например во время годовщины февральских событий, де ля Рокк, находясь лицом к лицу с угрозой сильных контрдемонстраций пролетариата, отказался от назначенных им уличных выступлений «Боевых крестов».

Эти вынужденные отступления, так же как и недостаточная политическая агрессивность по отношению к старым буржуазным партиям, создают серьезные препятствия для завоевания полковником де ля Рокком значительных слоев разоренной и бунтующей мелкой буржуазии. Эти слои добиваются решительных изменений в существующих порядках. Фашисты в Германии и Италии привлекли их на свою сторону как раз своими демагогическими обещаниями быстро и решительно изменить существующее положение, своей агрессивностью по отношению к старым буржуазным партиям, в которых эти массы видели виновников своего бедственного положения. Тактика де ля Рокка другая: он умерен в своих обещаниях и социальной демагогии и не решается резко выступать против всех старых «политиков»,

¹ La Rocque, Service public, p. 261—262.

которых он объявляет виновниками всех зол. На кантональных и муниципальных выборах он поддерживал реакционных буржуазных кандидатов правого лагеря, обуславливая свою поддержку только обязательством «ни в настоящем, ни в будущем не сотрудничать с теми, кто проводит в какой-либо мере прямо или косвенно марксистскую политику или влияние»¹.

Больше того, де ля Рокк оказывает прямую поддержку правительствам, где правые парламентские круги имеют решающее влияние. Де ля Рокк открыто поддерживал правительство Думерга. Он поддерживает и правительство Лавалья, выступая даже в защиту его декретов, снижающих жалование чиновникам и пенсии бывшим фронтовикам. Де ля Рокк в своей книге дает обоснование всей этой тактике поддержки правых парламентских правительств. Он пишет:

«Скоро пробьет час, когда под натиском врагов цивилизации, перед неминуемой угрозой зарубежных конфликтов, ввиду бессилия политических формаций, господствующих до сих пор в правительствах, правительства эти обратятся к нам за советом и опорой»².

Понятно, что поддержка реакционного парламентского правительства и его мероприятий, бьющих по широким слоям населения, мешает «Боевым крестам» завоевать широкие массы. Видя эти слабости в тактике «Боевых крестов» (понятно, predeterminedенные всем характером этой организации), германские фашисты критикуют де ля Рокка за недостаточную политическую агрессивность. «Deutsche Allgemeine Zeitung» пишет о «Боевых крестах»:

«Программа действий бледна. Нехватает здоровой полемики против всех тех, кто отрицательно относится к обновлению, нехватает непримиримости, которой должна отличаться всякая сильная революция до завоевания власти. Слишком рано де ля Рокк склоняется к примиренчеству»³.

Противоречивое положение создает для организации «Боевых крестов» и ее внешняя политика. Де ля Рокк выступает за соглашение с гитлеровской Германией. «Одно положение решает судьбу нашего будущего. Только устойчивое равновесие во франко-германских отношениях может обеспечить мир»⁴, — пишет де ля Рокк. Эта пропаганда соглашения с Германией дает де ля Рокку доступ к тем слоям мелкой буржуазии, которые боятся новой войны и среди которых сильны пацифистские настроения, но эта позиция мешает ему возбуждать мелкобуржуазные массы сильной шовинистической агитацией. Милитаристская, шовинистическая агитация де ля Рокка не имеет соответствующих внешнеполитических лозунгов, и это создает в борьбе «Боевых крестов» за массы новые противоречия.

Тактика де ля Рокка создает также ряд внутренних трудностей для его организации. Он держит своих людей в крайнем напряжении, заявляет, что день решающего боя уже близок, а когда более

¹ Воззвание «Боевых крестов», помещенное в «Echo de Paris», 26. IX. 1934.

² Там же, стр. 220.

³ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 6. II. 1935.

⁴ «Fiambeau», 25. V. 1935.

нетерпеливые элементы в его организации домогаются действий, де ля Рокк их сдерживает и предлагает ждать. Это создает положение, при котором наиболее нетерпеливые элементы сами начинают действовать, как это было при нападении на помещение совета сенской федерации социалистической партии, когда де ля Рокк быстро отсекся от своих людей. Такие последствия тактики де ля Рокка подрывают его авторитет в рядах собственной организации.

Скудость социальной демагогии, бессодержательность программы де ля Рокка, его поддержка правительственных мероприятий также вызывают недовольство в среде более активной молодежи, которая пошла в ряды созданной «Боевыми крестами» организации национальных волонтеров. Летом 1935 г. группа активистов национальных волонтеров откололась от этой организации. Из 13 членов центра пропаганды национальных волонтеров 10 ушло от де ля Рокка. Причиной раскола было требование этой группы активистов принять тезисы, устанавливающие позицию «Боевых крестов» в социальных вопросах. Де ля Рокк решительно отказался.

Но все же за последнее время нотки социальной демагогии усиливаются в выступлениях «Боевых крестов». В некоторых воззваниях «Боевые кресты» заявляют о своем антикапитализме. В своей речи в Муво в июле 1935 г. де ля Рокк заявлял, что «Боевые кресты» заставят «замолчать банковскую верхушку», что, если «Боевые кресты» возьмут власть, «будет меньше министров, но также меньше безработных»¹. Но все же и после этих речей де ля Рокк заявил о своей поддержке декретов, снижающих жалование чиновникам и пенсии бывшим фронтовикам. При такой позиции усиление социальной демагогии не имеет больших шансов на успех в деле завоевания недовольных слоев мелкой буржуазии.

Не принесли де ля Рокку успеха и его попытки проникнуть в среду безработных. Он организовал бесплатные обеды для безработных, надеясь завербовать их в ряды «Боевых крестов». Однако ему скоро пришлось отказаться от этих затей, так как безработные, организованные компартией, после обеда распевали «Интернационал».

Таким образом, несмотря на некоторые попытки де ля Рокка расширить свою массовую базу, основной социальной средой, из которой он черпает своих сторонников, являются средняя буржуазия, офицерство, буржуазная молодежь и зажиточные слои мелкой буржуазии, в первую очередь те, которые прежде шли за правыми парламентскими партиями и где сильно влияние католического духовенства.

Верт рассказывает о своих наблюдениях на больших митингах «Боевых крестов» в Париже: «За вычетом нескольких стариков, имевших показательный пролетарский вид, — некоторые из них с деревянными ногами — почти все остальные принадлежали к среднему, я бы сказал, к высшим слоям среднего класса. Молодежь была типа «маменькиных сынков» или студентов университетов — хорошо одетая и хорошо обутая публика»².

¹ «Temps», 9.VII.1935.

² A. W e r t h, *France in ferment*.

В таком же духе описывает социальный состав организаций «Боевых крестов» в очень интересной статье в «Kölnische Zeitung» парижский корреспондент этой газеты. Он пишет:

«Приверженцы де ля Рокка происходят главным образом из буржуазной среды, и движение это, несмотря на свою антикапиталистическую идеологию, финансируется также богатыми буржуа. Несмотря на то, что ораторы «Боевых крестов» стремятся завербовать крестьян и промышленных рабочих, они имеют очень мало сторонников в этих слоях населения... Значительное количество офицеров тайно является членами «Боевых крестов», и даже говорят, что почти все офицеры военно-воздушного флота являются участниками этого движения. В спортивных кругах это движение имело также большое влияние... Самый большой процент членов «Боевых крестов» дает Париж. В провинции членами «Боевых крестов» в первую очередь являются мелкие предприниматели и помещики, в Париже ими в первую очередь являются служащие и торговцы. Всюду сильно преобладает буржуазный элемент... В Париже много друзей «Боевых крестов» можно встретить в производстве предметов роскоши, особенно среди ювелиров, а также биржевых маклеров и их служащих»¹.

Таким образом наряду с буржуазными элементами социальную базу «Боевых крестов» составляют те слои мелкой буржуазии, которые находятся в наиболее сильной зависимости от крупных капиталистов (лавочники аристократических районов, ювелиры и т. п.).

Ориентация на консервативные зажиточные слои французской мелкой буржуазии, вытекающая отсюда слабость социальной демагогии, тактика де ля Рокка, поддержка им наиболее непопулярных парламентских правительств, слабая агрессивность в отношении старых буржуазных парламентских партий, трудности в развертывании разнузданной шовинистической агитации и наконец связь с крайне непопулярными в массах аристократическо-милитаристскими сферами вождя «Боевых крестов», этого «графа-полковника», как иронически называют его французские пролетарии, — все это создает серьезные трудности для завоевания «Боевыми крестами» широких народных масс. Это предопределило социальный состав этой центральной организации французского фашизма и ослабляет активность «Боевых крестов» в борьбе за распространение своих политических влияний в широких массах. Достаточно указать, что «Боевые кресты» располагают только одним и к тому же сухим и скучным еженедельником «Le Flambeau».

Если слабостью «Боевых крестов» является ограниченность их влияния в массах, то силой этой организации являются ее вооруженные и хорошо организованные кадры.

«Боевые кресты» являются военизированной организацией, вся структура которой приспособлена к тому, чтобы в любой момент все силы этой организации могли быть брошены в бой. Серьезный буржуазный журнал «Illustration» следующим образом описывает организационную структуру «Боевых крестов»:

¹ «Kölnische Zeitung», 7.VIII.1935.

«Они разбиты по секциям, каждая из которых возглавляется начальником, находящимся в постоянной связи со своим маленьким отрядом и могущим объединить его вокруг себя для выполнения порученной им задачи с уверенностью, что отряд сразу же и слепо выполнит приказ»¹.

В организации «Боевых крестов» обязательны строжайшая дисциплина и слепое выполнение приказа, как в воинской части.

В июле 1934 г. на одном из митингов де ля Рокк заявил: «Вступая в наши ряды, вы все присягали, что будете с солдатской дисциплиной выполнять приказы, не входя в рассмотрение намерения высшего начальства». И действительно, проводя переброски своих отрядов, де ля Рокк не сообщает им, куда их везут и зачем.

Кроме обычных отрядов «Боевых крестов» имеются еще и специальные отряды, носящие название «Диспо» и находящиеся всегда в боевой готовности.

Организации «Боевых крестов» вооружены. Французская радикальная пресса считает, что «Боевые кресты» имеют большие склады оружия, в том числе и пулеметов. Они имеют также и «спортивные» аэропланы. На параде «Боевых крестов» в Алжире находилось около 20 аэропланов. Связь с руководящими кругами офицерского корпуса облегчает «Боевым крестам» вооружение своих отрядов и проведение систематической военной подготовки. Наиболее сильно влияние «Боевых крестов» в авиации и высших военных школах. Де ля Рокк часто производит пробные мобилизации своих боевых отрядов, при этом на грузовиках, которыми «Боевые кресты» обладают в большом количестве, он перебрасывает эти отряды из одного департамента в другие.

Что касается сил «Боевых крестов», то они после февраля 1934 г. значительно выросли. К февралю 1934 г. «Боевые кресты» насчитывали 33 тыс. членов. В начале 1935 г. де ля Рокк заявлял, что организации «Боевых крестов», «брискаров» и «национальных волонтеров» насчитывают 160 тыс. человек и 100 тыс. человек насчитывает организация «национальной перегруппировки», куда входят симпатизирующие «Боевым крестам»; летом 1935 г. он заявлял, что все эти организации вместе насчитывают уже около 350 тыс. человек.

Что же касается боевого актива этой организации в Париже, а это по существу является решающим для определения ее сил, то, судя по ряду последних митингов и демонстраций, он составляет около 30—40 тыс. человек. Это несомненно серьезный боевой кулак. «Боевые кресты» имеют свои небольшие группы почти по всей стране. Более крепки они в районах, где традиционно сильны влияния правых (Нормандия, Лотарингия, Северный департамент и др.). Это—основная боевая сила французского фашизма. Хотя она не возглавляет массового движения, но может попытаться совершить переворот в момент, когда реакционные слои монополистического капитала решатся играть ва-банк и смогут добиться финансовой паникой или при помощи каких-нибудь провокаций резкой перемены в настроениях более широких

¹ «Illustration», 6.VII.1935;

слоев мелкой буржуазии. С этой опасностью военного переворота «Боевых крестов» приходится очень серьезно считаться французскому пролетариату.

Если «Боевые кресты» являются центральной организацией боевых сил французского фашизма, то монархистская «Аксион франсез» играет в лагере французского фашизма роль самого агрессивного отряда, который является застрельщиком в моменты большого политического напряжения и крупных выступлений. В течение месяца накануне февральских событий «Аксион франсез» устраивала частые уличные демонстрации, создавая атмосферу для большого выступления 6 февраля. Другие фашистские лиги только последовали тогда примеру «Аксион франсез» и пошли по ее следам. «Аксион франсез» формулировала также все лозунги, под которыми демонстранты 6 февраля вышли на улицу, и в первую очередь лозунг «долой воров», который сыграл такую большую роль в выступлениях 6 февраля.

«Аксион франсез» — это самая старая из современных крайне реакционных организаций во Франции. «Аксион франсез» стоит на позиции монархизма и является сторонницей бурбонского претендента на французский престол герцога Гиза, проживающего в эмиграции в Бельгии. Монархистские идеи не имеют во Франции доступа к каким-либо более или менее значительным слоям населения. Еще в начале 80-х годов прошлого столетия последние сильные попытки возродить монархистские влияния во Франции потерпели поражение. Изживая бонапартистские иллюзии, французский мелкий буржуа, и в первую очередь крестьянин, стал решительным врагом монархии, которая в его глазах сейчас отождествляется с властью феодальной знати и духовенства. Пропаганда монархического строя — это самая слабая сторона «Аксион франсез», и она создает пропасть между ней и широкими массами мелкой буржуазии. Наиболее сильным оружием французских роялистов являются их решительный антипарламентаризм, их резкая критика существующего политического строя.

Шарль Морас — идейный руководитель «Аксион франсез» и теоретик монархизма — в начале XX в. развивал теорию диктатуры и «прямого действия» и несомненно в этом отношении является одним из учителей современных фашистов, в первую очередь итальянских. Шарль Мора и крайне агрессивный остроумный публицист Леон Додэ являются редакторами газеты «Action française», которая служит главным орудием пропаганды этой роялистской организации. Газета «Action française» пышет беспредельной ненавистью к революционному рабочему движению, одновременно она чрезвычайно резко атакует парламентских политиков, масонов и полицейский аппарат, в первую очередь Сюрте женераль. «Аксион франсез» отличается своим крайним национализмом и антигерманской агитацией. В последнее время одним из своих центральных лозунгов она делает лозунг борьбы с «податным прессом» и «этатизмом». «Положение ухудшается не в силу эксплуатации крупным капиталом, а в результате все возрастающего гнета государственного аппарата, который, проводя политику «этатизма», высасывает все соки из народного хозяйства», — вот один из последних тезисов, развитых Шарлем Мора в ряде статей в «Action

française». И как вывод отсюда следует, что борьба классов должна уступить место борьбе всего народа с «фиском» и «этатизмом».

Влияние «Аксион франсез» в первую очередь распространяется на аристократическую и буржуазную студенческую молодежь Парижа и среди небольших группок парижской мелкобуржуазной интеллигенции.

Согласно полицейским подсчетам «Аксион франсез» имеет около 60 тыс. последователей. Тираж газеты «Action française» подвергается большим колебаниям, поднимаясь с нескольких тысяч до многих десятков тысяч в моменты крайнего обострения политической ситуации. Лига «Аксион франсез» — организация, охватывающая активных последователей этого политического направления, — насчитывает до 6 тыс. человек, из коих около половины — молодежь, входящая в боевую организацию «королевских молодчиков», во главе которой стоят Пижо и дель Сартэ. На демонстрациях в Париже обычно участвует около 2 тыс. «королевских молодчиков». Однако для оценки влияния «Аксион франсез» следует еще учесть, что ряд ее сторонников входит в другие фашистские организации, например в «Боевые кресты», где они группируют вокруг себя самые агрессивные элементы.

«Аксион франсез» благодаря своему монархизму не имеет перспектив большого роста, но при ухудшении экономического положения и усилении брожения в рядах мелкой буржуазии «Аксион франсез» может оказать влияние на фашистские группки и организации, которые попытаются выплыть на политическую поверхность на волне мелкобуржуазного недовольства.

Военизированные отряды «Боевых крестов», «Патриотической молодежи», «Солидаритэ франсез», франсистов и «королевских молодчиков» — это боевая сила французского фашизма. Наряду с созданием этой силы французский фашизм пытается также завоевать широкие организации, которые должны были стать его массовой базой. Эту задачу реакционные политики в первую очередь пытались осуществить путем превращения больших организаций бывших фронтовиков в резерв французского фашизма. Но успеха в этом деле им добиться не удалось.

Организации бывших фронтовиков являются во Франции очень широкими массовыми организациями, все они вместе охватывают около 3,8 млн. человек. Но именно в результате такой массовости этих организаций среди них имеются организации всех политических направлений.

Самым сильным среди организаций бывших фронтовиков во Франции является Федеральный союз ассоциации бывших участников войны, имеющий свои организации почти во всей Франции и насчитывающий около 950 тыс. членов. В Федеральном союзе сильны влияния радикал-социалистов и социалистов. Второй по массовости организацией бывших фронтовиков является Национальный союз бывших участников войны, рекрутирующий своих членов главным образом в Париже и насчитывающий 900 тыс. человек. В Национальном союзе сильны

влияния правых партий. Третьей массовой организацией является «Смэн де комбатант», действующая на территории десяти департаментов и насчитывающая 450 тыс. человек. Это — организация без ярко выраженных политических тенденций. Пролетарские элементы сосредоточены в Республиканской ассоциации бывших фронтовиков, где сильно влияние коммунистов. Кроме этих организаций существует еще ряд более мелких организаций бывших фронтовиков.

В 1927 г. была произведена попытка объединить самые сильные организации бывших фронтовиков. Была создана Национальная конфедерация бывших участников войны, но она осталась слабо оформленной верхушечной комбинацией.

До последних лет организации бывших фронтовиков не являлись ареной острой политической борьбы и не использовались как орудие в этой борьбе. Союзы бывших фронтовиков были в первую очередь организациями, защищающими материальные интересы своих членов, обеспечивающими им права на пенсии, ренту и орденские деньги.

В 1932 г. правые партии усилили свою активность среди организаций бывших фронтовиков, пытаясь на манер Германии превратить их в оплот реакции. Особенно усилились эти попытки в период февральских событий 1934 г. и после них, когда фашисты пытались действовать под флагом бывших фронтовиков и использовать в своих политических целях престиж бывших фронтовиков.

6 февраля одной из самых больших колонн, участвовавших в походе к палате депутатов, была колонна Национального союза бывших участников войны. Фашисты даже пытались все выступление 6 февраля представить в глазах масс как выступление бывших фронтовиков против парламентских дельцов. Представитель бывших фронтовиков Риволэ был даже введен в правительство Думерга в качестве министра пенсий.

Однако попытка фашистско-реакционного лагеря превратить организации бывших фронтовиков в свою ширму, противопоставить единые ряды бывших фронтовиков парламентским политикам не удалась. Выделить бывших фронтовиков в особую касту с общими политическими взглядами на шестнадцатом году после окончания войны уже никак нельзя. Попытки правореакционного лагеря укрепить свои позиции среди бывших фронтовиков привели к политической дифференциации в организациях бывших фронтовиков. Это наступило довольно скоро после февральских событий и нашло свое яркое проявление при празднествах 11 ноября 1934 г., в годовщину перемирия, когда французские фронтовики маршировали и в рядах реакционно-фашистского лагеря на площади Этуаль и в рядах антифашистски-революционного лагеря у Бастилии. При этом во второй демонстрации приняло участие гораздо большее количество бывших фронтовиков.

К тому же интересы крупного капитала, его стремление снизить расходы государственного бюджета ударили по материальным интересам бывших фронтовиков. Первый шаг в этом направлении сделало правительство Думерга. В своих декретах о сокращении государственных расходов Думерг снизил пенсии бывшим фронтовикам и их семьям. Это вызвало возмущение в рядах бывших фронтовиков и соз-

дало новые препятствия превращению их организаций в массовый резерв фашизма.

Второй шаг сделало правительство Лавала, проведя новое снижение пенсий бывшим фронтовикам. Недовольство правым правительством в рядах бывших фронтовиков сильно возросло. После декретов Лавала был проведен ряд бурных собраний протеста бывших фронтовиков. Даже руководство конфедерацией бывших участников войны приняло участие в организации этих собраний. Уже раньше под давлением антифашистских настроений широких масс бывших фронтовиков оно вынуждено было принять в состав конфедерации левую Республиканскую ассоциацию бывших участников войны.

Уже в начале лета 1935 г. на собрании бывших фронтовиков в Париже, где сильнее всего было влияние правого Национального союза бывших участников войны, один из руководителей этого союза, реакционный депутат Гуа, прославившийся своим визитом к Гитлеру и агитацией за сближение с гитлеровской Германией, с трудом мог из-за враждебного отношения к нему собравшихся произнести свою речь. После лавалевских декретов на собраниях бывших фронтовиков в Париже большим успехом пользовались коммунистические ораторы.

С реакционно-фашистским руководством Национального союза бывших участников войны, муниципальным советником Лебеком и депутатом Гуа, идут еще отдельные группы бывших фронтовиков, но массовые организации бывших фронтовиков им не удалось превратить в резерв французского фашизма.

Большие надежды возлагались в свое время реакционными политиками, проводниками профашистских тенденций во Франции, на вовлечение мелкобуржуазных масс под свои знамена через Лигу налогоплательщиков. Эту организацию они стремились превратить в массовую организацию, охватывающую лавочников, ремесленников и другие мелкобуржуазные слои города. Но эти попытки кончились неудачей: Лига налогоплательщиков в начале 1935 г. распалась.

Значительно больших успехов добились полуфашистские организации, работающие в деревне, в первую очередь организация «Крестьянский фронт», которая была создана аграрной и крестьянской партией.

Аграрная и крестьянская партия, которая была создана в 1927 г., представляла сперва маловлиятельную организацию помещичьих и кулацких кругов отдельных районов Франции. Она выступала под лозунгами защиты интересов крестьян, которыми «в парламенте никто не интересуется».

В 1932 и 1933 гг., когда кризис ударил по французскому крестьянству, аграрной партии удалось активизировать свою деятельность в нескольких районах Франции — на северо-западе и в центре удалось организовать довольно большие выступления крестьян. В 1934 г. активность аграрной партии снизилась, установление «минимальных цен» создало некоторые надежды у крестьян, волна крестьянских выступлений несколько ослабела. Во второй половине 1934 г., когда положение в деревне снова значительно ухудшилось,

цены сельскохозяйственных продуктов сильно пали и недовольство в деревне выросло, начинает активизироваться «Крестьянский фронт», который при содействии аграрной и крестьянской партии был создан в результате объединения ряда мелких крестьянских организаций.

«Крестьянский фронт» выдвинул лозунги борьбы с политикой дефляции, восстановления старого соотношения цен сельскохозяйственных и всех промышленных товаров и наряду с этим также чисто политический лозунг «защиты республиканского режима с реформой государства, которая делает его базой семью и профессию». Эти лозунги отражают усиление фашистских тенденций в организации «Крестьянского фронта». Значительным препятствием для проникновения этой организации в гущу крестьянских масс является руководящая роль в ней крупных помещиков и остатков феодальной знати, ненавидимой широкими массами французских крестьян. Поэтому аграрной партии удалось создать свои организации, в первую очередь в районах, где еще сохранилось сильное влияние церкви и где сильны правые, т. е. в первую очередь на северо-западе Франции. В начале 1935 г., когда недовольство в крестьянских массах начало быстро нарастать, один из лидеров «Крестьянского фронта», его наиболее выдающийся агитатор Доржер, прошедший в прошлом школу «Аксион франсез», пытается повернуть «Крестьянский фронт» на путь гораздо более решительной социальной демагогии и резкой борьбы с правительством. Доржер призывает к «налоговой стачке», к «изымающим вкладам из всех государственных касс», к тому, чтобы крестьяне «взяли ружья и стреляли во врага». Он издает книжку под громким заголовком «Выше косы», который являлся боевым кличем во времена Жакерии. Доржер пишет, что Франция идет к тому, «что произошло в Италии и Германии», и заявляет, что в Нормандии и Бретани он уже организовал 12 тыс. крестьян для похода на Париж¹.

Руководство крестьянской и аграрной партии испугалось далеко идущей социальной демагогии и резкой антиправительственной агитации Доржера и от него несколько отгораживается, но это не мешает Доржеру добиться ряда успехов в своей деятельности. В начале 1935 г. его кандидатура была выдвинута в парламент в округе Блуа, где преобладает влияние радикалов. Доржер не собрал большинства, но все же собрал голоса, которые прежде собирали в этом округе все правые партии вместе (6 500 голосов). То, что Доржер при первом своем выступлении в округе, где он раньше не работал, собрал все голоса правых партий, свидетельствует об угрозе расширения влияния фашистского крестьянского фронта, об опасности приобретения французским фашизмом приводного ремня к крестьянским массам.

Суммируя данные о силах и состоянии организаций французского фашизма, следует подчеркнуть следующие моменты.

1. Фашизм создал во Франции, и в первую очередь в Париже,

---

¹ «Marianne», 8.V.1935.

серьезный боевой кулак. Военизированные отряды фашистских организаций насчитывают в Париже около 50 тыс. человек. Лиги имеют также тесные связи с разными группами в офицерском корпусе, что значительно увеличивает их военную силу.

2. Реакционные слои крупной буржуазии поддерживают эти боевые лиги фашизма. Это в первую очередь выражается в финансировании реакционными слоями монополистического капитала этих организаций. «Боевые кресты» финансирует Мерсье, бывший председателем Всеобщей электрической компании в те времена, когда де ля Рокк был членом ее дирекции. Мерсье является членом организации «Боевых крестов». Членом этой организации является также Гю де Вандель, один из братьев де Вандель, возглавляющих самый мощный концерн французской металлургии.

В то же время реакционная пресса открыто защищает фашистские лиги и окружает их «ореолом славы». Когда Фланден заикнулся о роспуске фашистских лиг, ряд реакционных крупнобуржуазных газет завопил. Кериллис в «Echo de Paris» писал, что фашистские лиги — это «почти автоматический феномен буржуазной самозащиты и патриотической реакции. Социальная агитация, революционная угроза, упадок общественной власти делают их необходимыми»¹. «Лиги ни в чем нельзя упрекнуть... Они показали, что они хотят порядка и только порядка. Они защищают честных людей от революционной угрозы»². Жиню в «Journée Industrielle», выступая в защиту фашистских лиг, писал: «Пострадав за родину, они имеют право беспокоиться о ее судьбе»³.

3. Фашистские организации не превратились в политические организации с большим влиянием в массах. Их политическое влияние слабо, особенно в провинции. Их социальная и политическая программа бледна. Их основным оружием в борьбе за массы является антипарламентская агитация. Общих боевых лозунгов, популярных в широких массах, они не имеют. Если Гитлер выезжал на лозунге борьбы с «версальским гнетом» и добился таким путем популярности в широких мелкобуржуазных массах, то во Франции фашисты не имеют национальных или внешнеполитических лозунгов, которые бы привлекли широкие массы мелкой буржуазии. Лозунг «защиты результатов победы» (в войне 1914—1918 гг.) не может сыграть этой роли, ибо после победы Франция пережила тяжелые годы, принесшие разорение значительным слоям мелкой буржуазии. Французским фашистам также и потому трудно подняться на волне шовинистической антигерманской агитации, что многие из руководящих фашистских деятелей, в том числе и де ля Рокк, публично высказывались за сближение с гитлеровской Германией.

4. Слабость политических связей фашистских организаций, отсутствие пока еще широкого движения недовольной и разоренной мелкой буржуазии, на котором фашисты могли бы выплыть на широкую политическую арену, накладывают отпечаток на всю тактику фашист-

¹ «Echo de Paris», 31. I. 1935.

² Там же, 3. II. 1935.

³ «Journée Industrielle», 8. II. 1935.

ских организаций во Франции. Они гораздо более непосредственно связаны с крупнобуржуазными реакционными парламентскими политикой, чем итальянские и германские фашисты. Они не ведут острой борьбы со старыми буржуазными партиями и в этом отношении значительно умеренней итальянских и германских фашистов. Французские фашисты надеются, что в момент обострения политической ситуации они смогут выступить совместно с полицией для подавления революционных сил и это послужит исходной позицией для завоевания ими власти.

5. Значительной слабостью французского фашизма является распыленность его организаций, хотя с упадком некоторых лиг и значительным ростом «Боевых крестов» последняя организация становится центральной и преобладающей в лагере французского фашизма. Вторая слабость — отсутствие популярного вождя — пока еще отнюдь не изжита. Наиболее выдвинувшаяся среди фашистских вожаков фигура полковника де ля Рокка мало популярна в широких массах из-за своего аристократического происхождения.

6. Ухудшающееся положение мелкобуржуазных масс, особенно вызванное аграрным кризисом и политикой монополистического капитала разорение значительных слоев крестьянства и вытекающая отсюда перспектива значительного обострения политической борьбы во Франции могут породить ряд изменений в фашистских организациях и их тактике и создать для них несколько более благоприятные условия. Поэтому решающими для перспектив французского фашизма являются сила сопротивления пролетариата фашистскому наступлению и его умение использовать политические процессы, происходящие в массах французской мелкой буржуазии, для укрепления народного антифашистского фронта.

ОТПОР ПРОЛЕТАРИАТА

С первых своих серьезных шагов на широкой политической арене французский фашизм натолкнулся на очень сильное сопротивление пролетариата.

События 6 февраля — поход фашистских организаций к палате и создание реакционного правительства «национального единения» — были восприняты французским пролетариатом как серьезная и непосредственная угроза установления во Франции фашистской диктатуры. Чувство этой угрозы дало сильный толчок мощному движению пролетарского отпора фашизму.

Х а р а к т е р н ы м и ч е р т а м и э т о г о д в и ж е н и я я в и л и с ь:

1. **М а с с о в о с т ь** — движение охватило широчайшие слои французского пролетариата.

2. **Н а п р я ж е н н о с т ь б о р ь б ы** — борьба чаще всего принимала форму больших уличных демонстраций, отличавшихся своим боевым духом.

3. **С о з д а н и е е д и н о г о п р о л е т а р с к о г о ф р о н т а** — появилась огромная стихийная тяга рабочих к единству про-

летарских рядов, вынудившая социалистическую партию принять предложения компартии о создании единого фронта.

4. Вовлечение в движение отпора фашизму довольно значительных мелкобуржуазных слоев трудящихся, что помогло летом 1935 г. создать во Франции народный антифашистский фронт.

5. Рост в широких рабочих массах авторитета компартии — инициатора и вдохновителя единого пролетарского фронта, рост доверия к компартии рабочих, идущих за социалистической партией.

1) Массовость пролетарского движения для отпора фашизму нашла свое наиболее яркое выражение во всеобщей стачке и демонстрациях 12 февраля. Всеобщая стачка 12 февраля была по количеству участвовавших в ней рабочих и служащих самой крупной стачкой в истории Франции. В стачке этой участвовало 4 млн. человек, в важнейших отраслях промышленности она охватила 70—90% всех рабочих. В Парижском районе участники стачки составляли в промышленности и строительстве около 85% всех занятых рабочих, в предместьях Парижа в значительной части металлообрабатывающих предприятий участвовали в стачке все 100% рабочих, и только в таких предприятиях, как автомобильные заводы Рено, где работает много русских белогвардейцев и иностранных рабочих, процент участников стачки снижался до 50.

Стачка 12 февраля охватила также и государственных служащих, и только благодаря стремлению Жюо и других лидеров реформистских профсоюзов ослабить размах стачки она не распространилась на железнодорожников и рабочих электростанций и водопровода.

Стачка 12 февраля сопровождалась уличными демонстрациями, в которых во всей Франции приняло участие 1 200 тыс. человек. Демонстрации эти отличались своей массовостью не только в Париже, где в демонстрации в Венсенских аллеях участвовало 150 тыс. человек¹, но и в ряде провинциальных городов. В книге «Рабочие дни 9 и 12 февраля», изданной буржуазным издательством, приводятся следующие данные о демонстрациях 12 февраля в разных городах Франции: 50 тыс. в Марселе, 40 тыс. в Рубэ, 35 тыс. в Лилле, по 15 тыс. в Тулоне и Лиможе, по 10 тыс. в Кале, Мониельс, Бриэ, Нише и ряд демонстраций по 5—6—8 тыс. человек. Таких массовых выступлений пролетариата Франции не знали со времени 1919—1920 гг., периода самого высокого революционного подъема. Волна политических забастовок прокатилась 12 февраля по всей Франции и дошла до самых глухих ее уголков. Стачка и демонстрации 12 февраля показали, что угроза фашизма всколыхнула самые широкие массы французского пролетариата, что даже те его слои, которые в течение долгого периода оставались в стороне от политических схваток, выразили свою волю решительно сопротивляться приходу фашизма к власти во Франции.

¹ Кроме демонстрации в Венсенских аллеях был и еще ряд крупных демонстраций в предместьях Парижа: в Аржантей — 20 тыс. человек, в Иври — 20 тыс. человек и т. д.

2) Не менее показательной, чем массовость развернувшейся после 6 февраля пролетарской борьбы с фашизмом, является ее напряженность. Она выразилась в том, что в течение двух недель после 6 февраля пролетарии Парижа три раза (9, 12 и 19 февраля) выходили на улицу и при этом два раза огромными массами в 150—200 тыс. человек. Эти выступления происходили в условиях, когда Париж был наводнен пешей и конной полицией и войсками, и носили явно выраженный боевой характер. Во время демонстрации 9 февраля в ряде пунктов при стычке с полицией рабочие создавали баррикады, и последующие массовые демонстрации, хотя и не сопровождались сильными стычками с полицией, отражали стойкость, решительность и стремление к борьбе.

Широкие массы французского пролетариата осознали, что отпор фашизму можно дать не в парламенте, а на улице, массовым революционным действием — это было важнейшим уроком фашистских выступлений 6 февраля, а также капитуляции правительства Даладье и парламентского руководства радикалов. Это сознание было толчком к выходу парижских рабочих на улицу, к массовым демонстрациям, которые три раза повторялись в Париже в феврале 1934 г. и были организованы потом и в апреле (при похоронах одного из раненых в феврале рабочих), и в мае (шествие к могиле коммунаров), и в июле, и в ноябре (при праздновании годовщины перемирия), и в 1935 г. в феврале (в годовщину февральских событий), в мае и наконец 14 июля 1935 г. Частые антифашистские демонстрации происходили также и во всех крупных промышленных центрах провинции.

Самым характерным во всей этой борьбе было то, что почти ни одно выступление фашистов не оставалось без отпора рабочих, без контрдемонстрации пролетариев. Все более крупные митинги реакционных фашиствующих депутатов — Анрио, Ибернегаре или других — превращались в схватки рабочих с фашистами. Фашисты жаловались, что рабочие лишают их свободы слова, срывая все их митинги. Тактика полковника де ля Рокка, который назначает собрания «Боевых крестов» в одном городе, а потом тайком перевозит на грузовиках свои боевые отряды в другой город и там проводит собрание, является тактикой вынужденной. Она была вызвана тем, что всякое собрание «Боевых крестов» становится сигналом для мобилизации рабочих, которые, собираясь большой массой, устраивают мощные контрдемонстрации. Этот быстрый и решительный отпор рабочих фашистам, где бы они ни устраивали своих вылазок, отпор, при котором рабочие проявляют большую энергию, стойкость и самоотверженность, является характернейшей чертой антифашистской борьбы, принявшей такой широкий размах после 6 февраля.

3) Наиболее характерной чертой антифашистской борьбы французского рабочего класса является огромная стихийная тяга рабочих к созданию единого сплоченного пролетарского фронта для отпора фашизму. Уже до событий 6 февраля коммунистическая партия Франции добилась некоторых успехов в деле создания единого фронта

в борьбе с фашизмом. После Амстердамского антивоенного конгресса, созданного по инициативе Романа Роллана и Анри Барбюса, во Франции был создан ряд антивоенных и антифашистских комитетов, куда входят также небольшие группы социалистических рабочих вопреки запрету социалистических лидеров. Но после 6 февраля, когда широкие массы рабочих Франции почувствовали непосредственную угрозу фашизма, стремление к совместной борьбе с коммунистами против наступающего врага охватило массу рабочих, идущих за социалистической партией.

Это отразилось уже в отношении социалистических рабочих к демонстрациям 9 февраля 1934 г., организованным компартией. В Париже к этим демонстрациям присоединились организованные отряды рабочих-социалистов.

Именно здесь, в этой демонстрации 9 февраля, было положено начало движению пролетарского единства в борьбе с фашизмом, которое впоследствии приобрело такой сильный размах во Франции. Единый пролетарский фронт против фашизма был создан в огне борьбы, он окреп в демонстрациях, организованных совместно коммунистической и социалистической партиями в ряде городов Франции (в Лилле, Тулузе, Бордо, Лориане и др.) между 6 и 12 февраля, в массовых выступлениях 12 февраля и в сотнях совместных демонстраций, организованных в последующие дни и месяцы. Создание единого пролетарского фронта, которое произошло в огне боев рабочего класса Франции с фашизмом, значительно усилило в рабочих массах веру в свои силы. Единый пролетарский фронт был в значительной мере последствием того, что стремление к борьбе охватило самые широкие слои пролетариата, но он в свою очередь в очень большой степени способствовал укреплению сил пролетариата в борьбе с фашизмом и придал поднявшейся антифашистской волне особую силу.

Вслед за созданием единого фронта пролетарской борьбы на улицах Парижа и других городов Франции в июле 1934 г. дело дошло также до общего соглашения между руководством коммунистической и социалистической партий о совместной борьбе с фашизмом. Это соглашение не только закрепляло достигнутые успехи в сплочении сил пролетариата для борьбы с фашизмом, оно также значительно повысило возможность систематического организованного отпора французского пролетариата фашизму.

Почему во Франции лидеры социалистической партии в отличие от лидеров германской социал-демократии пошли на создание единого пролетарского фронта?

Во-первых, это является результатом того, что стремление к борьбе с фашизмом и к созданию сплоченного пролетарского фронта охватило самые широкие слои пролетариата, а это значит и рабочих из низовых организаций социалистической партии. После опыта Германии социалистические рабочие поняли, что без массового отпора сплоченного пролетариата нельзя воспрепятствовать приходу к власти фашизма. Нажим этих рабочих на руководство социалистической партии был очень силен, очень сильны были и опасения лидеров социалисти-

ческой партии, что низовые организации их партии вопреки их воле пойдут на совместные выступления с коммунистической партией. События 9 февраля, когда группы социалистических рабочих присоединялись к коммунистической демонстрации, были достаточно серьезным основанием для таких опасений. 12 февраля были организованы совместные выступления обеих партий и обеих конфедераций труда, но это происходило без формального соглашения между руководством социалистической и коммунистической партий. Но уже вскоре при организации демонстраций 20 апреля и 20 мая 1934 г. в Париже компартия добивается соглашения с руководством сенской федерации социалистической партии о совместной подготовке этих выступлений. В социалистической партии, особенно в сенской федерации, начало оформляться левое течение, которое отражало тягу социалистических рабочих к разрыву с политикой реформизма и к созданию единого пролетарского фронта. Это давление низовых организаций и опасения остаться генералами без армии толкало лидеров социалистической партии к принятию предложения компартии и к заключению пакта о совместной борьбе. Леон Блюм признавал, что не с легким сердцем они шли на совместные выступления, заявляя, что «идея единства действия с коммунистической партией, первые совместные манифестации, в которых мы до сих пор принимали участие, вызвали в нашей партии смесь энтузиазма, тревоги и беспокойства»¹. В то же время Леон Блюм доказывал, что отказ от заключения соглашения является опасным, так как «народная масса хочет единства... Она не хочет заявлений, чреватых новыми отсрочками или новыми отговорками»².

И Вандервельде, который является ярким противником единого фронта, признавал, что «обстоятельства» вынудили лидеров социалистической партии Франции принять предложения компартии о совместных действиях. Вандервельде писал:

«Прежде всего я должен в полном согласии с Леоном Блюмом, Полем Фором и Леба констатировать, что просто наотрез отклонить эти предложения (коммунистической партии. — М. З.) было бы морально совершенно невозможно... Дело в том, что инициатива совместных выступлений, исходившая из Парижа после февральских событий, очевидно отвечает глубочайшим чувствам французских рабочих, по крайней мере в столице»³.

Второй причиной, побудившей руководство социалистической партии пойти на заключение пакта с коммунистами, являются сильные антифашистские настроения в среде мелкой буржуазии. Во Франции социальная база оппортунизма социалистической партии является несколько иной, чем в Германии и Англии. Во Франции, особенно на юге, социалистическая партия наводнена мелкобуржуазными элементами, в то время как прослойка рабочей аристократии и бюрократии здесь значительно слабее, чем в Германии и Англии. Рабочая бюрократия в Германии больше боялась роста коммунистического влия-

¹ «Populaire», 7.VII.1934.

² Там же, 11.VI.1934.

³ «Peuple», 22.VII.1934.

ния, чем укрепления фашизма, она все время надеялась, что и фашисты пойдут на сделку с нею, и это определило позицию Вельсов и Зеве-рингов, которые не допустили создания единого пролетарского фронта. Радикальная же мелкая буржуазия, которая пошла в ряды социалистической партии Франции, создавая там серьезную базу оппортунизма, сильно встревожена угрозой фашизма, и это ослабляло после событий 6 февраля сопротивление правых лидеров социалистической партии созданию единого фронта с компартией.

Третьей и очень важной причиной создания единого фронта во Франции является правильная тактика французской компартии, которая вынудила руководство социалистической партии стать на путь совместных действий с коммунистами в борьбе против фашизма. Коммунистическая партия Франции сразу после первых вылазок фашистов высоко подняла знамя защиты демократических свобод и прав трудящихся, призвала пролетариат на борьбу против ликвидации его демократических завоеваний. Компартия взяла в свои руки инициативу борьбы против фашистских попыток установить террористический режим бесправия, и это нашло свое выражение в первой большой антифашистской демонстрации, организованной французской компартией 9 февраля 1934 г. Эта передовая роль компартии в борьбе против фашистских покушений на демократические завоевания пролетариата приблизила к ней рабочих, идущих за социалистической партией, усилила среди этих рабочих тягу к совместной борьбе с коммунистами и тем самым дала серьезный толчок к созданию единого пролетарского фронта в борьбе с фашизмом. Выступление коммунистов 9 февраля заставило социалистов призвать к стачке и демонстрациям 12 февраля. Коммунистическая партия Франции учла новую обстановку, создавшуюся после февральских демонстраций фашистов, и с первых дней после этих событий стала на путь совместных выступлений вместе с социалистической партией в борьбе против фашизма. 12 февраля по всей Франции стачки и демонстрации проводились по призыву обеих партий и обеих конфедераций труда.

Коммунистическая партия Франции учла те серьезные изменения, которые произошли внутри социалистической партии (тяга к единому фронту среди левых элементов в социалистической партии), и начала настойчиво добиваться соглашения с руководством социалистической партии о совместных действиях против фашизма. Она не смущалась первыми отказами лидеров социалистической партии и добилась соглашения с руководством сенской федерации этой партии. Соглашение с сенской федерацией компартия Франции использовала для дальнейшего давления на социалистических лидеров для заключения общего соглашения. Она объявила о своем согласии отказаться от выступлений против социалистических лидеров, поскольку они будут проводить политику единого фронта, беспощадно разоблачая всех, кто будет срывать единство действий и мешать ему. Компартия Франции, добившись заключения соглашения между обеими партиями о совместной борьбе против фашизма, не успокоилась на этом, стремясь укрепить единый фронт рядом новых совместных выступлений (при

кантональных и муниципальных выборах, при борьбе с декретами о снижении жалования чиновникам и пенсий бывшим фронтовикам и т. д.). Компартия взяла на себя инициативу выдвижения политической платформы для единой партии пролетариата. Укрепляя единый фронт, добиваясь все более тесного сотрудничества с низовыми организациями социалистической партии, компартия парализовала попытки правых лидеров социалистов сорвать соглашение о совместной борьбе, ликвидировать единство действий — а такие попытки были.

После падения правительства Думерга Фланден пытался создать впечатление, что угроза фашизма во Франции сходит на-нет. Это пытались использовать правые лидеры социалистической партии, чтобы расколоть единый фронт. На национальном совете социалистической партии в феврале 1935 г. правое крыло открыто выступило за ликвидацию соглашения с коммунистической партией о совместной борьбе против фашизма. Оно обосновывало свое предложение тем, что при едином фронте коммунисты получают более легкий доступ к массам, что для роста влияния социалистической партии создаются новые препятствия и наконец, что единый фронт укрепляет левые влияния внутри социалистической партии. Эти аргументы наиболее ярко изложил депутат Ривьер. Орган социалистической партии «Populaire» передает его речь в следующих словах: «Сравнивая демагогию коммунистической партии и нашей, Ривьер показывает, что наша деятельность по вербовке новых сторонников становится все более трудной, так как речи коммунистов легче доходят до масс... в деревенских районах, где не было коммунистического движения, мы его теперь создали»¹. Ривьера поддержал на национальном совете генеральный секретарь социалистической партии Поль Фор. Он главным образом указывал на опасность роста революционных настроений внутри социалистической партии в результате единого фронта.

«Мы вспоминаем то, что произошло в 1920 г. на конгрессе в Туре (решение большинства конгресса социалистической партии присоединиться к Коминтерну. — М. З.). Разрешите мне стремиться к тому, чтобы при теперешних экспериментах наш дом, с трудом восстановленный, снова не был разрушен», — говорил Поль Фор, желая дать понять, что надо свертывать соглашение с компартией.

Но правые социалистические лидеры оказались уже не в состоянии бить отбой: попытка срыва единства действий могла бы иметь своим последствием изоляцию их от рабочих масс и от своих собственных низовых организаций, которые благодаря усилиям компартии находятся в тесном сотрудничестве с ней. Ряд ораторов на национальном совете социалистической партии в феврале 1935 г. предупреждал об этом руководство, и оно это учло.

«Разрыв, — заявлял депутат Фиола, — невозможен. Он не будет понят рабочим классом».

«Единство действия не должно быть сорвано, — заявил Венсен

---

¹ «Populaire», 4. III. 1935.

Ориоль, — иначе мы вызовем большое разочарование. Масса нас не поймет».

Леон Блюм тоже пришел к выводу, что, «если этот разрыв или перерыв (в единстве действий) сможет быть нам приписан, на нашу партию падут самые тяжелые последствия».

На съезде социалистической партии в июне 1935 г. уже никто из правых социалистических лидеров не решался открыто поднимать вопрос об отказе от единого фронта. Некоторые намекали на эту необходимость, но сочли, что момент является далеко не подходящим.

Компартии Франции не только удалось создать единый пролетарский фронт, но и отстоять его, парализуя попытки его разрыва правыми социалистическими лидерами. Это имеет для всей антифашистской борьбы французского пролетариата первостепенное значение. Создание единого пролетарского фронта и соглашение между коммунистической и социалистической партиями, во-первых, укрепили сплоченность пролетариата, его веру в собственные силы и тем самым его способность сопротивляться фашизму, во-вторых, способствовали освобождению значительных слоев пролетариата от мелкобуржуазных влияний и оформлению левых элементов внутри социалистической партии и наконец, в-третьих, усилили воздействие пролетариата на массы мелкой буржуазии.

Повышение сплоченности пролетариата выразилось также и в деле объединения профсоюзных организаций. И хотя Жуо и другие реформистские лидеры профсоюзов в течение долгого времени оказывали серьезное сопротивление этому объединению, организованное коммунистами широкое движение за объединение профсоюзов вынудило реформистских профсоюзных лидеров пойти на воссоздание единых профессиональных организаций пролетариата.

Единство действий в борьбе с фашизмом и объединение профессиональных организаций пролетариата увеличивают его силы не только тем, что осуществляют простое сложение сил, которые раньше выступали разрозненно, но также и тем, что увеличивают веру пролетариата в свои силы и тем самым повышают его боевую активность. Леон Блюм, подводя итоги единства действий во Франции, признавал:

«Первым его положительным результатом и, по-моему, имеющим большее значение, чем все другие, является гальванический ток, который оно вызвало в народных массах. Оно породило порыв, доверие, энтузиазм. Оно дало рабочему классу наступательный дух, наступательную способность против капиталистического гнета, против угрозы фашистского гнета. В действительности—никто этому не сможет противоречить—оно отбило атаки французского фашизма и вынудило его к отступлению»¹.

Единство действий не только усилило сопротивление пролетариата первым атакам фашизма во Франции, оно также усилило классовое размежевание во Франции, нанеся сильный удар мелкобуржуазным влияниям в среде пролетариата. Во всех выборах, которые происхо-

¹ «Populaire», 26. II. 1935,

дили во Франции после заключения соглашения между коммунистической и социалистической партиями, основной водораздел проходил между пролетарским фронтом и реакционным буржуазным лагерем, а мелкобуржуазная партия радикалов поддерживала один или другой из этих двух лагерей. Это подрывало ту систему, при которой в центре избирательных кампаний стояла борьба правого лагеря и «левого картеля», борьба двух буржуазных политик, когда часть пролетариата, которая шла за социалистами, опускалась до роли придатка к мелкобуржуазным радикалам. Эта система укрепляла реформистские иллюзии в части пролетариата, а сейчас, когда пролетариат выступает сплоченными рядами против реакционного фашистского лагеря, добиваясь привлечения к себе и мелкобуржуазных масс, социалистические рабочие убеждаются в том, как вырастает роль пролетариата, когда он ведет классовую политику. И действительно, совместная борьба с компартией ускорила в рядах социалистической партии оформление левых течений, которые начинают отворачиваться от реформистской политики и осознавать весь ее вред.

На последнем съезде социалистической партии Жиромский, руководитель сенской федерации, доказывая, что без вооруженной борьбы пролетариат не может завоевать власти, заявлял: «Достаточно парламентских и избирательных иллюзий! Не они ли были роковыми для германской и австрийской социал-демократии?»¹.

А Венсен Ориоль должен был признать: «Я раньше верил, что можно на путях прогресса создать новое общество. Я в это верил так же, как мальчиком семи лет я верил в рай.

Я больше не верю, что можно добиться возникновения социализма из существующего строя путем постепенных реформ. Я считаю, что пути, которые, как я думал, могли привести к власти, закрыты»².

4) Достигнутое единством действий сплочение пролетариата, его возросшая в связи с этим активность в борьбе с фашизмом привели к усилению влияния пролетариата на мелкобуржуазные массы, еще больше подчеркивая эту характерную черту антифашистской борьбы французского рабочего класса.

Уже при первых крупных выступлениях французского пролетариата против фашизма он оказал влияние на крупные отряды непролетарских слоев трудящихся. Это в первую очередь сказалось в вовлечении большой массы государственных служащих в стачку 12 февраля.

Вовлечение в антифашистское движение известных слоев мелкой буржуазии проявилось также и в крупных демонстрациях бывших участников войны, организованных коммунистами 8 июля и 11 ноября 1934 г., а также в поддержке антифашистского движения некоторой частью мелкобуржуазной интеллигенции. Соглашение между коммунистической и социалистической партиями дало новый толчок росту влияния пролетариата на значительные слои мелкой буржуазии.

Буржуазные политики надеялись, что создание «единого пролетарского фронта» даст обратные результаты. Они надеялись, что им удаст-

---

¹ Там же, 13.VI.1935.

² Там же, 12.VI.1935,

ся, представляя единый фронт как красную опасность, запугать мелкую буржуазию и вовлечь ее в лагерь реакции. Поэтому с такой силой весь реакционный лагерь начал вопить о грозящей «красной опасности», о «стремлении единого фронта свести франк к нулю». Но реакционные политики должны были вскоре признать свою неудачу и провал. Кериллис писал:

«Думали, что союз между социалистами и коммунистами толкнет радикалов к «национальному единству». Представляли себе, что напуганное революционной угрозой огромное большинство французского народа бросится к консервативной и умеренной политике. Расчет в значительной части несомненно ошибочный, так как не учли рабочие традиции и психологию старых масонских групп, составляющих основу радикал-социалистической партии; не учли также недовольства и безнадежности в период экономического кризиса, который мы переживаем»¹.

Как раз после создания единого пролетарского фронта пролетариат показал мечущимся мелким буржуа силу, которая в состоянии оказать сопротивление фашизму, усилил тем самым тягу этих масс к пролетариату и заложил основы для широкого народного антифашистского фронта.

Социал-демократическим филистерам, которые сдают фашизму одну позицию за другой, заявляя, что, переходя к решительной борьбе, пролетариат отталкивает от себя средние слои, французский рабочий класс противопоставил другую тактику—тактику сплочения пролетарских сил и ответа на каждый удар фашистов контрударом, и эта революционная тактика как раз и дала ему возможность повести за собой широкие слои мелкой буржуазии.

5) Важной чертой антифашистской борьбы французского пролетариата, развернувшейся в послефевральский период, является быстрый рост в процессе этой борьбы авторитета и влияния компартии в рабочих массах, рост воздействия коммунистических идей среди социалистических рабочих. Произошел большой рост организаций компартии: в 1932 г. коммунистическая партия Франции насчитывала 30 тыс. членов, в конце 1934 г.—45 тыс. и в июле 1935 г.—65 тыс. членов. Очень сильно выросло количество голосов, поданных за кандидатов компартии во время разных выборов в 1934 и 1935 гг. в крупных промышленных центрах.

Во время кантональных выборов осенью 1934 г. количество голосов, поданных за коммунистов в таких промышленных районах, как Северный департамент, выросло на 40%, департамент Па-де-Кале—на 80, департамент Сены и Уазы—на 50% и т. д. Во время выборов в генеральный совет Сенского департамента в мае 1935 г. количество голосов, поданных за коммунистов, достигло 143 тыс. проти в 63 тыс. в 1929 г.

Но действительный рост в рабочем классе влияния компартии и ее основных политических идей еще значительно больше, чем это отражают ее избирательные успехи. Важнейшие политические идеи коммунистов пробили за это время себе путь к рабочим, идущим за социалисти-

¹ Henri de Kerillis, Paris — Moscou par avion, Paris 1934, p. 199.

ческой партией и входящим в ее организации. Генеральный секретарь социалистической партии Поль Фор с тревогой заявлял на заседании национального совета этой партии в марте 1935 г.: «Я обеспокоен, так как я нахожу здесь (в выступлениях представителей левого течения.—М. З.) идеи, с которыми мы боролись в 1920 г. (турский съезд социалистической партии, где большинство получили коммунисты.—М. З.). В тексте резолюции большинства сенской федерации мы встречаем формулы, заимствованные у коммунистов»¹.

Чем иным, как не ростом авторитета компартии среди социалистических рабочих, можно объяснить заявление руководителя сенской федерации Жиромского, что он «ближе к коммунистам, чем к Фроссару», который тогда еще был одним из лидеров социалистической партии и возглавлял ее правое крыло. Этот рост влияния компартии и ее авторитета—результат банкротства реформизма в глазах широких слоев рабочих, результат правильной тактики компартии Франции, которая нашла доступ к этим слоям, выступая как авангард в борьбе за демократические завоевания рабочего класса, как застрельщик единого фронта в борьбе против фашизма. Компартия Франции добилась роста своего влияния и авторитета в первую очередь потому, что она последовательно организовывала движение единого фронта, которое, как это подчеркнул в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна т. Димитров, «подымает веру рабочего класса в свои силы, укрепляет в нем сознание своей ведущей роли в отношении крестьянства, мелкой буржуазии города, интеллигенции. Оно (движение единого фронта.—М. З.) расширяет влияние коммунистической партии в рабочих массах, а стало быть, делает пролетариат более сильным в борьбе с фашизмом. Оно своевременно мобилизует бдительность масс в отношении фашистской опасности»².

Вовлечение в борьбу с фашизмом широких масс пролетариата, напряженность этой борьбы, нашедшая свое выражение в массовых уличных демонстрациях и политических стачках, в отпоре рабочих всякой вылазке фашистов, создание в ходе борьбы единого пролетарского фронта, сплотившего силы пролетариата и позволившего ему оказать серьезное влияние на мелкобуржуазные массы, рост во время этой борьбы влияния и авторитета компартии, проводившей правильную тактику, обеспечившую ей доступ к самым широким слоям рабочих, в том числе и к социалистическим рабочим,—все это позволило пролетариату Франции отбить первые атаки фашистов и вынудило реакцию отказаться от форсированного наступления на демократические завоевания трудящихся.

Имеется несомненно ряд объективных причин того, что пролетариат оказался в силах дать более быстрый и решительный, чем в Италии и Германии, отпор первым попыткам фашистов завоевать политическую власть.

Борьба фашистов за власть во Франции развернулась уже после по-

¹ «Populaire», 5.VIII.1935.

² Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Доклад и заключительное слово на VII конгрессе Коминтерна, стр. 46.

беды фашистской диктатуры в Германии. Широкие массы французских пролетариев видят на опыте гитлеровской диктатуры, что несет им эта террористическая диктатура самых реакционных слоев монополистического капитала. Масса итальянских рабочих в период борьбы фашизма за власть не осознала еще, что фашизм является режимом террористического подавления пролетариата. Социал-демократия помешала широким массам германских рабочих учесть опыт Италии, доказывая, что фашизм — специфически итальянское явление, что для промышленной Германии приход гитлеровцев к власти не является реальной и актуальной угрозой, что германские капиталисты не рискнут пойти на такую авантюру. После прихода к власти Гитлера, после разгрома германским фашизмом всех рабочих организаций, после ужасов фашистских концентрационных лагерей, после казней сотен передовых рабочих в Германии, после того как победа Гитлера превратила одну из самых культурных стран Европы в очаг средневекового мракобесия, самые широкие массы рабочих во всех странах Европы начали отдавать себе отчет в том, что несет им установление фашистского режима. Поэтому, несмотря на капитуляцию социал-демократических лидеров, так героически бились рабочие Вены, оказавшись перед угрозой введения фашистского режима. Но еще большее влияние оказал опыт Германии на французских пролетариев, которые почувствовали, какую угрозу представляет для рабочего класса фашизм. Это несомненно значительно усилило сопротивление французских рабочих фашизму, как только французские фашисты организовали свое первое серьезное выступление на улицах Парижа и показали французскому пролетариату, что и в его стране имеются силы, которые могут установить режим фашистского бесправия и концентрационных лагерей.

Наряду с учетом германского опыта значительную роль в мощном пролетарском отпоре первым вылазкам фашистов во Франции сыграла очень сильная у французских рабочих традиция борьбы с политической реакцией за завоевание и сохранение демократических свобод.

Еще во времена французской буржуазной революции 1789 г. рабочий люд Парижа был в первых рядах борьбы с королевской камарильей и феодальной знатью, завоевывая республику и демократические свободы. В течение всего XIX в. рабочие Парижа, поддерживаемые рабочими крупных провинциальных городов, снова и снова подымались, чтобы отстоять завоеванные свободы, чтобы расправиться с монархистской реакцией. В этой борьбе выросла славная боевая традиция французского пролетариата, в этой борьбе рабочий класс Франции превратился в большую силу в государстве, не раз завоевывавшая гегемонию в решающие моменты революций, в этой борьбе рабочий класс Франции стал в XIX в. авангардом европейского рабочего класса. Энгельс писал в своей статье «Европейские рабочие в 1877 г.»:

«В течение уже почти 90 лет они (рабочие Франции.— М. З.) являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе фран-

цузской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение решали судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику... они сопротивлялись на баррикадах в 1851 г. государственному перевороту Луи-Наполеона... они смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю... Попытка Тьера в марте 1871 г. отнять у них оружие, которым они защищали Париж от иностранного нашествия, принудила их к революции Коммуны и к длительной борьбе, закончившейся их кровавым подавлением»¹.

Ненависть к монархической реакции так глубоко впиталась в кровь французских рабочих, что даже после самых больших поражений они подымались на борьбу, чтобы не допустить к власти реакционные монархические клики. Даже потерпевший поражение французский пролетариат оказался в состоянии навязать буржуазии республику как форму ее господства. Он навязал ее и после своего кровавого поражения в 1871 г. Он защитил ее и при реставраторских поползновениях монархистов во времена Мак-Магона, в 1876 г., и буланжистов, в 90-е годы XIX в. Энгельс в 1877 г. писал о борьбе парижских рабочих против реставраторских попыток Мак-Магона: «...как только 16 мая прошлого года все три монархические клики, объединившись в большом заговоре, объявили войну республике, рабочие, как один человек, провозгласили поддержку республики своей важнейшей непосредственной задачей»².

Подводя итоги этой героической борьбе французского пролетариата в XIX в., Ленин отмечал, что «рабочий класс Франции много крови пролил, завоевывая и защищая республику»³. Традиции великой борьбы в прошлый исторический период накладывают большой отпечаток на борьбу сегодняшнего дня французского пролетариата. Традиции борьбы за демократические свободы делают ожесточенной и упорной и сегодняшнюю борьбу французского пролетариата в защиту демократических свобод, при завоевании и обороне которых в прошлом пролито много крови. Угроза ликвидации политических свобод всколыхнула широчайшие массы рабочих. Она очень быстро привела к большим и напряженным политическим событиям. Здесь сказалось еще одно характерное свойство борьбы французских рабочих, о котором писал Ленин еще в 1908 г., подчеркивая, что «в романских странах,—Италия, особенно Франция,—обострение классовой борьбы проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается с внезапной силой, и «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны»⁴.

Вылазки фашистов 6 февраля стали исходным пунктом больших напряженных и бурных боев между пролетариатом и лагерем реакции и фашизма.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, стр. 402,

² Там же, стр. 404.

³ Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 307, изд. 3-е.

⁴ Там же, стр. 308.

Кроме учета германского опыта и традиций прошлого важной причиной столь мощного отпора французского пролетариата первым вылазкам фашистов является и то, что, несмотря на кризис, основная масса французских пролетариев осталась на предприятиях. Процент полностью безработных во Франции меньше, чем в Германии накануне прихода фашистов к власти. Это вытекает и из того, что упадок промышленности здесь все же не столь глубок, как в Германии в 1932 г., и из того, что безработица во Франции в первую голову ударила по иностранным рабочим, которых заставили покинуть страну, и что рост безработицы в очень большой мере проявился в росте частично безработных. Среди французских рабочих оказалось меньше деклассированных элементов, что затруднило проникновение фашизма в рабочие ряды и укрепило силы пролетариата в борьбе с ним.

Все эти существующие во Франции благоприятные условия для борьбы с фашистским наступлением компартия Франции смогла успешно использовать потому, что она после первых же вылазок фашистов осуществила ту правильную тактику единого антифашистского фронта, которая потом легла в основу решений VII конгресса Коминтерна, и благодаря этому французский пролетариат смог отбить первые атаки фашизма.

Использовать существующие во Франции благоприятные условия для того, чтобы нанести фашизму решающие удары и превратить борьбу с ними в исходный пункт для большого революционного подъема, французский рабочий класс сможет лишь тогда, когда он не только закрепит успехи единого пролетарского фронта, но также сплотит вокруг себя в борьбе с фашизмом большие массы французской мелкой буржуазии, которые все больше охватываются брожением.

БРОЖЕНИЕ В СРЕДЕ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ И СОЗДАНИЕ НАРОДНОГО ФРОНТА

В среде французской мелкой буржуазии в последние годы происходит большое брожение. Это брожение не достигло еще таких размеров, как в Германии в период, предшествовавший приходу Гитлера к власти, когда мелкобуржуазные массы, бунтуя против господствующего строя, пришли в движение и порвали со старыми буржуазными и мелкобуржуазными партиями, что использовал впоследствии фашизм, увлекая эти массы за собой. Но все же политическое брожение в среде французской мелкой буржуазии сильно и продолжает нарастать. Оно в первую очередь является результатом серьезного ухудшения экономического положения значительных слоев французской мелкой буржуазии в годы кризиса. Хотя во Франции не произошло еще столь сильное ограбление мелкобуржуазных масс и столь катастрофическое их обнищание, как в Германии в 1931—1933 гг., но как раз в самые последние годы значительные слои французской мелкой буржуазии все сильнее чувствуют удары кризиса. Если в период, предшествовавший мировому экономическому кризису, и в первые годы кризиса по-

положение больших слоев французской мелкой буржуазии было лучше, чем положение этих слоев в большинстве других капиталистических стран, то именно в последние годы их положение начинает быстро ухудшаться. Понятно, «жирок» прошлых лет несколько смягчает катастрофический характер ухудшающегося экономического положения французского мелкого буржуа, но ухудшение это все же становится чувствительным.

Ухудшение экономического положения французской мелкой буржуазии далеко не в одинаковой степени отразилось на разных ее прослойках. Сильнее, чем по другим прослойкам мелкой буржуазии, экономический кризис ударил по французскому крестьянству. Влияние мирового аграрного кризиса сказалось на французском сельском хозяйстве с особой силой в последние годы (1932 — 1934). Как раз в эти годы падение цен на сельскохозяйственные продукты было во Франции особенно сильно. Соотношение официального индекса цен сельскохозяйственных продуктов и индекса цен промышленных товаров, которое еще до недавнего времени показывало наличие во Франции «ножниц» в пользу сельского хозяйства, вовсе не отражает действительного положения крестьянского хозяйства во Франции. Во-первых, официальный индекс цен сельскохозяйственных продуктов значительно выше цен, по которым продает свои продукты французский крестьянин; во-вторых, промышленные товары крестьянин покупает не по оптовым ценам, которые учитывает этот индекс, а по значительно более высоким розничным ценам, причем крестьянин для своего хозяйства нуждается как раз в тех промышленных товарах (сельскохозяйственные орудия, химические удобрения и т. д.), цены которых пали значительно меньше, чем цены других промтоваров. Если сравнить цены, по которым французский крестьянин продает продукты своего производства, и цены товаров, которые он закупает, то окажется, что соотношение цен для него крайне неблагоприятно. Сравнение с довоенным периодом показывает обреченность крестьянского хозяйства, невозможность для крестьянина дальше вести свое хозяйство иначе, как проедаая основной капитал. Вот подсчет, сделанный в конце 1934 г. сельскохозяйственными объединениями Франции.

«Цены сельскохозяйственных продуктов пали у производителя до половины довоенной стоимости:

цена пшеницы—70 бумажных фр. за квинтал—это значит 14 зол. фр. против 27 в 1913 г.;

цена овса—40 бумажных фр.—это значит 8 зол. фр. против 20 в 1913 г.;

цена говяжьего мяса—5 бумажных фр. за кило—это значит 1 зол. фр. против 1 фр. 90 сент. в 1913 г.;

цена свинины—3 фр. 90 сент. за кило—это значит 0,80 зол. фр. против 1 фр. 30 сент. в 1913 г.;

цена молока—0,60 фр. за литр—это значит 0,12 зол. фр. против 0,16 в 1913 г.;

цена вина—55 бумажных фр. за гектолитр—это значит 11 зол. фр. против 22 в 1913 г.

Крестьянин платит за предметы, которые он покупает, по довоен-

ным ценам; удобрения, сельскохозяйственные машины и орудия, подковы, упряжь продаются по еще более высоким ценам.

Покупательная способность крестьянина сводится к нулю: он продает свои продукты по коэффициенту 2—2,5 (это значит, что он получает в бумажных франках в 2—2,5 раза больше, чем до войны в золотых франках.—М. З.); он покупает то, что ему необходимо по коэффициенту от 5 до 7; государственные налоги он уплачивает по коэффициенту от 8 до 10. Крестьянин все более задолживается и разоряется¹.

Если даже учесть, что цены на сельскохозяйственные продукты в 1913 г., с которыми сельскохозяйственные организации сравнивают нынешние цены, были несколько выше средних цен за 1910—1914 гг., то все же совершенно ясно, что создавшееся в 1934—1935 гг. соотношение между ценами сельскохозяйственных продуктов, продаваемых крестьянином, и розничными ценами промтоваров, приобретаемых крестьянином, а также высоким уровнем налогов, тарифов и т. п. способстует разорению французского крестьянина. Если крупное капиталистическое хозяйство может выдержать это неблагоприятное для сельского хозяйства соотношение цен, добываясь путем применения новейшей техники и химических удобрений повышения урожайности и снижения издержек производства, то мелкое крестьянское хозяйство, а оно составляет во Франции 90% крестьянских хозяйств, остается на крайне низком техническом уровне и лишено возможностей в более или менее значительной степени снизить издержки производства. Отсталость крестьянского сельского хозяйства во Франции ярко отражена в том факте, что в центре Франции, на юге и юго-западе, где преобладают мелкие крестьянские хозяйства, урожай в среднем составляет от 11 до 12 квинталов с 1 га, на севере же и в Парижском районе в крупных капиталистических хозяйствах урожай доходит до 60 квинталов с 1 га. К тому же еще мелкий крестьянин несет большие потери и при сбыте своих продуктов (он вынужден продавать осенью, когда цены ниже, продает на второстепенных рынках перекупщику, несет более высокие расходы по транспорту и т. д.). Он переплачивает также при покупке промтоваров. Для него такое сильное снижение цен сельскохозяйственных продуктов, которое произошло во Франции за последние годы, несет быстрое разорение².

Газета «Temps» приводит расчеты, которые показывают, что в Парижском районе, «для того чтобы уравновесить свой бюджет, производитель должны были бы продавать пшеницу по 115 фр., и то при условии,

---

¹ Воззвание сельскохозяйственных объединений Франции. Цитирую по «Action française», 10.III.1935. Более подробно развивает эти подсчеты М. В г а i b а n t, D'abord la terre, Paris 1935, p. 79—84.

² О размерах падения цен на сельскохозяйственные продукты во Франции за последние годы говорят следующие цифровые данные. В 1930/31 г. пшеница продавалась по 166 фр. за квинтал, в августе 1935 г. цена квинтала пшеницы пала до 55 фр. Цена гектолитра вина составляла в 1930 г. в среднем 165 фр., в 1934 г.—47 фр. А вот заявление, которое приводит «Temps» 6.VIII.1935 г. о ценах, по которым крестьянин юга Франции продавал свиное сало ко времени прихода Думерга к власти (февраль 1934 г.), и ценах, по которым он продает его летом 1935 г.: «Во время прихода Думерга мы продавали свиное сало по 3 фр. 75 сант. за килограмм, а сейчас — по 34 сант.».

когда цены на сахарную свеклу, овес и ячмень будут значительно повышены, без чего необходимо установить цену пшеницы в 135 фр. за квинтал¹. В действительности же цена пшеницы в 1934/35 г. равнялась в среднем 70—80 фр. за квинтал и в середине 1935 г. пала до 55 фр. Что касается вина, то по расчетам, которые приводятся на страницах «Temps», себестоимость гектолитра составляет минимум 100 фр.², а цена его в начале 1934 г. была в среднем 47 фр.

Разорение французского крестьянства не довело еще основную массу его до состояния голода и нищеты, в каком находится крестьянство аграрных стран юго-восточной Европы (балканские страны, Польша и т. д.) только благодаря тому, что в прошлом положение французского крестьянина было значительно лучше, чем положение крестьян этих стран. К тому же в первые послевоенные годы инфляции французское крестьянство несколько освободилось от своей задолженности—огромной ипотеки, которая тяжелым бременем лежала на французском крестьянстве до войны. В годы относительной стабилизации капитализма более зажиточные французские крестьяне смогли сколотить некоторые сбережения, в то время как для наиболее бедных крестьян высокий послевоенный промышленный подъем создал возможность ухода в город.

К тому же в первые годы кризиса во Франции цены сельскохозяйственных продуктов падали относительно слабо. Сейчас положение резко изменилось: французский крестьянин быстро проедает небольшие сбережения, накопленные в прошлые годы, запускает свое хозяйство, сокращает потребление промышленных товаров, а перед его глазами маячит перспектива полного разорения.

В книге «D'abord la terre», описывающей положение французских крестьян в результате кризиса, Брэбан—экономист помещичье-кулацкой «аграрной партии» — подытоживает свои подсчеты в следующих словах: «Положение крестьян стало столь ненадежным, что, даже возвращаясь к более отсталой жизни и отказывая себе больше чем когда-либо, они не имеют уже возможности предаваться той страсти сбережения—назовем ее по имени,—той скупости, которая служила им наградой за монотонную и тяжелую жизнь. Крестьянские сбережения исчезают монета за монетой»³.

Газета «Temps», которая отнюдь не склонна сгущать краски, приводит письмо крестьянина из департамента Сены и Уазы, в котором она в следующих словах рисует положение крестьянского хозяйства: «Исчезнувшие сбережения хороших лет, запущенные и истощенные земли, старый и малоценный скот; строения, разрушающиеся из-за отсутствия ремонта, изношенный инвентарь»⁴.

Но значительно хуже положение крестьянской бедноты, у которой большая задолженность. Реакционный политик и ученый-правовед проф. Бартелеми, описывая свои впечатления после поездки в провин-

¹ «Temps», 26.III.1935.

² Там же, 15.I.1935.

³ M. B r a i b a n t, D'abord la terre, p. 86—87;

⁴ «Temps», 8.V.1935.

цию, характеризовал положение этих хозяйств в кратких, многоговорящих словах: «Это — катастрофа»¹.

Экономический кризис сильно ударил по интеллигенции, людям свободных профессий, а особенно по молодежи, кончающей высшие учебные заведения и лишенной возможности получить работу.

За послевоенный период во Франции значительно возрос слой технической интеллигенции и людей свободных профессий, еще в большей степени обозначился рост студенчества. В 1913 г. Франция насчитывала 41 тыс. студентов, в 1932 г.—73 тыс., а в 1935 г.—85 тыс. Этот рост является в первую очередь результатом выталкивания средней и мелкой буржуазии (ремесленников, мелких промышленников и торговцев) из их экономических позиций крупными капиталистическими объединениями, что заставляет молодежь «средних слоев» искать счастья в получении высшего образования.

К тому же период промышленного подъема и большого строительства вызвал рост потребности в инженерах, архитекторах; происходивший в те же годы рост городов создавал перспективы для людей свободных профессий; рост государственного аппарата также открывал возможности создания карьеры для молодежи с высшим образованием. В надежде, что «просперити» продлится в течение долгого периода, молодежь мелкой и средней буржуазии большой массой пошла в высшие учебные заведения.

Кризис коренным образом изменил положение. В промышленности началось сокращение старых инженеров, архитекторы совершенно лишились работы, началось сокращение служащих в государственных учреждениях и муниципалитетах. Перед значительной частью молодежи, оканчивающей высшие учебные заведения, закрылись все двери. «Temps», проведшая в конце 1933 г. большую анкету о материальном положении людей, оканчивающих высшие учебные заведения, приводит факты, рисующие бесперспективность этой молодежи. Вот например директор химического института Урбен сообщает, что химические институты выпускают ежегодно 600 инженеров, в то время как потребность промышленности ограничивается сейчас 200 инженеров-химиков в год².

Еще хуже положение тех, кто заканчивает институты, подготовляющие учителей: в 1933 г. было 1 829 кандидатов на места учителей, принято было только 595, или 32,5%, при этом число окончивших в этом году соответствующие факультеты значительно больше, чем число официально отмеченных кандидатов,—оно составляет не 1 829 человек, а 4 603. «Таким образом в действительности за бортом осталось 87%³ всех окончивших эти факультеты». «Temps» сообщает, что в таком же, а часто в еще худшем положении находятся заканчивающие литературные, медицинские, юридические факультеты, а в самом худшем

¹ «Temps», 6.VIII.1935.

² Там же, 26.XII.1934.

³ Там же, 14.XII.1934.

положении находятся столь многочисленные во Франции прослойки работников искусства¹.

Один из старых лидеров радикальной партии, бывший министр Кайо, в ярких красках рисует безвыходное положение «молодых интеллигентов».

«Наряду с докторами юридических наук (адвокатами), которые заняты в крупных магазинах, получая в месяц 300 фр. (франк=7 копеек.—М. З.), с инженерами, которые работают в поле как сельскохозяйственные рабочие, «будущими учителями», которые ночью разбирают письма в почтовых экипажах, наряду со всеми этими деклассированными интеллигентами, которые, несмотря на их лишения, остаются привилегированными, я могу рассказать о сотнях других, владеющих обесцененными дипломами, находящихся в абсолютном бедствии»².

Опасаясь политических последствий бедственного положения широкого слоя мелкобуржуазной молодежи, председатель объединения горнозаводчиков Франции де Пейримгоф в очень резких словах подчеркнул важность проблемы безработицы среди технической интеллигенции и особенно ее молодежи.

«В настоящее время,—пишет он,—во Франции самой важной проблемой является проблема квалифицированной молодежи... особенно важно заняться нашими молодыми кадрами, нашими будущими руководителями и управляющими кадрами, положение которых, если оно еще ухудшится, станет тревожным»³.

Де Пейримгофу вторит бывший премьер Фланден, заявивший в одном из своих программных выступлений: «Мы присутствуем при перепроизводстве интеллигенции, явлении столь же, а может еще более грозном, чем промышленное или сельскохозяйственное перепроизводство»⁴.

«Temps» с тревогой пишет о процессах, происходящих в этой среде: «Молодежь начинает сомневаться в своем будущем... пути, которые прежде перед ней стояли открытыми, сейчас закрыты. Перед ней, перед ее проектами встает трудно преодолимая стена... Не следует себя обольщать: нашей молодежи грозит впасть в отчаяние»⁵.

Ухудшилось экономическое положение мелких торговцев и ремесленников. По мелким торговцам сильно ударило сокращение товарооборота при сохранении высоких налогов и даже их росте. Создавшийся во Франции большой разрыв между оптовыми и розничными ценами отнюдь не является показателем высоких прибылей мелкой торговли. Разрыв этот является в первую очередь результатом высоких косвенных налогов, больших расходов по перевозке. Мелкие же торговцы, несмотря на этот разрыв цен, находятся в тяжелом положении, особенно в связи с конкуренцией универмагов, которые во Франции за последние годы быстро растут. Крупные магазины «единой цены» («Uniprix»), являющиеся бичом для мелких торговцев,

¹ «Temps», 2.V.1934.

² «Republique», 31.II.1935;

³ «Temps», 23.IV.1934.

⁴ Там же, 5.I.1935.

⁵ Там же, 3.III.1935;

еще недавно насчитывались единицами, но уже к концу 1934 г. их было около 100, а союз, объединяющий эти магазины, сообщал, что в стадии организации находится еще 50 таких крупных универмагов.

Ремесленники сильно пострадали от кризиса, так как они заняты главным образом в швейной промышленности и при производстве предметов роскоши, где произошло особенно сильное сокращение производства.

Ухудшилось положение государственных служащих, особенно за последние полтора года. На 10% были снижены оклады чиновников правительством Думерга весной 1934 г. Летом 1935 г. правительство Лаваля произвело новое снижение жалования государственным служащим на 8—10%. Так как «стоимость жизни» во Франции, даже по официальным исчислениям, снижается совсем незначительно, это сокращение окладов означает серьезное снижение жизненного уровня чиновников.

Пока не произошла девальвация франка, кризис меньше, чем по другим группам мелкой буржуазии, ударил по мелким рантье, составляющим во Франции довольно широкий слой населения. Но надо принять во внимание, что мелкие рантье сильно пострадали от инфляции 1926 г. и стабилизации франка на низком уровне. Четыре пятых всех сбережений держателей государственных бумаг были уничтожены, и хотя годы экономического подъема, а также развитие рынка ценных бумаг, особенно государственных, позволили этому слою мелкой буржуазии частично восстановить свое экономическое положение, но все же опустошения первой инфляции ему еще хорошо памятли. За последние годы по мелким рантье ударила конверсия 1932 г., 10-процентное снижение их доходов экономическими декретами правительства Лаваля и, главное, снова выросла угроза девальвации, вызывая большую тревогу среди массы мелких держателей государственных ценных бумаг.

Ухудшение экономического положения вызвало среди широких масс французской мелкой буржуазии недовольство и чувство тревоги. Среди наиболее пострадавших от кризиса мелкобуржуазных слоев выросло разочарование капиталистическим строем, выросли сильные антикапиталистические настроения и ненависть к магнатам финансовой олигархии. Значительные слои французской мелкой буржуазии, и в первую очередь разоряющегося крестьянства и безработной молодежи «свободных профессий», начинают бунтовать против социального строя капитализма. Бурные крестьянские выступления, происходившие в разных районах Франции и охватывавшие десятки тысяч человек, брожение среди студентов, массовые бурные митинги мелких торговцев, добивающихся защиты от конкуренции универмагов, выступления государственных служащих, пенсионеров и бывших участников войны против сокращения жалования и пенсий—все эти события последних лет французской действительности говорят, что значительные массы средних слоев начинают выходить из повиновения крупному капиталу. Жизнь наносит каждый день сильные удары по чаяниям и надеждам мелкого буржуа, он все меньше верит, что, идя по старым традиционным тропам, он сможет отстоять свои позиции. Среди широких слоев мелкой

буржуазии растет недоверие к руководителям капиталистического хозяйства; они ищут более эффективных средств борьбы против тех бед, которые с ходом кризиса обрушиваются на их голову, против всех попыток крупного капитала снизить их жизненный уровень. Об этом говорит ряд событий последних лет. Это подтверждают и наблюдения буржуазных публицистов и политиков разных направлений.

Глубокое недоверие со стороны масс к верховодам капиталистического мира чрезвычайно ярко описывает один из лидеров радикалов, министр Бонэ:

«Повседневная жизнь становится все более тяжелой! Французский народ почувствовал на пороге зимы, что кризис приобретает драматическое развитие. Крестьянин видит свои амбары, полные зерна и вина, но он не может продать свой урожай, и он не в состоянии заплатить сборщику податей или купить для семьи самые необходимые вещи, как он бывало это делал всегда в это время года. Перед рабочим малопомалу закрываются двери фабрик. И нетерпеливая молодежь чувствует горечь безработицы, никогда не испробовав еще радости труда.

Людям, которые страдают от всего этого, можно каждый день многократно повторять, что все идет хорошо, сообщать о больших запасах казначейства и публиковать победные коммюнике. Бесполезная работа! Общественное мнение остается недоверчивым. И чем больше пытаются его обмануть, тем более оно становится неподатливым. Сегодня во Франции ни во что больше не верят. И столь распространенный скептицизм является огромной опасностью»¹.

Еще ярче говорит об этих настроениях мелкой буржуазии и в первую очередь крестьянства леворадикальный публицист Берль. В своей книге «Речи к французам» он пишет:

«Французская революция началась. Медленно, с натугой, крестьяне ищут того или иного порядка. Они не верят больше, что их старые вожди его найдут. Они не верят больше, что администрация его осуществит. Они больше не доверяют капиталистам, в которых видят тех, кто порожден беспорядком и породил беспорядок. Они твердо не знают, чего они хотят, так как они чувствуют, что положение очень сложно и запутано, что очень трудно найти истину в этом мире ложных представлений и символов, где обанкротившиеся богаты, а собственники разорены...»².

Крестьяне не только потеряли доверие к социальному строю. Невозможность продать зерно, падение цен на сельскохозяйственные продукты при стабильности промышленных цен убеждают крестьянина, что современный капитализм разрушает все отношения, которые он считал основами порядка. В крестьянстве растет возмущение. Крайне правый публицист Даниель Галеви красноречиво рассказывает в своей книге «Визит к крестьянам центрального района», как сильно это крестьянское возмущение:

«Темы народных разговоров очень просты; они не развиваются, они повторяются... Зерно, которое нельзя продать,—это скандал. Это

¹ «Republique», 17.XI.1934.

² E. B e r l, Discours aux français, Paris 1934, p. 185—186.

противоречит крестьянскому воображению, крестьянин возмущается этим и не может успокоиться... Контраст цен. Налоги, железнодорожные тарифы остаются на старом уровне, а если изменяются, то только в направлении дальнейшего роста. Почему? Зерно, продукты животноводства—все это падает в цене. Почему?...»¹.

«Крестьянин себя чувствует преданным, предоставленным во власть демона неизвестного мира»².

Один из видных политических деятелей радикалов, бывший министр сельского хозяйства Борель, предупреждает, что сильное недовольство крестьян—это общее явление для всей Франции:

«Недовольство наших крестьян—это реальный факт даже в тех районах, где оно не проявляется в форме шумных и приводящих к беспорядкам волнений»³.

Крестьянин чувствует себя обманутым и, видя, какими бедствиями обрушивается на него гибнущий капитализм, ищет новых путей.

В среде городской мелкой буржуазии, которая меньше, чем крестьянство, пострадала от кризиса, недовольство существующим строем еще не приняло такого резкого характера, как недовольство крестьянских масс. В городской мелкой буржуазии недовольство и сильные антикапиталистические настроения в первую очередь охватили безработную интеллигентскую молодежь. Масса новых групп и течений, всевозможные планы переустройства общества, которые в этой среде в последнее время так часто возникают,—все это отражает искания и метания мелкобуржуазной молодежи, потерявшей всякие перспективы, не видящей возможности обеспечить себе более или менее устойчивое положение при существующем строе.

Значительные слои французской мелкой буржуазии недовольны и начинают восставать против капитализма. Этот процесс, который мы видели в Италии и Германии, начался и во Франции. Но само недовольство мелкой буржуазии и бунт значительных ее слоев против существующего порядка еще не определяют политического русла, в которое выльется это недовольство, еще не говорят о том, в сторону какого класса пойдут массы мелкой буржуазии. Это зависит в известной мере от всей прошлой борьбы, во время которой формировались политические традиции этих масс, это в большей степени зависит от всей обстановки, которая складывается сейчас на международной арене и внутри страны, это в решающей степени зависит от политики и силы других классов французского общества—буржуазии и пролетариата.

Во Франции политические традиции основных масс мелкой буржуазии создают серьезные трудности для завоевания фашизмом этих масс в период, когда они начинают восставать против капитализма. Гегемония «плебейства», «низов» в решающие моменты французской революции конца XVIII в., крупная роль пролетариата во французской революции XIX в. воспитали в широких слоях французской мелкой

¹ Daniel Halévy, *Visite aux paysans du centre*, Paris 1935, p. 200—202.

² Там же, стр. 268.

³ «Ere nouvelle», 17.V. 1935.

буржуазии традиции демократизма, свободолюбия, глубокой ненависти к монархической реакции и режиму «личной власти». Ленин, подытоживая опыт буржуазно-демократических революций в разных европейских странах, доказывал, что именно в период этих революций «складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция, — зависит именно от того, будет ли гегемония в решающие моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев»¹. И именно потому, что в решающие моменты французских буржуазных революций гегемония принадлежала «плебейству», что передовую роль в революциях XIX в. во Франции играл пролетариат, который поднимал на беспощадную расправу с монархическими кликами и феодальной знатью широкие массы промежуточных слоев города и деревни, именно потому, что буржуазные революции здесь носили характер глубочайших встрясок для всего общества и изобиловали периодами кровавой гражданской войны, где воспитывались инициативность масс, их ненависть к «старому режиму», их свободолюбие, — у широких слоев мелкой буржуазии складывались сильные демократические традиции, которых почти не было в Германии, где буржуазное преобразование шло больше в порядке «революции сверху», и которые были слабы в Италии. Демократические настроения во французском крестьянстве особенно укрепились после 70-х годов XIX в., когда французское крестьянство изжило цезаристские идеи бонапартизма, пустившие в его среде довольно глубокие корни в первой половине XIX в. Разрушенная господством Луи-Наполеона вера французского крестьянства в империю наложила серьезный отпечаток на его политическое развитие в конце XIX и начале XX в. Энгельс подчеркивал «величайшее значение» того факта, что во Франции в 80-е годы XIX в. «масса сельского населения стала республиканской», и писал: «Эта перемена... означает не только то, что всякая монархическая реставрация отныне во Франции стала безнадежной. Она означает также достижимость союза между рабочими в городах и крестьянами в деревнях»².

Демократические, республиканские, свободолюбивые традиции широких слоев французской мелкой буржуазии были одной из важнейших причин неудачи реставраторских тенденций во времена Мак-Магона в 80-х годах XIX в. и провала поползновений буланжистов установить генеральскую диктатуру в 90-х годах XIX в. Эти демократические традиции и непопулярность режима «личной власти» в широких массах французской мелкой буржуазии создают препятствия для завоевания этих масс фашизмом.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 196, изд. 3-е,

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XV, стр. 405.

Эти препятствия тем серьезней, что традиции ненависти широких слоев мелкой буржуазии к режиму «личной власти», ненависти крестьянства к «старому режиму» дополняются еще враждой крестьянина к крупным аграриям и духовенству, враждой всего мелкого люда к крупному капиталу.

Известный буржуазный исследователь политического строя Франции Зигфрид в своей книге «*Tableau de partis en France*» пишет:

«Масса ничуть не отреклась от своей мистики равенства и демократии, она твердо остается на левом фланге, выступая не только против политического влияния духовенства, но—проблема более актуальная—против всякого капиталистического руководства народом; в последнее время можно заметить новую демагогию, деревенскую по своему характеру, которая направлена против крупной собственности, во имя мелкой... Ни Англия, ни Германия, ни США не знают такой глухой враждебности к крупному капиталу, проникающей во все извилины французской общественной жизни»¹.

Республика, парламентский строй и были условиями примирения и сближения с крупнособственническим капиталом мелкобуржуазных масс, враждебно относящихся к крупной собственности.

В этих условиях тенденции в реакционных слоях монополистического капитала к ликвидации режима буржуазной демократии, установлению режима террористической диктатуры магнатов крупного капитала создают большие возможности вовлечения широких масс мелкой буржуазии в борьбу с фашизмом и организации широкого народного фронта, который не удалось создать ни в Германии, ни в Италии в период борьбы фашизма за власть.

Большое влияние на отношение широких масс французской мелкой буржуазии к фашизму оказывает то положение, что фашизм борется во Франции за власть уже после германского опыта, уроки которого воспринимаются широкими массами в Западной Европе в значительно большей степени, чем уроки Италии. Палочный режим, концентрационные лагеря, изуверство, кровавая расправа со многими организаторами массового движения штурмовиков—все эти «достижения» гитлеровского фашизма отталкивают от последователей Гитлера во Франции значительные слои мелкой буржуазии. Гитлеровский урок оказал влияние не только на французский пролетариат, усиливая его сопротивление фашистам, но и на французскую интеллигенцию и самые широкие слои мелкой буржуазии, показывая им лицо фашизма после его прихода к власти. Антикапиталистическая демагогия французских фашистов в значительной степени утрачивает привлекательность, после того как Гитлер, установив свою диктатуру, расправляется с теми из своих сторонников, кто принимал всерьез антикапиталистическую демагогию или возглавлял организации, объединявшие более широкие слои «взбесившихся мелких буржуа». Из рядов первой группы мелкобуржуазной молодежи, покинувшей организацию «Боевых крестов», были слышны слова: «Мы не хотим больше сотрудничать с деля Рокком, который готовит нам судьбу Рема».

¹ A. Siegfried, *Tableau des partis en France*, p. 86—87.

Препятствия для завоевания французским фашизмом широких масс мелкой буржуазии создает и самый характер этого фашизма. Во Франции тяга реакционных слоев монополистического капитала к созданию «сильной власти», свертыванию буржуазной демократии и установлению фашистского или полуфашистского режима появилась раньше, чем образовалось широкое фашистское движение, собирающее под антикапиталистическими лозунгами недовольные мелкобуржуазные массы. Очень характерно, что лозунг борьбы за «сильную власть» дает во Франции такой заведомый вождь реакции и прожженный парламентский делец, как Тардьё. Борьба за «сильную власть» начата во Франции реакционной крупной буржуазией не в момент, когда широкие слои мелкой буржуазии уже подверглись сильному ограблению, как это было в Италии и Германии, а в момент, когда ограбление широких слоев мелкой буржуазии наряду с пролетариатом только выдвигается магнатами монополистического капитала как центральная задача дня. Наряду с программой «реформы государства» вожди реакции выдвигают программу дефляции, за которой скрывается снижение жалования чиновникам, пенсий бывшим участникам войны, программу «снижения издержек производства», за которой скрывается не только наступление на зарплату, но и снижение цен на сельскохозяйственные продукты и ограбление крестьян, снижение доходов мелких торговцев и мелких рантье. Фашистские организации, вырвавшиеся не на волне массового недовольства мелкой буржуазии (это недовольство начало быстро нарастать несколько лет спустя), а создававшиеся как подсобные военизированные организации для осуществления задач, намеченных реакционными слоями крупной буржуазии, оказываются не в состоянии отгородиться от старых реакционных партий и их откровенно антинародной программы. Более того, они открыто поддерживали правительство Думерга, костяком которого являлись старые деятели парламентской правой, они поддерживают финансовые декреты Лаваля, которые бьют по широким слоям мелкой буржуазии.

Условия возникновения фашистских организаций во Франции наложили отпечаток и на подбор руководящих кадров этих организаций. Во главе их оказались люди, происходящие из господствующих классов (граф де ля Рокк—во главе «Боевых крестов», промышленник и депутат Тетенжэ—во главе «Патриотической молодежи»), а не мелкобуржуазные демагоги, как Гитлер и Муссолини, которым их прошлое облегчало доступ к массам.

Тесная и очевидная связь между организациями французских фашистов и реакцией не только затрудняет французским фашистам мобилизацию под свои знамена недовольных и бунтующих против капитализма масс мелкой буржуазии, но порождает также среди значительных слоев мелкой буржуазии сильную ненависть к фашизму. В первую очередь она сильна среди государственных служащих. Считая политически ненадежным чиновника, а особенно учителя, являющегося во французской провинции в течение ряда десятилетий передовым борцом против важнейшего оплота реакции—духовенства, реакционный лагерь ведет против государственных служащих бешеную атаку,

пытаясь представить их в глазах широких масс как «пожирателей государственного бюджета».

Рост фашистских влияний в массах французской мелкой буржуазии затруднен и тем, что разнузданная шовинистическая агитация, являющаяся всюду важным орудием фашистов в их борьбе за массы и сыгравшая особенно большую роль в Германии, во Франции не получает столь сильного отклика. В стране-победительнице в войне 1914—1918 гг. где, несмотря на победу, массы мелкой буржуазии разоряются, трудно доказать этим массам, что виновником их бедствий является недостаточная защита национальных интересов Франции. Здесь трудно возбудить воинственные настроения мелкого буржуа, доказать ему, что выход из бедственного положения может быть найден в новой войне. Мелкий буржуа настроен во Франции пацифистски и антимилитаристски.

Трудно также во Франции направить растущее среди разоряющейся мелкой буржуазии недовольство существующим положением в русло борьбы с пролетарским социализмом. Пребывание германской социал-демократии у власти, в условиях, когда эта партия проводила политику финансового капитала, разорявшую мелкую буржуазию, дало возможность гитлеровцам изображать «марксизм», который, мол, представляла социал-демократия, как виновника бедственного положения крестьянства, мелкого лавочника и безработного интеллигента. Во Франции социалистическая партия в отличие от германской социал-демократии у власти не была, и поэтому фашистам гораздо труднее убедить мелкого буржуа, что виновником его бедственного положения является не капитализм, а марксизм. Поэтому вся антимарксистская агитация французских фашистов имеет гораздо меньший отклик в мелкобуржуазных массах. Трудно также фашистам во Франции рядиться в тогу национального «социализма», так как в тогу мелкобуржуазного социализма давно уже рядятся во Франции левые буржуазные партии, против которых фашисты как раз ведут борьбу.

Нарастающее в мелкобуржуазных массах недовольство существующим политическим строем не дает во французской провинции резкого разрыва этих масс с их традиционными политическими партиями также и благодаря существующей во Франции избирательной системе. Голосуют не за партию, а за того или иного политического деятеля, и поэтому даже тогда, когда мелкобуржуазные массы провинции выражают сильное недовольство парламентским строем, оно не сразу переносится на депутата или мэра данной местности. Провинциализм приводит к тому, что повороты в политических настроениях французской мелкой буржуазии происходят гораздо более медленными темпами.

Наконец и то обстоятельство затрудняет французским фашистам завоевание в настоящий момент широких масс мелкой буржуазии, что эти массы во Франции пока еще не находятся в столь катастрофическом экономическом положении, чтобы без всякого раздумья, слепо следовать за новоявленным мессией, обещающим им легкое и немедленное спасение от всех бед. Те мелкобуржуазные слои, где издавна сильны влияния правого лагеря и где фашизму легче всего вербовать своих сторонников, в первую очередь мелкие рантье, как раз меньше других

потеряли в годы кризиса. Это мешает реакции и фашизму поднять эти слои на борьбу под своими знаменами. Среди сторонников правых партий, голосующих за них на выборах, еще сильны настроения политического консерватизма, и это затрудняет среди них рост влияния фашистских лиг.

Все эти препятствия для роста массового влияния фашизма в среде мелкой буржуазии могли и могут быть французским пролетариатом использованы потому, что, выйдя на борьбу с фашизмом сплоченными рядами и энергично выступая в защиту демократических свобод, он стал притягательным центром для всех непролетарских слоев трудящихся. Именно потому, что французский пролетариат по инициативе компартии сразу же дал решительный отпор фашизму, чему помешала в Германии тактика социал-демократических лидеров, сдававших фашизму одну позицию за другой, он вовлек в антифашистскую борьбу широкие слои мелкой буржуазии.

Отпор пролетариата фашистам 9 и 12 февраля 1934 г. привлек на сторону пролетариата большую массу государственных служащих и усилил антифашистские настроения в разных прослойках мелкой буржуазии. Реакции, развернувшей в связи с аферой Ставиского бешеную антипарламентскую демагогию, имевшей в февральские дни 1934 г. в своих руках инициативу и пытавшейся создать под своими знаменами движение широких народных масс, было сразу противопоставлено более сильное массовое антифашистское движение. Это оказало огромное влияние на колеблющиеся мелкобуржуазные массы и создало самое серьезное препятствие завоеванию фашизмом и реакцией влияния в широких массах.

Упорная борьба, развернутая после февральских дней рабочими во всей Франции, контрдемонстрации и создание единого фронта между коммунистической и социалистической партиями дали толчок к вовлечению этих масс в антифашистское движение. И уже в середине 1935 г. Кериллис вынужден был признать: «Антифашистская мистика оказывает несомненное влияние не только на рабочие и крестьянские массы, но также и на значительную часть мелкой буржуазии»¹.

Другой крупный политик правого лагеря в письме в редакцию газеты «E h» de Paris» еще ярче говорит о росте антифашистских настроений в среде французской мелкой буржуазии:

«Всюду, где они («Боевые кресты». — М. З.) создают свою группу, где они добиваются успеха, тотчас же происходит процесс сплочения крайне левой. Мелкое крестьянство, сельская мелкая буржуазия, средний класс больше, чем мы это думаем, привязаны к парламентскому режиму. Они смотрят с отвращением на все, что похоже на фашизм и напоминает реакцию. «Боевые кресты» олицетворяют это в их глазах и толкают их в объятия революционеров»².

Энергичная борьба компартии против снижения жалования чиновников и пенсий бывших участников войны, ее выступления против политики инфляции, за «обложение богачей» для покрытия бюджетного

¹ «E h» de Paris», 4.VI.1935.

² Там же, 8.VII.1935.

дефицита, поддержка требований крестьян о покупке государством непроданных хлебных излишков, о ликвидации крестьянской задолженности, о предоставлении им беспроцентных кредитов, поддержка требований мелких торговцев и т. д.—все это усиливало влияние пролетариата в мелкобуржуазных массах. Еще большую роль в этом отношении сыграли энергичная защита коммунистической партией демократических завоеваний трудящихся и ее последовательная борьба за мир.

Пролетариат, сплотив свои силы и высоко подняв знамя борьбы с фашизмом, реакцией и наступлением капитала, защищая политические и экономические интересы широких народных масс, использовал существующие во Франции благоприятные объективные условия, для того чтобы направить нарастающее недовольство широких слоев мелкой буржуазии в русло борьбы с фашистской опасностью. В результате антифашистской борьбы пролетариата широкие слои мелкой буржуазии видят в фашистах не провозвестников нового строя, уничтожающего бедствия капитализма, а ставленников капиталистической верхушки, которая для экспроприации народных масс стремится создать режим террора и «единоличной власти».

Рост антифашистских настроений в мелкой буржуазии нашел свое отражение на кантональных выборах осенью 1934 г., на муниципальных выборах весной 1935 г., на выборах в генеральный совет Сенского департамента в июне 1935 г. и в ряде дополнительных выборов в парламент, происходивших в последнее время. На кантональных выборах осенью 1934 г. наряду с серьезными успехами коммунистов в пролетарских центрах (Северном департаменте, в Па-де-Кале и др.) выявились крупные неудачи реакционных и фашистских групп в их попытках отвоевать у радикалов более или менее серьезные отряды мелкобуржуазных избирателей. Кантональные выборы отразили еще одно характерное явление. В ряде мест, когда на втором туре противостояли друг другу представитель реакционного лагеря и представитель единого пролетарского фронта, несмотря на призывы лидеров радикалов голосовать за представителя реакционного «национального единства», значительная часть избирателей-радикалов голосовала за представителя единого пролетарского фронта. Это показывало, что, хотя мелкобуржуазные избиратели не рвут резко со своей старой партией, они все же не одобряют ее политики сотрудничества с правыми партиями и настроены против фашизма и реакции.

На муниципальных выборах весной 1935 г. и на выборах в генеральный совет Сенского департамента эти тенденции обнаружились еще отчетливее. Значительный успех коммунисты одержали в пролетарских предместьях Парижа. Что касается провинции, где основную избирательную массу составляют мелкие буржуа, то здесь распределение мандатов почти не отличается от положения, которое существовало до выборов, но тяга избирателей радикальной партии влево обозначилась еще более ярко, чем на кантональных выборах 1934 г. Там, где радикалы вели борьбу с партиями единого пролетарского фронта, они теряли голоса. Наиболее показательными в этом отношении были выборы в Лионе, где лидер радикалов Эррио, выступавший против еди-

ного пролетарского фронта, впервые прошел в муниципальный совет не в первом туре, а только при баллотировке во втором туре. В то же время радикалы там, где они шли вместе с единым пролетарским фронтом против правого лагеря, добились серьезных успехов. Это опять-таки показывало, что мелкобуржуазный избиратель радикалов хотя и не отворачивается от этой партии, все же определенно тянет влево. Кериллис писал:

«Муниципальные выборы дали плохой результат, в целом сдвиг влево, хотя и не очень значительный, все же обозначился»¹.

Сдвиг влево значительных слоев мелкой буржуазии, идущей за радикалами, проявившийся на кантональных выборах осенью 1934 г., в муниципальных выборах весной 1935 г. оказал серьезное воздействие на большую группу депутатов и партийных лидеров радикалов. Эта группа проделала в 1935 г. значительную эволюцию влево. Чтобы понять характер и границы этой эволюции, приходится обратиться к истории партии радикалов.

Партия радикалов и радикал-социалистов имеет преобладающее влияние среди мелкой буржуазии и в первую очередь среди крестьянства на юге и в центре Франции. Влияние это радикалы завоевали в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. в борьбе с остатками монархистской реакции, клерикализмом и милитаризмом. Именно в этой борьбе радикалы в 80-х годах XIX в. оформились как политическое течение и в начале XX в. сконструировались как партия. Реставраторские поползновения во времена Мак-Магона, стремления буланжистов к установлению милитаристской диктатуры, наступление клерикально-милитаристских клик в период дела Дрейфуса—все это тревожило французского мелкого буржуа, возрождало для французского крестьянина угрозу реванша со стороны феодальной знати и «старого режима». Это породило в массах французской мелкой буржуазии тенденции политического радикализма, стремление обезоружить врага, который поднимал голову. На этой почве выросла и окрепла партия радикалов и радикал-социалистов. В ее программе на первом месте были лозунги демократизации республики (в течение долгого периода радикалы домогались ликвидации сената, ограничения прав президента и т. п.) и отделения церкви от государства, которое должно было лишить реакционные элементы их важнейшего орудия воздействия на массы. В период расцвета радикализма, в начале XX в., в годы кабинета Комба, борьба за светскую школу была в центре политической борьбы радикалов. И в основе этого лежали вовсе не антирелигиозные тенденции, а стремление политически ослабить остатки феодальной знати и силы «старого режима». Берль в своей книге «Политика и партии» остроумно замечает, что радикал «не любит попа за то, что он обедает у маркиза»². Борьба с клерикально-милитаристскими реакционными силами толкала радикалов к блоку с социалистами. Именно в этот период начала

¹ «Echo de Paris», 14.V.1935.

² E. B e r l, La politique et les partis, Paris 1932, p. 61.

XX в. среди радикалов был очень популярен лозунг «не иметь врага слева».

Для партии радикалов и радикал-социалистов весьма характерно, что основной фронт ее борьбы всегда лежал в области чистой политики. В этой области она имела боевую программу. В экономических вопросах ее программа всегда была куцой, ее основные лозунги касались лишь сферы фискальной политики. Лозунг прогрессивного подоходного налога—вот единственное программное требование радикалов в экономической области. Его окружали весьма неопределенные и общие разговоры о защите «мелкого люда» от посягательств со стороны крупных собственников.

Создание в довоенной Франции, ставшей в период империализма мировым банкиром, довольно широкого слоя мелких рантье усиливало буржуазные влияния в мелкой буржуазии, тысячами нитей связывало ее с финансовой олигархией, усиливало ее зависимость от могущественных банков, превращало ее в социальную опору буржуазного господства. В результате партия радикалов и радикал-социалистов сочетала левые тенденции в вопросах чисто политических с консерватизмом в социальных вопросах. На выборах она выступала вместе с социалистической партией против правых партий и вместе с тем она уже до войны являлась вполне «министериабельной» партией и почти все время с начала XX в. пребывала в тех или иных комбинациях в правительстве. Это имело своим последствием переход в ряды мелкобуржуазной партии радикалов многих буржуазных дельцов. Это признают даже близкие к радикалам публицисты.

«Многие буржуа с консервативными тенденциями выступают под радикальной этикеткой, которая теряет большую часть своего значения»,—пишут Бурген, Карер и Герен¹.

Положение радикальной партии становится все более противоречивым. Ее политические программные требования или осуществлены (светская школа) или отошли в прошлое (ликвидация сената), ее программное требование в фискальной области (подоходный налог) формально также осуществлено. Защитой «мелкого люда» радикалы похвастаться не могут: в правительстве они осуществляют политику финансового капитала. Радикалы все больше живут традициями.

Эти противоречия особенно углубились в послевоенный период, когда значительно обострилась борьба классов, когда все меньше места оставалось для мелкобуржуазного реформизма. Отсюда все более сильные колебания радикальной партии. От поддержки Клемансо в конце войны и первые послевоенные месяцы радикалы в 1922—1924 гг. переходят к разворачиванию большой пацифистской кампании и блоку с социалистами («левому картелю») на парламентских выборах 1924 г. В 1926 г. под давлением крупной буржуазии, использовавшей инфляцию для того, чтобы напугать массы мелкой буржуазии угрозой «ликвидации всех сбережений», радикалы капитулируют, разрушают в парламенте «левый картель» и переходят к поддержке Пуанкаре. В 1932 г.

---

¹ Bourguin, Carrere et Guerin, *Manuel des partis politiques en France*, Paris 1928, p. 12.

радикалы снова выступают на выборах в блоке с социалистами. Но после победы «левого картеля» на выборах радикалы в парламенте в вопросах финансовой политики идут вместе с партиями центра и правого лагеря, выступая за политику бюджетной дефляции, которая предполагает сокращение жалования государственным служащим и дальнейшее наступление на экономические позиции трудящихся. Нерешительность радикалов в проведении этой политики способствовала сдвигу среди крупной буржуазии вправо и активизации фашистско-реакционного лагеря. Афера Ставиского, в которой был замешан ряд руководящих буржуазных политических деятелей, в том числе и некоторые министры и депутаты-радикалы, была использована реакционно-фашистским лагерем для бешеной агитации против радикалов, возбуждения мелкобуржуазной публики и похода фашистских организаций 6 февраля 1934 г. Под давлением кампании реакционных элементов и фашистских демонстраций министры-радикалы капитулировали, а парламентское руководство радикалов пошло на сотрудничество с правыми партиями и поддержку кабинета «национального единства». Но противоречивое положение радикалов в этот период сказалось со всей остротой.

Фашистский поход 6 февраля непосредственно привел к капитуляции верхушки радикалов перед реакцией, но этот же поход показал мелкобуржуазным массам, идущим за радикалами и воспитанным на традициях политической борьбы с реакцией, милитаристскими и клерикальными элементами. Что враг, который им так ненавистен, снова поднимает голову, и это усилило в них настроения борьбы. Под влиянием антифашистской борьбы, развертываемой пролетариатом по инициативе компартии, а также нарастания антифашистских настроений в мелкобуржуазных массах внутри радикальной партии и в части ее руководства начинаются опять сдвиги влево, начинает оформляться левое крыло, которое воскрешает старые традиции радикалов в борьбе с политической реакцией. То, что уже казалось вчерашним днем, изжитым этапом в программе и традициях радикал-социалистов, получает новое содержание в новой обстановке. Фашизм воскресил угрозу «режима личной власти», диктатуры самых реакционных слоев господствующих классов. Фашистские военизированные отряды воскресили угрозу выхода на широкую политическую арену старых милитаристских клик, а борьба с учителями, которую широко развернула реакция, воскресила угрозу роста влияния клерикальных элементов. На совершенно новой стадии стала в порядок дня политическая борьба с наиболее оголтелой реакцией и это воскресило старые традиции среди части радикалов, традиции борьбы мелкой буржуазии вместе с рабочим классом против общего врага. Угроза прихода фашизма к власти означает не только угрозу ликвидации демократических свобод, завоеванных народными массами, она означает и серьезную угрозу для актива радикальной партии, занимающего важнейшие посты во всем государственном аппарате снизу доверху. Все это перед лицом фашистской угрозы определило эволюцию влево значительной части руководства радикалов.

На кантональных выборах 1934 г. радикальная партия в основном шла с правыми партиями против единого фронта, но уже на муниципальных выборах в 1935 г. она в большинстве округов шла вместе с социалистами и коммунистами против правых партий, хотя в отдельных местах продолжала идти в блоке с правыми партиями и в ряде мест (как например в Лионе) выступала самостоятельно, борясь против правых партий и против единого пролетарского фронта. Сдвиг влево среди депутатов радикальной партии виден и из их отношения к политике национального правительства. После февраля 1934 г. почти вся парламентская фракция радикалов поддерживала правительство Думерга и голосовала за предоставление ему чрезвычайных полномочий. Осенью 1934 г. она оказала Думергу сопротивление по вопросу о ревизии конституции, весной 1935 г. большинство радикальных депутатов голосовало против чрезвычайных полномочий для правительства Фландена и правительства Буиссона и только под сильным нажимом большинство радикалов голосовало за чрезвычайные полномочия Лавалю, причем значительная группа все же голосовала против или воздерживалась. Но решающим шагом в эволюции влево значительной группы радикалов во главе с Даладьё и Пьером Котом явилось согласие на участие в антифашистских демонстрациях народного фронта 14 июля 1935 г. и создание постоянного комитета левых групп парламента. Этот поворот значительной группы радикалов к сотрудничеству с единым пролетарским фронтом в борьбе с фашизмом—несомненно явление иного порядка, чем левые зигзаги радикалов и их избирательные блоки с социалистами в 1924 и 1932 гг. Тогда главным образом в избирательных целях создавался блок между мелкобуржуазной партией и оппортунистическим мелкобуржуазным крылом рабочего движения, направлен он был не только против реакционного крыла буржуазии, но и против революционного пролетарского движения. Программа его сводилась к реформистским поправкам к капитализму, поправкам, которые сеяли иллюзии в массах и препятствовали вовлечению их в революционную борьбу. Теперь значительный слой мелкой буржуазии примыкает к пролетариату, развернувшему массовую внепарламентскую борьбу с фашизмом. Тогда блок радикалов с социалистами означал противопоставление в порядке чисто парламентских комбинаций одной буржуазной политики другой, сейчас сотрудничество значительной части радикалов с единым пролетарским фронтом означает объективно на данном этапе сотрудничество в массовой борьбе против самой свирепой реакции в фашистском стиле, реакции, в которой влиятельные круги монополистического капитала все больше видят единственное и последнее средство своего спасения. Блок радикалов с социалистами находил свое выражение только во взаимной поддержке на выборах, сотрудничество же радикалов с единым пролетарским фронтом в первую очередь проявилось в совместной боевой антифашистской демонстрации 14 июля 1935 г. и уже во вторую очередь в соглашениях в ряде мест при втором туре выборов. Именно благодаря такому характеру сотрудничество значительной группы радикалов с единым пролетарским фронтом стало серьезным шагом в деле создания народного антифашистского фронта.

Радикальные лидеры, которые пошли на участие в народном фронте, сделали ряд заявлений, которые в настоящий момент помогают пролетариату вовлекать в борьбу с фашизмом мелкобуржуазные массы, идущие за радикалами. Лидеры радикалов указывают на связь, существующую между фашистами и магнатами монополистического капитала. Даладье пишет:

«Не только рабочие, служащие, пролетарии городов, но также и крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники, люди среднего класса размышляли о причинах этой (фашистской.—М. З.) агитации и этих угроз. Они раскрыли связь, существующую между политическим фашизмом и новым феодализмом (подразумеваются тресты и концерны.—М. З.)»¹.

В воззвании народного фронта к 14 июля, подписанном и представителями партии радикалов, фашисты оцениваются как орудие финансовой олигархии и массы призываются к разрушению власти «современного феодализма»—власти «финансовых магнатов».

Лидеры той группы радикалов, которая пошла на участие в народном фронте, признали также, что осуществляемые правительством «национального единства» реакционные мероприятия, урезающие права парламента, прокладывают путь фашизму. Говоря о мероприятиях правого лагеря, Даладье писал:

«Дефляция, чрезвычайные полномочия... Что еще? Проводят мероприятия чрезвычайного времени по методу бывшего канцлера Брунинга... который проложил путь Гитлеру»².

Наконец левые лидеры радикалов в своих выступлениях подчеркивали также, что для борьбы с фашизмом мелкая буржуазия должна идти на союз с рабочим классом. Даладье на митинге, созванном народным фронтом 29 июня 1935 г., заявил:

«Представляя здесь мелкую буржуазию, я заявляю, что рабочий класс и средний класс являются естественными союзниками»³.

Если участие значительной группы лидеров радикалов в народном фронте являлось результатом роста антифашистских настроений в тех слоях мелкой буржуазии, которые идут за радикалами, то оно в то же время явилось толчком к дальнейшему расширению народного фронта антифашистской борьбы.

Демонстрации народного фронта 14 июля 1935 г., особенно демонстрация к площади Бастилии в Париже, превзошли по своей массовости все прежние антифашистские демонстрации и даже демонстрации 12 февраля, которые были непосредственным ответом на фашистские вылазки 6 февраля. В демонстрации на площади Бастилии, которая, по оценкам коммунистической и социалистической печати, насчитывала 500 тыс. человек, наряду с рабочими принял участие и мелкий люд Парижа: мелкие лавочники и ремесленники рабочих предместий, а также и мелкобуржуазная интеллигенция.

Для тех сдвигов, которые вызвали создание народного фронта в мелкобуржуазных массах провинции, очень показательными являются

¹ «Oeuvre», 24.V.1935.

² Там же, 24.V.1935.

³ Там же, 30.VII.1935.

итоги дополнительных выборов в парламент в Клермон-Ферране, в типичном для центрального массива Франции аграрно-индустриальном избирательном округе. В 1932 г. в этом округе на первом туре радикалы собрали 7 тыс. голосов, социалисты—4 700 голосов, правые—3 400 и коммунисты—около 600 голосов; на втором туре социалисты поддержали радикала, и он прошел в парламент. В июле 1935 г. на первом туре социалисты вышли на первое место, так как значительная часть избирателей, шедших за радикалами, воздержалась от голосования. Социалисты получили 4 300 голосов, радикалы—3 500, правые—3 тыс. голосов и коммунисты—650 голосов. По старой традиции «республиканской дисциплины» радикалы должны были на втором туре поддержать социалистов, но вместо этого благодаря стараниям Лавала радикалы по соглашению с правыми партиями выдвинули на втором туре кандидатуру правого радикала, а правые организации своего кандидата сняли. Коммунисты сняли своего кандидата, призвав голосовать за социалиста. Образовалось два блока: блок радикалов и правых партий против социалиста, поддерживаемого коммунистами. Левые лидеры радикалов—Даладье, Жами Шмидт и другие—открыто выступили против соглашения организации радикалов в Клермон-Ферране с правыми. Они призвали избирателей голосовать за кандидатуру социалиста. Даладье писал в обращении к избирателям в Клермон-Ферране: «Я уверен, что все республиканцы Клермон-Феррана создадут блок против фашизма и реакции, голосуя за Вильдье (кандидата социалистов.—М. З.), кандидата республиканской дисциплины и честности»¹. И действительно, на втором туре половина избирателей-радикалов голосовала за социалиста против кандидата радикальной партии. Социалист Вильдье собрал 6 675 голосов, а радикал—6 300 голосов. Так как количество участников голосования во втором туре значительно выросло, то можно предположить, что 1 500 избирателей, голосовавших на первом туре за радикала, во втором туре голосовало за социалиста.

Выборы в Клермон-Ферране показывают, что значительная, а возможно и преобладающая часть мелкобуржуазных избирателей радикалов стала на определенном этапе на сторону народного фронта. Создание народного фронта в борьбе с фашизмом усилило эволюцию влево в значительных слоях французской мелкой буржуазии. После выборов в Клермон-Ферране Леон Блюм писал в «Populaire»:

«Я должен сказать правду так, как я ее вижу: усилие нашей социалистической федерации было бы недостаточным (для такого успеха социалистического кандидата.—М. З.), традиция республиканской дисциплины в таком виде, как она практиковалась в течение многих лет, была бы недостаточной. Нужна была новая сила—объединение сил демократии, народного фронта, нужен был порыв энтузиазма, который появился в массах и свидетелем которого я был, присутствуя на предвыборном митинге в Клермон-Ферране»².

Было бы однако иллюзией предполагать, что левое крыло радика-

¹ «Populaire», 3.VIII.1935.

² Там же, 5.VIII.1935.

лов, идя на участие в народном фронте, полностью переродилось, что оно освободилось от своих мелкобуржуазных предрассудков, колебаний и шатаний и стало на позиции последовательной борьбы с фашизмом и реакцией. Левые радикалы вместе со всем руководством в 1926 г. капитулировали перед атакой банков, уступив власть Пуанкаре, в феврале 1934 г. они отступили под нажимом фашистских демонстрантов, а потом многие из них в течение длительного периода поддерживали правительство Думерга. И в настоящее время левые радикалы, даже после того как они пошли на участие в народном фронте, резко выступают с требованием роспуска фашистских организаций, но не понимают еще, что всякое мероприятие реакции, направленное против рабочего класса, связывающее его силы, прокладывает путь фашизму. И в настоящее время, даже поддерживая кандидатов единого пролетарского фронта против кандидатов правых радикалов, выступающих в блоке с правыми партиями, левые радикалы все же не разоблачают правые элементы в своей партии, заседающие в правительстве «национального единства», и стремятся к компромиссу с ними. Левые радикалы проявляют нерешительность в борьбе с экономическими декретами, бьющими по интересам государственных служащих, пенсионеров и бывших участников войны, они все еще не покончили с мечтами отделить экономику от политики, а среди ряда из них сильны идеи «рузвельтизма», идеи экономического плана, вокруг которого можно было бы сгруппировать «всех французов».

При всем огромном значении всякого эффективного расширения рядов народного фронта и его реального действия в борьбе с фашизмом коммунистическая партия все же учитывает колебания левых радикалов, приобщившихся к народному фронту, она учитывает возможность усиления этих колебаний в моменты обострения политической ситуации, поэтому укрепление народного фронта она (как это явствует из всех изданий партии) связывает с созданием его массовых органов в низах, с укреплением своих собственных связей в крестьянстве, с усилением своего руководства борьбой крестьянских масс. Ухудшение экономического положения широких слоев французской мелкой буржуазии, и в первую очередь крестьянства, показывает этим слоям, с какими тяготами для народных масс связано дальнейшее существование капиталистического строя. Это ослабляет социальный консерватизм средних слоев, в первую очередь государственных служащих, а затем и все более широких масс мелкого крестьянства. Усиление влияния пролетариата в разоряющихся массах мелкой буржуазии города и деревни дает возможность коммунистической партии проводить дальнейшее сплочение сил народного фронта для последовательной борьбы с реакцией, фашизмом и властью финансовой олигархии, оно дает также возможность усиливать нажим на те группы радикалов, которые более тесно связаны с массами.

Брожение в массах мелкой буржуазии нашло свое политическое выражение не только в росте антифашистских настроений в значительных мелкобуржуазных слоях, и в первую очередь тех, которые

шли и идут за партией радикалов и радикал-социалистов; наряду с этим процессом происходил также и процесс некоторого усиления фашистских влияний в отдельных слоях французской мелкой буржуазии, — в первую очередь тех, которые прежде шли за реакционными партиями.

На выборах, которые происходили в последнее время, обозначилось, особенно в Париже, усиление крайних элементов и в реакционном лагере. Численный рост организаций «Боевых крестов», происходящий в течение всего послефевральского периода, свидетельствует о том же. Известно, что рост этот происходит в первую очередь за счет буржуазных элементов, буржуазной «золотой молодежи» — «маменькины сынков», но все же несомненно, что и среди некоторых небольших слоев служащих и мелкой буржуазии выросли симпатии к фашистским организациям. В каких слоях это произошло?

В первую очередь среди частных служащих и инженерно-технического персонала. Известно, что в этих слоях черпают своих сторонников и «Боевые кресты» и «Патриотическая молодежь». Боязнь потерять место, на которое имеется столько охотников среди безработной интеллигенции, делает эти в профессиональном отношении слабо организованные слои сильно зависимыми от реакционных предпринимателей.

Во вторую очередь рост фашистских влияний наблюдается среди тех слоев мелкой буржуазии, которые связаны с обслуживанием господствующих классов, — среди лавочников аристократических районов Парижа, среди ремесленников, работающих в производстве предметов роскоши, и т. п.

Группы мелкой буржуазии, находящиеся в наиболее сильной зависимости от господствующих классов, являются наряду со средней буржуазией, а также и офицерством, основным резервуаром, поставляющим людские кадры фашистским лигам и в первую очередь «Боевым крестам». В среду крестьянства, где брожение наиболее сильно, основным фашистским лигам проникнуть почти не удалось. Однако фашиствующая организация «Крестьянский фронт» с ловким демагогом Доржером во главе добилась значительных успехов на северо-западе Франции (в Бретани и Нормандии), где она провела ряд больших выступлений крестьян, а также начала действовать и в других районах Франции, даже в центре и на юге. Дополнительные парламентские выборы в начале 1935 г. в Блуа, где Доржер выдвинул свою кандидатуру и, будучи «чужаком» для этого округа, все же собрал голоса, которые на прошлых выборах собрали все правые партии, массовые крестьянские митинги, которые Доржер проводит в Тулузе, — все это говорит о серьезной угрозе использования недовольства крестьян фашиствующим «Крестьянским фронтом».

Правда, участники митингов «Крестьянского фронта» — это еще не сторонники графа де ля Рокка. «Крестьянский фронт» собрал этих недовольных крестьян главным образом под экономическими лозунгами, касающимися вопроса цен, а отнюдь не под политическими лозунгами, общими всему фашистскому лагерю, но все же

успехи «Крестьянского фронта» могут проложить путь для фашистских влияний в деревню.

В крестьянстве, как и в других прослойках мелкой буржуазии, французские фашисты усиливают свое влияние там, где прежде было сильно влияние духовенства и реакционных партий. Поэтому «Крестьянский фронт» в первую очередь укрепился в Бретани и Нормандии, поэтому фашистские лиги сильнее всего в Париже, где правые партии уже в начале XX в. победили радикалов, поэтому фашисты легче, чем в другие районы, проникают в Лотарингию.

Все же массовое влияние фашистских организаций, даже среди тех слоев, которые шли за правыми партиями, ограничено. Фашисты вовлекают в свои ряды только часть тех масс, которые отходят от старых парламентских правых партий.

Первые неудачи фашистских организаций во Франции в борьбе за завоевание широкой массовой базы в мелкой буржуазии и успехи народного антифашистского фронта не дают однако никаких оснований предполагать, что борьбу за усиление своего массового влияния в среде мелкой буржуазии фашисты уже проиграли. В отдельных ее группах рост фашистского влияния происходит и сейчас. Предстоит дальнейшее ухудшение экономического положения мелкобуржуазных масс и обострение политической ситуации, а это значит, что решающие бои между пролетариатом и реакционными слоями финансового капитала за влияние в широких мелкобуржуазных массах еще впереди.

НА НОВОМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ

Неудачи думерговских попыток образовать «сильную власть» на путях конституционных реформ, а также создание народного антифашистского фронта и его первые крупные успехи вызвали известную перегруппировку сил в лагере реакционной крупной буржуазии и дальнейшее размежевание между ее отдельными группами.

Наиболее реакционные группы сделали отсюда вывод, что нет больше надежд на создание «сильной власти» на путях легальности и законности, что нельзя обойтись без ломки всего строя буржуазной демократии и что единственным орудием для осуществления этой перестройки режима являются боевые фашистские отряды.

Взгляды этих наиболее реакционных элементов крупной буржуазии выразил Тардьё в своей последней книге «По наклонной плоскости» и в ряде других своих выступлений летом 1935 г. Тардьё отрекается здесь от своего старого плана ревизии конституции и признает его неосуществимым: «В течение последних пяти лет мы надеялись, что конституционные реформы, предусмотренные хартией республики, смогут привести ее (ревизию государственного строя. — М. З.) в движение. Но события последних месяцев показали, что... нельзя больше рассчитывать на парламентский успех»¹.

¹ «Temps», 16.VI.1935.

Тардьё объявляет единственным спасением от катастрофы для господствующей буржуазии «сознательную революцию». Он пишет:

«С одной стороны, доказано послевоенной историей, что существующий режим бессилен и опасен. С другой стороны, доказано историей правительства Думерга и правительства Фландёна, что общественные власти, исполнительная и законодательная, конституционные носители необходимого акта реформы, являются его неуклонными противниками—в этом драма.

Два вывода, столь же глубоко противоречивые, сколь тесно соединенные друг с другом, бросаются в глаза. Первое — политический строй Франции не может быть дольше терпим. Второе — политический строй Франции не может быть легально улучшен. Нетерпим и не поддается исправлению наш режим, особенно со времени, когда Фланден занял место Думерга. Таким он будет в еще большей степени после того, как страна из лени подтвердит его при всеобщих выборах...

Одно из двух: или мы останемся в состоянии неподвижности, и тогда рано или поздно мы потерпим катастрофу, которая придет изнутри или извне, или, чтобы избежать этой катастрофы, которую готовит тупой консерватизм легальных властей, французы не будут иметь иного исхода кроме всегда опасной сознательной революции. Я пишу это с сожалением, но к этому меня вынуждает очевидность»¹.

В парламенте Тардьё не видит сил, которые были бы способны осуществить необходимую перестройку государства. Он не видит их и в правых партиях парламента:

«Прежде Франция могла думать, что против злоупотребления левыми группами она найдет в центре или в правом лагере сплоченную силу, готовую произвести преобразование. Сегодня это невозможно. Партии, которые могли бы стать вдохновителями преобразования, связанные по ногам и по рукам, доверились врагам всякого преобразования и дали им возможность прикрыться своим именем: новый факт, который показывает драматический характер ситуации»².

Поэтому Тардьё отвергает все и всякие парламентские комбинации. Но он не видит и вне парламента, в широких массах, серьезной опоры в борьбе за создание нового режима, характер которого Тардьё не определяет, но который по всему смыслу является режимом фашистского типа.

«Скажите мне, видите ли вы в нашем народе большое движение, от которого можно было бы ожидать решающего обновления? Я его не вижу»³, — заявил Тардьё в интервью, данном журналисту Лафне. И вывод остюда вполне логичный — спасение может дать только «активное меньшинство».

Поворот Тардьё отражает признание наиболее реакционными кругами французской крупной буржуазии слабости сил в борьбе за укрепление своей власти на путях конституционных реформ и показывает

¹ A. Tardieu, Sur la pente, p. 62—63.

² Там же, стр. 61.

³ «Bulletin Quotidien», 14.VI.1935.

рост фашистских тенденций в этих кругах. Некоторые особо пессимистические выводы навеваны Тардые личными моментами, сознанием, что он как старый парламентский делец не сможет возглавить фашистский лагерь¹, но политическая суть новых взглядов Тардые отражает эволюцию самых реакционных групп финансового капитала Франции. Это находит свое подтверждение также и в поддержке основных политических выводов Тардые рядом влиятельных реакционных газет, как «Journal des Débats» и «Echo de Paris», тесно связанных с Comité de Forges и руководящими военными сферами. «Journal des Débats» писал, что «политическая система, в условиях которой Франция живет последние 60 лет, не может больше существовать»². А в «Echo de Paris» Кериллис развил широкую пропаганду в пользу фашистских лиг. В связи с неудачей попыток ревизии конституции, а в еще большей степени в связи с созданием народного антифашистского фронта фашистские лиги должны быть признаны в качестве основного оружия в борьбе за «сильную власть» — вот смысл многочисленных статей «Echo de Paris».

«Существование лиг в противовес организованным силам «общего фронта» стало для общественного порядка крайне необходимым. Они представляют гарантию контрреволюции. Они воплощают также новый дух. Стало необходимым, чтобы помимо старых консервативных партий, не способных привлечь и возбудить молодежь, руководимых старыми лидерами... ничего не понимающими в современных стремлениях, сформировались и группировались новые силы»³, — пишет Кериллис.

А после первых крупных успехов народного фронта он еще более резко формулирует фашистские чаяния наиболее реакционных групп:

«На избирательном фронте левые партии получают новое подкрепление... Угроза становится столь серьезной, что неизбежно должна произойти грозная реакция. Революционная опасность родила итальянский и германский фашизм. То же самое произойдет и у нас»⁴.

В том же тоне, что и Кериллис, выступает на страницах «Echo de Paris» близкий к руководящим военным кругам Пироно:

«Мы находимся в предреволюционном периоде. Народный фронт — вот враг. Мы или он — это сейчас решит сила»⁵.

В этот же период и фашистские лиги выступают в крайне агрессивном тоне. В конце июня в речи в Алжире де ля Рокк заявил:

«Я довел до сведения тех, кому это следует знать, что если Даладье войдет в правительство, будет спорт (Ля Рокк имеет в виду вооруженное выступление фашистских сил. — М. З.). Руководители «общего фронта» должны знать, что наш час близок и что мы готовы»⁶.

¹ «Bulletin Quotidien», орган Comité de Forges, излагая новые взгляды Тардые, отмечает, что Тардые хотя и является выдающимся политиком, имеет «огромную слабость: никогда толпа его не признает одним из своих» («Bulletin Quotidien», 14.VI.1935).

² «Journal des Débats», 15.VI.1935.

³ «Echo de Paris», 8.IV.1935.

⁴ Там же, 5.VII.1935.

⁵ Там же, 11.VIII.1935.

⁶ «Dépêche Algérienne», цитирую по журналу «L», 21.VI.1935.

В речи в Муво де ля Рокк выступает в том же духе, заявляя, что, взяв власть, он даст «на некоторое время отставку гнилому парламентаризму». За словами следуют дела. Де ля Рокк усиленно проводит подготовку своих военных сил, устраивает частые мобилизации своих отрядов, разрабатывает стратегию захвата Парижа.

Курс на «активное меньшинство», на силу, на вооруженное выступление («спорт» полковника де ля Рокка), на государственный переворот — вот вывод, который сделали из фактов последнего времени наиболее реакционные элементы господствующих классов Франции.

Но далеко не все круги крупной буржуазии, которые поддерживали план перестройки государства на путях конституционных реформ, пошли за Тардые и его единомышленниками при их последней эволюции. В кругах крупной буржуазии наметилось одновременно и другое, более умеренное течение. Те банковские и промышленные круги, которые боятся резкого обострения политической ситуации, опасаются сильных госкапиталистических тенденций, столь характерных для фашистского строя, те политики господствующих классов, которые трезво оценивают международные последствия государственного переворота, неизбежно сопряженного в условиях Франции с элементами гражданской войны, наконец буржуазные политические деятели, стоящие у кормила власти, дорожащие своими доходными местами и опасющиеся, что при фашистском режиме им придется уступить большую часть их насиженных местечек авантюристским элементам из фашистских организаций, — все эти круги боятся рецептов Тардые и предпочитают пока несколько более умеренный внутриполитический курс. Эти круги, не оценивающие так пессимистически, как Тардые, внутриполитическое положение и рассчитывающие, что не исчерпаны еще все средства укрепления режима на конституционных путях, и в то же время видящие слабость фашистских сил во Франции, а также бессилие фашизма в Германии в его стремлении обеспечить стабильность политического режима, боятся опасного эксперимента и пытаются использовать имеющиеся еще в их распоряжении более умеренные средства. Они стремятся использовать блок с правыми радикалами, чтобы упрочить систему «чрезвычайных полномочий» для правительства, тем самым без коренной ломки режима отодвинуть парламент на задний план, ослабить давление парламентских групп на правительство и предоставить ему возможность при помощи этих полномочий осуществить наступление на трудящиеся массы и укрепить аппарат исполнительной власти. Эти группы буржуазии не отказываются ни от борьбы за общую «реформу государства», которая должна обеспечить создание «сильной власти», ни от поддержки фашистских лиг, в которых они видят важную силу в борьбе с революционным движением, а также важное орудие нажима на правых радикалов и парламентское большинство. Но они считают, что в {настоящий момент общая «реформа государства» на парламентских путях является иллюзией, а государственный переворот — предприятием рискованным и связанным с большими опасностями. В то же время эти круги крупной

буржуазии не теряют надежды разбогачить силы народного фронта и отвлечь от него радикалов.

Начать проведение планов крупной буржуазии с «экономического конца» — такова была основная идея Фландена, таков и замысел Лавалля. Оба они вынуждены при этом прибегать к госкапиталистическим мероприятиям. Но в то время как Фланден, в политике которого консервативная французская буржуазия почуяла рузвельтовские планы и тенденцию к инфляции, натолкнулся на оппозицию со стороны влиятельных регентов «*Banc de France*», Лаваль, начавший с осуществления программы дефляции, сокращения бюджетного дефицита на основе «чрезвычайных полномочий», получил в крупных банках серьезную поддержку.

Полемизируя с самыми реакционными кругами, поддерживающими Тардье, Жиню — редактор связанной с крупнопромышленными кругами «*Journée Industrielle*» и ближайший экономический советник Лавалля — пишет:

«Говорят, и мы сами многократно это говорили, что финансовую проблему можно было бы гораздо легче разрешить, если бы этому предшествовала реформа государства. В настоящий момент эта истина вероятно ничего не потеряла в своей силе, но она платонична»¹.

И отсюда круги, точку зрения которых отражает Жиню, делают вывод: надо использовать все возможности, которые представляет блок с правыми радикалами и практика «чрезвычайных полномочий», ставшая в буржуазных кругах очень популярной со времен Пуанкаре. Нужно использовать этот блок не только для того, чтобы ценой сокращения жалования чиновников, пенсий бывшим участникам войны, некоторого обложения доходов рантье ликвидировать или хотя бы уменьшить дефицит государственного бюджета, но также и для того, чтобы укрепить аппарат исполнительной власти, сделать его более надежной опорой консервативного правительства, значительно ослабить его зависимость от парламентского большинства. Эти последние мероприятия имеет в виду «*Temps*», когда говорит об «органических реформах», к которым приступает правительство Лавалля. Те влиятельные круги крупной буржуазии, которые поддерживают Лавалля и взгляды которых выражает «*Temps*», не считают эти «органические реформы» достаточными, они продолжают настаивать, что для проведения решающих реформ, «от которых зависит жизнь или смерть», «предварительным условием является реформа государства»². Но в то же время они считают правильным использование правительством всех возможностей для проведения частичных «реформ». «*Temps*» пишет:

«Если правительство при теперешнем положении лишь с большим трудом может получить все, что нужно, то вовсе не является для него невозможным получить к о е - ч т о, осуществить частичные реформы, имеющие все же важное значение»³.

Ту же мысль излагает Жиню «в *Journée Industrielle*», когда пишет:

¹ «*Journée Industrielle*», 3.VII.1935.

² «*Temps*», 21.VII.1935.

³ Там же.

«Мы думаем, что и барьер, воздвигнутый малоэффективными средствами, также необходим, чтобы под его прикрытием со временем могло быть реконструировано все здание»¹.

Считая важным осуществление частичных реформ, более умеренные круги реакционной крупной буржуазии критикуют Тардые за его «скептицизм» и «пораженчество». Чтобы добиться осуществления частичных «реформ», эти круги крупной буржуазии стремятся укрепить блок с правыми радикалами, берут в отношении их тон убеждения и выдвигают лозунг создания «антиколлективистского блока»². Более тесным сближением с правыми радикалами они надеются построить ряды народного фронта. Но в то же время и эти более умеренные группы крупной буржуазии оказывают поддержку фашистским лигам, используя их как орудие шантажа и давления в отношении правых радикалов и учитывая, что фашистские боевые отряды являются серьезной силой в борьбе с революционным движением, особенно в моменты решающих классовых конфликтов.

Успехи народного фронта, активизация наиболее реакционных слоев господствующих классов и новая тактика более умеренных слоев крупной буржуазии — все это поставило новые задачи перед пролетариатом. Избирательные успехи народного фронта открывают для него перспективу крупной победы на парламентских выборах, которые согласно конституции должны произойти весной 1936 г. Коммунистическая партия заявила на совещании левых групп парламента о своем согласии поддерживать правительство, которое образуют социалисты и левые радикалы, входящие в антифашистский народный фронт, если это правительство примет на себя обязательство распустить фашистские лиги, очистить государственный аппарат (полицию и армию) от фашистских элементов и провести решительные мероприятия для улучшения материального положения трудящихся. Перспектива антифашистского правительства народного фронта может стать для Франции реальной при дальнейших крупных успехах антифашистского движения. Коммунистическая партия прекрасно отдает себе отчет, что создание такого правительства может стать необходимой задачей только при наличии определенных предпосылок в условиях политического кризиса в стране. Развитие кризиса, влияние международных конфликтов, война в Абиссинии, грозящая вызвать военные столкновения и в Европе, — все это может внести изменения в развитие политической борьбы во Франции, ускоряя или замедляя это развитие. Однако перспектива дальнейшего подъема антифашистского движения, которое на определенной ступени своего развития может поставить как актуальную задачу создание правительства народного фронта, является во Франции вполне реальной перспективой.

Создание правительства народного фронта означало бы переход борьбы с фашизмом в решающую стадию. Со стороны монополистической буржуазии в этом случае были бы пущены в ход все средства;

¹ «Journée Industrielle», 13.VI.1935.

² «Temps», 29.VIII.1935.

чтобы свергнуть это правительство, банки попытаются вызвать финансовую панику, чтобы мобилизовать и собрать под знамена реакции мелкого рантье и другие слои мелкой буржуазии, фашистские лиги не уйдут без крупного боя с политической арены. Опираясь на сплоченные ряды пролетариата и поддержку широких слоев мелкой буржуазии, правительство народного фронта сможет, ломая сопротивление реакционного лагеря, нанести решительный удар фашизму. Но толкать правительство народного фронта на решительную борьбу с фашизмом и расчислить путь для своей победы пролетариат сможет лишь при условии, если к моменту решающих боев с фашизмом он придет, сплотив свои ряды и добившись большого влияния на широкие слои мелкой буржуазии. Только в этом случае он сможет парализовать колебания, свойственные лидерам радикалов, а также и социалистов, которые в борьбе с фашизмом пошли на поддержку народного фронта.

Поэтому коммунистическая партия Франции сейчас, после первых успехов народного фронта, с еще большей настойчивостью приступает к укреплению влияния пролетариата в крестьянстве и вовлечению в антифашистский народный фронт более широких масс трудящихся. Она добивается этого, возглавляя борьбу масс против их ограбления финансовой олигархией, возглавляя их сопротивление всем вылазкам фашистов, а также всем реакционным мероприятиям, прокладывающим путь фашизму, защищая все демократические свободы и выступая застрельщиком в борьбе за мир. Ведя эту борьбу, коммунистическая партия Франции направляет взоры пролетарских масс не назад, к капитализму, а вперед, к социализму.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
На повороте	6
Ослабление экономических позиций французского капитализма	16
Развал версальской системы и ухудшение международного положения французского империализма	30
Упадок буржуазной демократии	34
Реакционные слои крупной буржуазии в борьбе за «сильную власть» .	44
Фашистские организации	56
Отпор пролетариата	81
Брожение в среде мелкой буржуазии и создание народного фронта . .	94
На новом этапе борьбы	117

ЦЕНА 1 руб. 80 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

во все магазины и киоски Когиза. Почтовые заказы направлять без задатка:
Блюхеровский пер., 8, Могиз „Книга-почтой“

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Сектор партийной и комсомольской литературы Когиза,
Москва, Блюхеровский пер. 8.